

Санкт-Петербургский государственный университет

ШЕВЕЛЕВ Артём Андреевич

Выпускная квалификационная работа

***Теория международной безопасности:
от концепций к политической практике***

Theory of the International Security: from the Traditions to Political Practice

Уровень образования: магистратура

Направление 41.04.05 «Международные отношения»

Основная образовательная программа ВМ.5557. «Дипломатия Российской Федерации и зарубежных государств»

Научный руководитель: Профессор
кафедры теории и истории
международных отношений
факультета международных
отношений Санкт-Петербургского
государственного университета,
Доктор политических наук,
Коньшев Валерий Николаевич

Рецензент: Профессор кафедры
прикладного политического
анализа и моделирования
Института международных
отношений и мировой истории
Университета Лобачевского,
Доктор политических наук,
Грачев Сергей Иванович

Санкт-Петербург
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «БЕЗОПАСНОСТИ» В ОСНОВНЫХ ПАРАДИГМАХ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
- Неореализм - безопасность через силу.....	21
- Фактор морали и права в обеспечении безопасности. Неолиберализм.....	30
- Глобализм - безопасность «глобального гражданского общества».....	40
- Постпозитивизм и секьюритизация понятия угрозы.....	47
ГЛАВА 2. ДИСКУССИИ О СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗАХ БЕЗОПАСНОСТИ	
- Эволюция международной среды и угроз безопасности.....	57
- «Мягкие» угрозы безопасности.....	66
- Асимметричность вызовов нового поколения.....	70
- Гибридность угроз настоящего.....	75
- Комплексный характер современных угроз.....	79
ГЛАВА 3. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
- Сущность и доктринальные основы феномена кибербезопасности.....	85
- Угрозы информации и киберинфраструктуре.....	101
- Механизмы нейтрализации киберугроз Российской Федерации.....	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	129

ВВЕДЕНИЕ

«Безопасность - это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹. Подобная формулировка, характеризующая феномен «безопасности» в Российской Федерации была впервые нормативно зафиксирована в Законе Российской Федерации №2446-І от 5 марта 1992 года, который носил созвучное наименование «О безопасности». Впоследствии термин широко использовался отечественными исследователями, рассматривающими по большей мере вопросы национальной безопасности, однако нередко затрагивающими феномен международной безопасности. Подобное описание одного из наиболее значимых как для человека и государства, так и для всего мира феноменов носило весьма широко объёмлющий характер, что позволило данной формулировке просуществовать в российском законодательстве вплоть до 2010 года. 28 декабря указанного года был принят Федеральный закон «О безопасности», который фактически упразднил существовавший до этого Закон. Примечательно, что в новой редакции документа Статья 1 «Понятие безопасности и её объекты» была вовсе удалена², что несомненно указывает на тот факт, что современный мир сильно отличается от реалий XX века и что феномен «безопасности» XXI века приобрёл куда более глубокое значение, не поддающееся чёткому описанию в рамках одного предложения.

Схожая тенденция наблюдается и при рассмотрении исторической эволюции понятия «международная безопасность». В 1981 году известный советский историк Д.М. Проэктор, говоря о международной безопасности предложил следующее определение: «состояние международных отношений, при котором создаются условия, необходимые для существования и функционирования государств при обеспечении их полного суверенитета, политической и экономической независимости, возможности отпора военно-политическому нажиму и агрессии, их равноправных отношений с другими государствами»³. Данная формулировка довольно точно отражала состояние феномена на конец XX века, однако новые вызовы, требуют определённого сосредоточения внимания на вопросах кооперации, необходимой для поддержания необходимого уровня защищённости населения планеты. На подобную специфику современных международных отношений в своём выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности, прошедшей с 15 по 17 февраля 2019 года,

¹ Закон Российской Федерации №2446-І от 5 марта 1992 г. «О безопасности»

² Федеральный закон №390-ФЗ от 28 декабря 2010 «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. №1.

³ Никонов А.Д. Проблемы военной разрядки / Проэктор Д.М., Никонов А.Д. - М.: Наука, 1981. - 199 с.

обратил внимание и российский министр иностранных дел С.В. Лавров. Дипломат отметил, что современное состояние европейских дел нуждается в глобальной реконструкции, проводимой в идеологическом ключе Шарля де Голля и его концепции «Большой Европы», зародившейся в далёком 1959 году в Страсбурге, однако, так и не реализованной на практике⁴. Подобный подход подразумевал глубокое взаимодействие государственных акторов на всей территории европейского пространства, рассматриваемого в географических масштабах от Лиссабона до Владивостока, с целью обеспечения единой европейской безопасности.

Описанный ход событий выступил ярким показателем, реакцией на возникающие изменения в международной среде. Прежде всего данные изменения были обоснованы эволюцией современного мира, которая привела к проявлению большого числа угроз, ранее не имевших столь пагубного воздействия на отдельного человека, государство, а также на мировой порядок. Изменился характер взаимоотношений международных акторов, а с ним изменилась и система международных отношений, которая породила принципиально новые вызовы безопасности. Ярким тому подтверждением может выступить фактор киберугрозы, за последнее десятилетие ни раз продемонстрировавший свой деструктивный потенциал на практике. Компьютерный вирус «I love you», массовые атаки хакеров на объекты государственной киберинфраструктуры в США, Франции, Эстонии и множестве других стран, распространение вируса «WannaCry», публикация архивов засекреченной документации на портале WikiLeaks, кибернетическая атака на избирательные штабы кандидатов во время предвыборной гонки в США и Франции, угроза кибернетического воздействия на ход избирательной кампании 2019 года в Украине - всё это лишь малая часть негативных факторов, имевших место в киберпространстве в последние годы. А ведь киберугроза не единственный новоявленный вызов современному миру.

Изменения в международной среде, вызванные эволюцией угроз, привели и к тому, что более национальная стабильность не может быть достигнута без международной и наоборот международная не эффективна без национальной. Подобная характеристика феномена безопасности означает, что в современном мире фактически стирается граница между безопасностью международной и безопасностью национальной, а вызовы, в свою

⁴ Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года / МИД РФ - 2019. - URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3520272 (Дата обращения: 04.03.2019)

очередь, воспринимаются не как отдельные угрозы человеку или государству, а как факторы, способные дестабилизировать региональную и даже общемировую обстановку. Данный факт возвращает проблематику безопасности в международный научно-исследовательский дискурс, а также указывает на необходимость критического переосмысления концепта «безопасности» в теории международных отношений, с целью выделения наиболее эффективных механизмов противодействия угрозам современного порядка, а также для устранения не соответствующих современным реалиям положений теоретической базой.

Из обозначенной выше позиции можно заключить, что в рамках данного исследования будет рассмотрено достаточно большое количество *теоретических подходов* к проблематике безопасности. К их числу в первую очередь будут отнесены основные парадигмы теории международных отношений: неореализм, неолиберализм, глобализм, постпозитивизм, а также существующие в рамках данных теоретических подходов концепции, характеризующие концепт «безопасности». Помимо того, отдельное внимание в рамках данного исследования будет уделено теории секьюритизации, что определено её весом в эволюции концепта «безопасности». Впрочем, можно выделить отдельный теоретический подход послужившей некой отправной точкой данного исследования, а именно концепцию «Общей безопасности», сформулированную на закате XX века, в 1980-е годы, и окончательно оформленную финским исследователем-политологом Раймо Вайриным в 2010 году⁵. Отличительной особенностью данного теоретического подхода является то, что он учитывает вероятность возникновения угроз трансграничного характера, по этой причине был предложен революционный для XX века механизм поддержания национальной безопасности за счёт наращивания многостороннего взаимодействия международных акторов в различных областях, что в конечном счёте должно привести к максимизации уровня взаимозависимости акторов на международной арене, при котором возникновение любой угрозы внутри системы будет автоматически накладывать негативный, пагубный эффект на инициатора, агрессора. Подобная характерная особенность предполагаемой международной системы безопасности позволит международным акторам в меньшей степени опасаться возникновения угрожающих феноменов в лице своих соседей. Помимо того, высокий уровень кооперации на мировой арене будет иметь всесторонне положительный эффект на общемировую экономику, уровень благосостояния населения планеты, а также позволит мировому сообществу совместными усилиями эффективно и

⁵ David Cortright, Raimo Vayrynen Towards Nuclear Zero / David Cortright, Raimo Vayrynen // London: International Institute for Strategic Studies – Arundel House. - 2010. - P. 182

оперативно реагировать на возникающие угрозы извне, к которым, в качестве примера, можно отнести современный международный терроризм. Данный подход был изначально сформулирован как альтернатива популярной стратегии сдерживания, обладающая механизмами либерально-идеалистического порядка, идеалы которого на сегодняшний день способны предоставить пожалуй наиболее эффективные рычаги противодействия угрозам XXI века. Таким образом, важной составляющей рассматриваемого подхода становится выделение необходимости осуществления взаимодействия на международной арене с целью развития национальной безопасности, что является существенным фактором в реализации международной.

Актуальности данного исследования в области теории международной безопасности не может быть поставлена под сомнения, на что в первую очередь указывает специфика феномена безопасности, который из поколения в поколение, из десятилетия в десятилетие волнует и возмущает умы учёных, исследователей, политиков и многих других людей, равнодушных к проблематике. По этой причине каждый год возникают новые монографии и статьи, заключаются международные договоры на двусторонней и многосторонней основе, происходят события, влияющие на международную безопасность, возникают конфликты и угрозы - всё перечисленное в определённой степени позволяет тематике безопасности из года в год сохранять свою актуальность. За примером даже не нужно далеко ходить, стоит лишь вспомнить о Мюнхенской конференции по безопасности, которая на регулярной основе, ежегодно, предоставляет исследователям пищу для размышления. 2019 год не стал исключением, при этом импульс новым исследованиям на текущей конференции задал никто иной как С.В. Лавров, который, как уже было отмечено прежде, продемонстрировал своим европейским коллегам недостатки действующей политики Европейского Союза в области безопасности, указав на то, что ЕС не следовало склоняться в сторону НАТО, чья политика на современном этапе далека от прогрессивной, и лишний раз отметив готовность российской стороны к выстраиванию всестороннего конструктивного диалога, а также заинтересованность России в самостоятельной Европе, которая способствовала бы поддержанию многополярности современного мира⁶. Подобные заявления первых лиц государства, несомненно, создают определённый прецедент, активизируя научный дискурс по

⁶ Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года / МИД РФ - 2019. - URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3520272 (Дата обращения: 04.03.2019)

проблематике безопасности, однако не только упомянутая конференция свидетельствует об актуальности исследования феномена международной безопасности.

Также актуальность данной проблематики подчёркивает нарастание напряжённости в межгосударственных отношениях последних лет, многие из которых уже переросли в состояния конфликта. Ярким доказательством тому могут послужить события в Сирии и Ливии, приковавшие внимание исследователей со всего мира и ставшие одними из наиболее ярких вооружённых противостояний второго десятилетия XXI века. Внутригосударственные конфликты также возымели определённое воздействие современную международную обстановку. К их числу можно отнести как события в Украине 2014 года, до сих пор оказывающие резонанс на безопасность отдельных государств, так и феномен сепаратизма, к примеру, в Каталонии, которые также создают пагубное воздействие на региональную безопасность.

Отдельного внимания заслуживает неостановимый технологический прогресс, который уже позволил исследователям, а также военно-политическому руководству стран мира отнести киберпространство к полноценному полю ведения боевых действий⁷. Многие аналитики указывают на вероятность активизации наступательной деятельности отдельных государств в кибернетическом пространстве, что открывает новые горизонты для изучения проблематики международной безопасности. Ярким примером подобной наступательной деятельности могут послужить не столь давние события президентской гонки в Соединённых Штатах Америки и во Французской Республике, когда атаке подверглись предвыборный штаб Эмануэля Макрона⁸ и Хиллари Клинтон⁹. Более того, предметный интерес к наращиванию сил в упомянутой среде обозначают и крупные международные военные объединения, во главе которых стоит НАТО¹⁰¹¹. На современном этапе Организация

⁷ Воронцов С.А. Политическая культура и идеологии: О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере / Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2015. №9. - С.16-25

⁸ BBC: Макрон: наши серверы взломаны хакерами / BBC – 2017. – URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39829217> (Дата обращения: 22.09.2018)

⁹ BBC: «Российский след» на выборах президента США: так были ли хакеры? / BBC – 2016. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38205035> (Дата обращения: 22.09.2018)

¹⁰ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

¹¹ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 2) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С. 5-12

уже даже сделала конкретные шаги к наращиванию своих сил в обозначенном поле: НАТО взялось за формирование европейского центра киберопераций¹².

Нельзя забывать и о феномене терроризма, который в последние годы приобрёл принципиально иной вид: во-первых, многие исследователи указывают на проявление такой угрозы как кибертерроризм, ставший последствием технологического прогресса во всех областях жизни общества, и приведший к значительному повышению зависимости государства, его институтов, общества и индивидов от киберинфраструктуры, пагубное воздействие на которую террористы стремятся оказать, дестабилизируя тем самым обстановку в отдельных регионах¹³. Более того, в Российской Федерации существование подобной угрозы зафиксировано на законодательном уровне в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, где отмечено, что её проявление заключается в «нагнетании межнациональной и социальной напряжённости» за счёт современных технологий киберинфраструктуры¹⁴. Помимо того, дополнительный импульс рассмотрению терроризма как принципиально новой угрозы международной среде придал факт возникновения «Исламского государства», более известного как ИГИЛ, поскольку никогда ранее террористические формирования не приобретали территориальной целостности. Подобные обстоятельства несомненно выступили новым вызовом мировому сообществу, актуализируя проблематику безопасности.

Анализируя указанные выше факты, можно прийти к выводу о том, что существующие теории, теоретические подходы и концепции теряют свою актуальность за счёт того, что предложенные ими механизмы противодействия или упреждения угроз перестают быть эффективными, не соответствуя текущим реалиям, которые формируются под неустанным воздействием международной среды и технологического прогресса, меняющих требования не только к механизмам личной безопасности, но и к инструментам безопасности международной. По этой причине критическая оценка концепта «безопасности» в теории международных отношений с целью выделения наиболее эффективных механизмов противодействия угрозам современного порядка, а также для

¹² РиаНовости: НАТО одобрит создание центра киберопераций Альянса / РиаНовости - 2018.- URL: <https://ria.ru/20180710/1524312739.html> (Дата обращения: 22.04.2019)

¹³ Троегубов Ю.Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет / Троегубов Ю.Н. // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. - 2014. №3. - С.143-147

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

устранения не соответствующих современным реалиям положений теоретической базой, несомненно, является актуальной тематикой для проведения исследования.

Обозначенные прежде особенности современной системы международных отношений, современных угроз безопасности, а также вызовов, стоящих перед существующими теоретическими подходами и указывающих на низкую эффективность предоставляемых ими механизмов обеспечения международной безопасности, позволили сформировать основную *цель* данного исследования - выявить практическую ценность существующей теоретической базы международных отношений в вопросе противодействия современным угрозам безопасности.

Таким образом, исходя из обозначенной цели исследования, особое внимание будет уделено существующей теоретической базе международных отношений для выделения действенных механизмов противодействия современным угрозам, а также искоренению деструктивных элементов из существующей концептуальной базы. При этом основным *объектом* исследования стала обозначенная ранее теоретическая база феномена безопасности, на сегодняшний день существующая в теории международных отношений. Для полноценного раскрытия тематики, к объектам исследования также будут отнесены современные угрозы международной безопасности и, в частности, феномен кибербезопасности, привлечённый для практической проверки механизмов, предоставляемых теоретической базой.

Реализация поставленной цели предполагает решение ряда *задач*, необходимых для наиболее глубокого раскрытия потенциала исследования. К их числу относятся:

- 1) Выделить основные положения теоретической базы международных отношений, характеризующей концепт «безопасности»;
- 2) Обозначить как положительные, так и отрицательные стороны рассмотренных теоретических концепций с точки зрения их эффективности и соответствия современным реалиям;
- 3) Обозначить текущее состояние международной среды;
- 4) Выделить характерные особенности современных угроз безопасности;
- 5) Проанализировать сущность и доктринальные основы феномена «кибербезопасности» с выделением актуальных угроз киберсреде;
- 6) На примере кибербезопасности Российской Федерации рассмотреть современные механизмы нейтрализации киберугрозы, одного из основных вызовов человечеству в XXI веке.

Приведённые выше задачи призваны наделить теорию международной безопасности практической ценностью за счёт адаптации достижений теории международных отношений к угрозам и вызовам современного мира, а также за счёт практической проверки эффективности теории в противодействии передовой угрозе безопасности - киберугрозе.

Подобная постановка требований к исследованию сформировала внушительную *методологическую базу* работы, основу которой составили методы научного познания, обширно используемые в региональных и международных исследованиях. Сформировать первую часть работы, посвящённую обзору существующих подходов теории международных отношений, в значительной мере позволили методы формализации, идеализации и абстрагирования, призванные рассмотреть достижения науки о международных отношениях с предельно разных сторон. Помимо того, определённую пользу преподнес метод системного анализа, предпринятый для выявления сильных и слабых сторон теорий в современной системе международных отношений. В тоже время, применение метода сравнительного анализа позволило выделить положительные, отстранив при этом отрицательные, фрагменты имеющейся базы с целью перенятия исключительно положительного опыта теории международных отношений для его последующей проверки на практике.

Реализовать вторую часть исследования, в рамках которой происходит рассмотрение современного состояния международных отношений, а также уделяется отдельное внимание новым угрозам международной безопасности и кибербезопасности, в частности, позволили такие специфические методы исследования, как метод контент-анализа, дискурс-анализа, ивент-анализа, анализа событий, а также широко известный метод прогнозирования. Обозначенные подходы позволили грамотно проанализировать текущее состояние международной среды, разобрать сущность феномена кибербезопасности, а также выявить характерные особенности основных угроз феномену безопасности, выделяемые на принципиально разных уровнях и в разных уголках планеты за счёт анализа не только событий, имевших место в последние несколько десятилетий, но и за счёт изучения научно-политического дискурса по проблематике безопасности, а также за счёт рассмотрения национальной и международной нормативно-правовой базы. Метод прогнозирования, в свою очередь, позволил сделать несколько значимых выводов в отношении текущей повестки дня, а также предположительного развития международной системы на ближайшую перспективу, что дало возможность перейти к следующей главе работы, обладая конкретными

представлениями о тех вызовах, с которыми сталкивается теоретическая база международных отношений на современном этапе.

На завершающем этапе исследования, с целью перехода к политической практике, был принят метод case-study, в рамках которого была оценена эффективность прогрессивных механизмов нейтрализации угроз и обеспечения безопасности, представленных в теории международных отношений. В качестве конкретной ситуации, конкретного вызова, была взята кибербезопасность Российской Федерации, достижение которой становится вызовом существующей теоретической базе. Использование обозначенного метода исследования позволило на конкретном примере определить практическую ценность теории.

Рассмотрение *хронологических рамок* исследования требует разделения работы на две части: анализ теоретической базы международных отношений и анализ современного состояния международных отношений. В первом случае рассмотрение достижений теории международных отношений требует более глубокого изучения, поскольку первые шаги теории были сделаны в середине XX века, а точнее в межвоенный период, а уже во второй половине того же столетия она приобрела внушительное число последователей, работы которых и стали плацдармом данного исследования. Тем ни менее, для полноценного изучения проблематики безопасности в теории международных отношений приходилось обращаться и к трудам основателей теории, а потому хронологические рамки первой части исследования были отброшены именно до середины прошлого столетия. Что же касается второй части, то здесь временной чертой можно обозначить 90-е годы XX века, с приходом которых мир столкнулся с четырьмя факторами, определившими дальнейшую эволюцию международной среды и отразившимися на становлении угроз принципиально нового типа: расширение понятия безопасность, крах биполярной системы, глобализация, а также технологический прогресс. Таким образом, хронологические рамки второй части исследования ограничиваются тремя прошедшими десятилетиями.

Из поставленных цели и задач исследования логично следует, что для успешной реализации работы следовало прибегнуть к весьма обширной *базе источников и литературы*. Поскольку речь идёт о феномене безопасности, затрагивающем интересы всех без исключения государств мира, то и исследования посвящённые проблематике публикуются фактически на всех языках мира. По этой причине необходимые для разработки тематики труды теоретиков и исследователей проблематики, а также нормативно-правовые документы были проанализированы сразу на нескольких языках. Впрочем, начнём по порядку, разделив работу на три составляющие: на базу источников и литературы теории

международных отношений, на базу источников и литературы характеризующих современное состояние международной среды и вызовы международной безопасности и на базу источников и литературы, описывающие феномен кибербезопасности.

Основой исследования стал анализ теории международных отношений, её современных парадигм и частных концепций, которой был призван указать путь эволюции концепта «безопасности», а также продемонстрировать механизмы используемые в теоретическом дискурсе для нейтрализации современных угроз безопасности. Реализовать отмеченный курс позволил ряд трудов исследователей-международников, а также политологов и в целом экспертов по проблематике безопасности. Впрочем, в подборе базы источников и литературы к данной части исследования была одна специфическая особенность: как отмечает в своём фундаментальном творении «Теория международных отношений» П.А. Цыганков действительное формирование базы исследований и публикаций по проблематике теории международных отношений в России и на постсоветском пространстве начинается лишь с 1990-х годов, когда в фокус отечественных учёных попадает необходимость развития политических наук в стране¹⁵. Потому рассмотрение основных положений парадигменного характера в теории международных отношений требовало частого обращения к трудам зарубежных теоретиков, фактически сформировавших те или иные теоретические подходы. Так, к примеру, важную роль в формировании концепта «безопасности» сыграли труды Фукидида¹⁶ и К. фон Клаузевица¹⁷, ставших основоположниками «канонической» парадигмы политического реализма, Р. Арона¹⁸, Г. Киссинджера¹⁹, Г. Моргентау²⁰, Э. Карра²¹ и К. Уолтса²², позволивших сформировать основные положения реализма в разных его проявлениях, Р. Гилпина²³, автора теории

¹⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

¹⁶ Фукидид История / Фукидид - Репринт. изд. - СПб.: София: ТОО "Пролог", 1994. - 403 с.

¹⁷ C. von Clausewitz On War / C. von Clausewitz - Princeton University Press, 1989. - 752 p.

¹⁸ Арон Р. Мир и война между народами / Арон Р. - М.: NOTA BENE, 2000. - 880 с.

¹⁹ Kissinger H. Diplomacy / Kissinger H. - N.Y.: A Touchstone Book, 1995. - 912 p.

²⁰ Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир / Моргентау Г. // Социально-политический журнал. - 1997. №2. С.189-201

²¹ Carr E.H. The Twenty Years' Crisis 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations / Carr E.H. - L.: Harper Perennial, 1964. - 244 p.

²² Waltz K.N. Man, the State, and War: Theoretical Analysis / Waltz K.N. - N.Y.: Columbia University Press, 1959. - 263 p.

²³ Gilpin R. War and Change in World Politics / Gilpin R. - Cambridge University Press, 1983. - 288 p.

гегемонистской стабильности, Дж. Херца²⁴, идейного вдохновителя дилеммы безопасности, С. Уолта²⁵, основоположника теории баланса угроз, а также труды ряда других представителей неореалистической и предшествовавших ей парадигм, выработавших частные теории и концепции по проблематике безопасности. Схожее положение приобрело и рассмотрение парадигмы неореализма, особую роль в понимании феномена безопасности которой сыграл монументальный труд И. Канта «К вечному миру»²⁶, ставший импульсом развития либеральных взглядов в международных отношениях, Дж. Кларка²⁷, развившего положения либерально-идеалистической парадигмы, предшествовавшей неореализму, работы Дж. Ная и Р. Кохейна²⁸, авторов теории взаимозависимости, Р. Козна²⁹, размышлявшего над сущностью концепции кооперативной безопасности, а также множество других представителей неолиберальной теории, внесших вклад в становление неолиберального восприятия концепта «безопасности». Далее отдельное внимание было уделено парадигме глобализма и её восприятию международных процессов. Среди трудов основоположников теории можно выделить достижения таких теоретиков, как Дж. Розенау³⁰, которого принято считать основоположником парадигмы глобализма, Р. Пребиша³¹, выдвинувшего концепт теории зависимости, А.Г. Франка³², преподнёсшего науке идею теории центра и периферии, конечно же, И. Валлерстайна³³³⁴ с его мир-системным анализом, также отдельное внимание было уделено основоположнику школы мирных исследований в

²⁴ John H. Herz Idealist Internationalism and the Security Dilemma / John H. Herz // World Politics. - 1950. Vol.2. №2. - P.157-180

²⁵ Walt S. The origins of alliances / Walt S. - N.Y.: Cornell University Press, 1987. - 336 p.

²⁶ Кант И. К вечному миру (Иммануил Кант. Сочинения в 6 т. Т. 6.) / Кант И. - М.: Мысль, 1966. - 4190 с.

²⁷ Clark G., Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans / Clark G., Sohn L.B. - Harvard University Press. Cambridge, 1966. - 535 p.

²⁸ Robert O. Keohane, Joseph S. Nye Power and Interdependence / Robert O. Keohane, Joseph S. Nye // International Organization. - 1987. Vol.41. №4. P.725-753

²⁹ Cohen R. Cooperative Security: New Horizons for International Order / Cohen R. - P.N.: The Marshall Center Papers, 2001. - 67 p.

³⁰ Rosenau J.N. Order and Disorder in the Study of World Politics / Rosenau J.N. // Globalism versus Realism: International Relations' Third Debate, 1982. - P.1-7

³¹ Prebisch R. Towards a Dynamic Development Policy for Latin America / Prebisch R. - N.Y.: United Nations, 1963. - 103 p.

³² Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America / Frank A.G. - N.Y.: Monthly Review Press, 1969. - 224 p.

³³ Валлерстайн И. Миротсистемный анализ. Введение / Валлерстайн И. - М.: Ленанд, 2018. - 304 с.

³⁴ Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / Wallerstein I. - N.Y.: Academic Press, 1974. - 410 p.

рамках глобализма Й. Гальтунгу³⁵³⁶³⁷ и некоторым другим исследователям-международникам. Завершающей частью рассмотрения современных парадигм теории международных отношений стало изучение трудов представителей постпозитивистской парадигмы. В особенности, интерес для данного исследования представили труды таких членов мирового академического сообщества, как М. Фуко³⁸, одного из основоположников парадигмы, а также сторонника критической теории, постмодернисты Дж. Джордж³⁹ и Р.Б. Уолкер⁴⁰, последователя постмодернистского феминизма Дж.Э. Тикнера⁴¹, развившего феномен «гендера» в науке о международных отношениях, а также ряд представителей социального конструктивизма, в частности, А. Вендт⁴², один из главных идейных вдохновителей конструктивизма, О. Вэвер и Б. Бузан⁴³⁴⁴, представители Копенгагенской школы мирных исследователей, реализовавшие теорию секьюритизации.

Впрочем, для полноты исследования было недостаточно обратиться лишь к основоположникам парадигм теории международных отношений. Особую ценность для исследования проблематики безопасности в указанном сегменте представили отечественные и зарубежные труды научного сообщества. Поистине фундаментальными работами можно назвать упомянутую ранее «Теорию международных отношений» П.А. Цыганкова⁴⁵, работы

³⁵ Galtung J. A Structural Theory of Imperialism / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1971. №2. P.81-98

³⁶ Galtung J. A Structural Theory of Agression / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1964. Vol.11. №2. - P.95-119

³⁷ Galtung J. The Next Twenty-five Years of Peace Research: Tasks and Prospects / Galtung J. - Oxford Project for Peace Studies, 1988 - 28 p.

³⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Фуко М. - М.: Праксис, 2002. - 384 с.

³⁹ George J. Discourses of Global Politics: A Critical (Re)Introduction to International Relations / George J. - Palgrave, 1994. - 280 p.

⁴⁰ Walker R.B.J. One world, many worlds: struggles for a just world peace / Walker R.B.J. - Lynne Rienner Publishers, 1988. - 192 p.

⁴¹ Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Тикнер Дж.Э. - М.: Культурная революция, 2006. - 336 с.

⁴² Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / Hopf T. // InternationalSecurity. - 1998. Vol.23. №1. - P.171-200.

⁴³ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis / Buzan B., Wæver O., de Wilde J. - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. - 239 p.

⁴⁴ Buzan B., Wæver O. Regions and powers / Buzan B., Wæver O. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 564 p.

⁴⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

В.Н. Кобышева и А.А. Сергунина⁴⁶⁴⁷, посвященные современным теориям международных отношений, а также труд западных экспертов-международников П.Р. Виотти и М.В. Кауппи⁴⁸. Обозначенные исследователи, а также критическая оценка, предоставленная в их трудах, позволили предать исследованию комплексный характер, выстроить эволюцию концепта «безопасности», выделив все основополагающие подходы и концепции в теории международных отношений, затрагивающие проблематику безопасности. Реализовать отмеченную задачу также позволили и исследования академического сообщества, публикуемые в периодических изданиях, научных журналах. В частности, благоприятное воздействие на рассмотрение эволюции концепта «безопасности» оказали статьи В.И. Доброденькова⁴⁹, посвященные политическому реализму, Р. Джервиса⁵⁰ американского профессора Колумбийского университета изучившего дилемму безопасности, работы Ивоина Ю.П. и Ивоиной О.И.⁵¹, посвятившие исследования проблематике безопасности в либерально-идеалистической и неолиберальной парадигмах, статьи А.Д. Ротфельда⁵², характеризующие феномен безопасности в его современном проявлении, М.А. Тамбовцевой⁵³, посвятившей часть своих трудов теории секьюритизации, а также труды некоторых других представителей российского и зарубежного академического сообщества. Завершая обзор источников и литературы первой части исследования, посвященной эволюции концепта «безопасности», стоит отметить, что выделенные в ходе исследования положения основных парадигм, а также частных концепций стали теоретической базой для последующей части исследования, а потому было принято решение объединить данную

⁴⁶ Кобышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Кобышев В.Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

⁴⁷ Кобышев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Кобышев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

⁴⁸ Viotti P.R., Kauppi M.V. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism and Beyond / Viotti P.R., Kauppi M.V. - N.Y.: Macmillan, 1992. - 618 p.

⁴⁹ Добренков В.И. Политический реализм и политический прагматизм в международных отношениях / Добренков В.И. // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. №1. С.18-32

⁵⁰ Jervis R. Cooperation under security dilemma / Jervis R. // World politics. - 1978. Vol.30. №2. - P.167-214

⁵¹ Ивоин Ю.П., Ивоина О.И. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта / Ивоин Ю.П., Ивоина О.И. // Вестник Томского государственного университета. - 2016. № 407. - С.78-88

⁵² Ротфельд А.Д. Международная безопасность: формирующаяся повестка дня / Ротфельд А.Д. // Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 1997. С.38

⁵³ Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации / Тамбовцева М.А. // Грамота. - 2017. №9(83). С.185-187

группу трудов международного академического сообщества в категорию источников данной работы.

Вторая составляющая исследования была посвящена современному состоянию международной среды и характеристике вызовов международной безопасности наших дней. Безусловно, проведению исследования в данном направлении способствовали и обозначенные прежде труды теоретиков международных отношений, в частности большое внимание современному состоянию международной среды и характеристике угроз безопасности уделяется представителями постпозитивистской парадигмы. Более того, значительные шаги в данном направлении были сделаны и в монументальных трудах П.А. Цыганкова, В.Н. Коньшева и А.А. Сергунина, которые также рассматривали изменения международной. Впрочем, на процесс реализации данного сегмента исследования оказали влияние и не затронутые ранее работы Р. Ульманна⁵⁴, одним из первых указавшего на изменение характера феномена безопасности, М.И. Рытхика⁵⁵, рассмотревшего фактор «мягкой безопасности» в современном мире, Л.В. Дериглазовой⁵⁶ и С.М. Уолта⁵⁷, указавших на воздействие краха биполярной системы на международную среду и характер взаимоотношения акторов в ней, работа Бабуриной О.Н.⁵⁸, продемонстрировавшей воздействие глобализации на международную среду, а также ряд других исследователей, рассмотревших глобальные изменения в международной среде, а также порождённые ими принципиально новые угрозы безопасности человека и общества. Дополнительно стоит отметить, что особый вклад в анализ современных угроз внесло изучение событийной базы, по этой причине важной составляющей базы источников и литературы данной части исследования выступили материалы сети интернет, отражающие проявление тех или иных пагубных факторов международной среды. К примеру, обращение к новостному portalу

⁵⁴ Ulmann R. Redefinig security / Ulmann R. - International security. - 1983. Vol.8. №1. - P. 129-153

⁵⁵ Рытхик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов». Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Рытхик М.И. - М.: Аспект Пресс, 2002. - 197 с.

⁵⁶ Дериглазова Л.В. Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания «холодной войны» / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2005. №1. - С.56-61

⁵⁷ Walt S.M. The Ties That Fray. Why Europe and America are Drifting Apart / Walt S.M. // The National Interest. - 1998. №110.

⁵⁸ Бабурина О.Н. Концептуальные подходы к международным отношениям в условиях глобализации: от альтернатив дихотомии к синергетике / Бабурина О.Н. // Известия ВУЗ. Поволжский регион. - 2008. №1. - С. 73-81

РИА Новости позволило выявить эволюцию такого фактора как киберугроза, ставшего одним из основных вызовов безопасности человека и общества⁵⁹.

Последний сегмент исследования направлен на изучение феноменов преимущественно развившихся в XXI веке, к примеру, появление сети «интернет» в том виде, который знаком нам, относят к середине 90-х годов минувшего столетия⁶⁰, а ведь именно появление сети послужило предпосылкой к возникновению феномена кибербезопасности. По этой причине первостепенную ценность для исследования в данном его аспекте составила нормативно-правовая, научная, а также событийная база, в большей степени сформировавшаяся в XXI веке. Несомненно, подобное положение говорит о возможности прибегнуть к достаточно свежим и более точным данным и исследованиям проблематики кибербезопасности, в большом объеме подготовленным мировым научным сообществом, однако, в то же время ограничивает базу исследования за счёт малого количества фундаментальных творений по проблематике феномена. Впрочем, данный факт служит дополнительным доказательством актуальности проводимого исследования и лишний раз говорит о необходимости изучения киберпространства и исходящих от него угроз в контексте пересмотра теоретической базы международной безопасности.

Продолжая тематику рассмотрения феномена кибербезопасности, стоит отметить, что основу исследования в данном направлении составили как документальные, так и нарративные источники. Фактологический материал, а также оценочные сведения позволили глубже раскрыть явление кибербезопасности в качестве одного из основополагающих вызовов XXI века. Анализ Резолюций Генассамблеи ООН по «Борьбе с преступным использованием информационных технологий» №55/63 и №56/121 от 2001 и 2002 года соответственно, а также Резолюция по «Созданию глобальной культуры кибербезопасности» №57/239 от 2003 года, помогли выявить реакцию международного сообщества в лице ООН, а также непосредственную роль Организации в обеспечении контроля и воздействия на киберпространство. Исходя из содержащихся в упомянутых документах статей, их непосредственное предназначение состояло в передаче наставления, демонстрации государствам основных принципов, следуя которым международное сообщество сможет поддерживать безопасность и функциональность мировых сетей. Несколько обратный характер носят рассмотренные статьи нормативно-правовой документации НАТО.

⁵⁹ РиаНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РиаНовости - 2014. - URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)

⁶⁰ Gozzi R. A brief history of internet time / Gozzi R. // *Metaphors in action* - 2002. №1 - P.47-54

Основываясь на Стратегической концепции по обороне и безопасности членов договора, а также заявлениях официальных представителей в отношении планируемого центра киберобороны, многие исследователи склоняются к единому мнению, что обеспечение безопасности государств-членов альянса в киберпространстве будет достигаться за счёт ведения политики «Hard Security», которой характеризуют основную деятельность организации и характерная особенность которой состоит в применении силы как для противодействия возникшей угрозе, так и для предотвращения её возникновения⁶¹.

На приведённых документах исследованная нормативно-правовая база не ограничивается: позиции ООН и НАТО наглядно продемонстрировали наличие некоего состояния разобщённости в действиях мирового сообщества. По этой причине анализ феномена кибербезопасности требует обращения к национальным законодательствам, что позволит определить восприятие теми или иными государствами угроз, исходящих из киберпространства. К числу наиболее значимых документов можно отнести The US Department of Defense Cyber Strategy опубликованную 17 апреля 2015 года, National Cyber Strategy of the United States of America от 20 сентября 2018 года, US National Security Strategy от 12 февраля 2015 года и другие зарубежные правовые акты, описывающие государственную позицию в обеспечении кибербезопасности. Что же касается правых документов Российской Федерации, то здесь стоит отметить, что как показало исследование российская нормативно-правовая база, координирующая вопросы кибербезопасности, является одной из наиболее прогрессивных в сравнении с мировыми аналогами, в неё входит весомое количество правовых актов, к которым, к примеру, можно отнести: Указ Президента Российской Федерации за номером № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», принятый в декабре 2016 года, Проект «Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации», принятый на рассмотрение в ноябре 2013 года, Указ Президента № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года и другие акты российского законодательства. Приведённые источники стали внушительным плацдармом восприятия фактора киберугрозы основными объектами кибербезопасности.

Не только национальные и международные нормативно-правовые документы оказали влияние на разработку проблематики кибербезопасности: особое внимание было уделено и исследованиям мирового научного сообщества. Как отмечалось прежде, фундаментальных

⁶¹ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

трудов по проблематике немного, однако, труд профессора Дипакадемии МИД РФ М.Б. Касеновой⁶², которая в 2013 году опубликовала своё исследование «Кибербезопасность и управление интернетом», можно назвать таковым. В данной работе автор аккумулирует собственные знания о феномене, являясь экспертом в области права. Также, важную роль, как и в любом другом исследовании, при выполнении поставленных задач сыграл анализ статей, научных исследований, подготовленных академическим сообществом, которые позволяют получить экспертное заключение в интересующих областях проблематики. При изучении феномена кибербезопасности наибольшую ценность представляют работы Ю.В. Бородакия⁶³, специализация которого целиком и полностью сосредоточена в области информационных технологий, в том числе военного назначения, А.Ю. Добродеева⁶⁴, опытного исследователя технологической составляющей защиты информации, М.М. Безкоровайного⁶⁵, который в последние годы всё больше проникается тематикой механизмов противодействия угрозам киберсреды как на правовом, так и на технологическом уровнях, при этом выступая экспертом по процессам передачи информации и её защиты, А.В. Казаковцева⁶⁶, специализирующегося на вопросах безопасности и взаимодействия со странами Альянса и непосредственно с НАТО, а также ряд других специалистов по безопасности киберпространства. Компетентная оценка отмеченных деятелей науки позволила на завершающей стадии исследования проблематики кибербезопасности сделать несколько значимых выводов в отношении феномена и вероятных средств противодействия возникающим угрозам мировому киберпространству.

Новизна исследуемой тематики в первую очередь связана с попыткой рассмотреть существующую теоретическую базу в контексте современного состояния международных отношений для того, чтобы в дальнейшем предоставить миру новые механизмы функционирования международной безопасности за счёт концептуализации теории нового порядка. В данном случае предпринимаются первые шаги на пути поиска ответа на

⁶² Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Касенова М.Б., Демидов О.В. - М.: Статут, 2013. - 464 с.

⁶³ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 2) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С. 5-12

⁶⁴ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.2-9

⁶⁵ Безкоровайный М.М. Кибербезопасность - подходы к определению понятия / Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №4. - С.22 - 27

⁶⁶ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

заявленную В.Н. Коньшевым и А.А. Сергуниным ещё в 2013 году проблему: «Нынешние теории международных отношений пока не в состоянии охватить весь масштаб происшедших за последнюю четверть века в мире перемен...»⁶⁷. Более того принципиальным отличием от проводимых предшественниками исследований станет фактор «столкновения» большого числа имеющихся теоретических подходов в рамках одной системы международных отношений, что призвано вывести анализ проблематики на принципиально новый уровень. Тем ни менее обширность используемой теоретической базы является не единственной отличительной чертой исследования: дополнительную силу ему придают ранее скудно затрагиваемые специфические особенности современного мира. К примеру, феномен кибербезопасности и её влияния на международную среду зачастую остаётся вне поля исследования современных теоретиков, продолжающих концентрировать свою аналитическую деятельность на привычном для международных отношений конфликте государств или иных акторов на традиционных полях сражения. В сравнении чуть большее внимание уделяется фактору террористической угрозы, однако даже подобный исторический феномен, несомненно приобретший новые черты после событий 2001 года, не внёс существенных изменений в теорию международных отношений, что является внушительным упущением, поскольку подавляющее большинство государств мира выделяет фактор терроризма в качестве одного из основных вызовов современности. Таким образом, рассмотрение упомянутых феноменов кибербезопасности и терроризма позволит качественно преобразить существующую теорию международных отношений.

Успешное достижение поставленных цели и задач при раскрытии заявленной тематики исследования будет носить теоретическую ценность, позволяя как отечественным, так и зарубежным научным деятелям обратить внимание на недостатки и преимущества существующей теоретической базы международных отношений, а также продолжить работу в области усовершенствования теории международной безопасности, которая может стать новым толчком научно-политического дискурса по проблематике безопасности. Также, данный труд будет обладать и практической ценностью, позволяя военно-политическому руководству страны обратить взор на проблематику международной безопасности, отойдя от существовавших ранее теоретических канонов и обретя в своём арсенале более современные механизмы противодействия вызовам XXI века.

⁶⁷ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «БЕЗОПАСНОСТИ» В ОСНОВНЫХ ПАРАДИГМАХ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Неореализм - безопасность через силу

Вопрос безопасности является ключевым в понимании международных отношений, поскольку именно ему отводится основополагающая роль в становлении и развитии человечества. По этой причине феномен остаётся в центре внимания исследователей-международников и политических деятелей, которые на протяжении многих лет стремятся познать международные отношения и международную политику. Столь высокий интерес к проблематике не мог ни отразиться на теории международных отношений, учении впервые увидевшем свет на исходе Первой мировой войны, когда дисциплина вошла в программу высших учебных заведений Великобритании и Соединённых Штатов Америки⁶⁸. Вошедшие в её состав теоретические парадигмы, а также частные теории и концепции в подавляющем большинстве уделяли вопросу безопасности немалое внимание, а потому на современном этапе концепт «безопасности» представляет из себя синтез великого множества направлений, обладающий как преимуществами так и недостатками, которые в конечном счёте призваны проанализировать и обосновать злободневную реальность, предоставив практикам международной политики действенные механизмы упреждения и нейтрализации современных угроз.

Одно из наиболее весомых положений среди данных подходов в теории международных отношений занимает «каноническая» парадигма политического реализма, которая в её современной форме представлена неореализмом. Данный факт вполне логично обоснуют те проблемы которые сформировали основу данной теории: политический реализм фокусирует основное внимание исследователей на вопросах войны, мира и власти. По этой причине подавляющее большинство конфликтов XX века и более ранних эпох оценивалось именно с позиции политического реализма, механизмы которого выглядели наиболее приемлемыми и эффективными в описании феномена безопасности⁶⁹. Свою лепту в развитие данного теоретического воззрения внесли такие широко известные деятели науки как Фукидид, Никколо Макиавелли, Томаса Гоббс, Карл фон Клаузевиц, Альфред Мэхэн, Николас Спайкмен, а также некоторые другие исследователи, стремившиеся познать сущность войны и международных отношений. Их воззрения способствовали проявлению в

⁶⁸ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁶⁹ Добреньков В.И. Политический реализм и политический прагматизм в международных отношениях / Добреньков В.И. // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. №1. С.18-32

40-х годах XX века единого теоретического концепта, в последствии именуемого реализмом. Продолжателями «традиций» упомянутых исследователей стали многие теоретики из разных уголков планеты, однако особую значимость сыграли такие личности как Ганс Моргентау, Эдвард Карр, Генри Киссинджер, Раймон Арон, Джордж Кеннан, а также ряд других исследователей, способствовавших выдвижению политического реализма в ранг парадигм теории международных отношений⁷⁰.

В своём монументальном труде «Теория международных отношений», ставшем основным учебным пособием для студентов международных в Российской Федерации, Цыганков П.А. отмечает 6 основополагающих для политического реализма положений, выделяемых характерными особенностями парадигмы⁷¹: во-первых, основными действующими лицами, акторами, международных отношений с позиции политического реализма были и остаются суверенные государства. При этом к числу поистине суверенных могут относиться отнюдь не все государства, а только те, которые обладают достаточной силой, для того чтобы взаимодействуя и конфликтуя с равными им крупными державами формировать мировую политику и международную среду как таковую. Подобная позиция политического реализма отходит к трудам Фукидида, который указывал на подневольность слабых государств на мировой арене, которые не способны действовать самостоятельно, без одобрения со стороны силы⁷². Подтверждение подобной позиции можно найти в работах Г. Моргентау и Г. Киссинджера, которые также как и их предшественники указывают на подобную черту международных отношений⁷³⁷⁴.

Во-вторых, представители политического реализма указывают на архаичный характер международных отношений, который формируется благодаря тому, что основной движущей силой государств на мировой арене выступают их собственные интересы. Таким образом, фактор «национальных интересов» выступает одной из основных категорий анализа международных отношений для рассматриваемого теоретического подхода. Как уже было отмечено прежде именно фактор интересов выступает движущим механизмом действий

⁷⁰ Победаш Д.И. Политический реализм Эдварда Карра / Победаш Д.И. - Издательство Уральского университета, 2010. - 111 с.

⁷¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁷² Фукидид История / Фукидид - Репринт. изд. - СПб.: София: ТОО "Пролог", 1994. - 403 с.

⁷³ Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир / Моргентау Г. // Социально-политический журнал. - 1997. №2. С.189-201

⁷⁴ Kissinger H. Diplomacy / Kissinger H. - N.Y.: A Touchstone Book, 1995. - 912 p.

государства во взаимоотношениях с другими странами, однако, как отмечают представители политического реализма, его воздействие усугубляется за счёт фактического отсутствия наднациональных властных органов, обладающих механизмами принуждения, монополией на легитимное применение силы. В подобной обстановке внешняя политика большинства государств основывается на принципе «помоги себе сам»⁷⁵, при котором все государства заинтересованы в реализации своих потребностей и интересов.

Подобная политика, несомненно, приводит к состоянию конфликта интересов на международной арене, который в свою очередь грозит пагубными последствиями, в том числе войной⁷⁶. Обозначенное положение приводит теоретиков политического реализма к третьему заключению о том, что враждебность является неотъемлемой и даже естественной чертой международных отношений, в то время как состояние мира - лишь временный, легко утрачиваемый характер среды.

Четвёртой специфической особенностью воззрений последователей политического реализма выделяется положение о том, что обозначенная прежде особенность международных отношений, состоящая в их анархичности, несомненно, приводит к возникновению угрозы для национальных интересов, а соответственно и для национальной безопасности в целом. В следствие чего формируется и основная задача государства как основополагающего актора международной среды - обеспечение собственной безопасности. Подобная постановка задачи в мире, где обеспечение безопасности возможно лишь с позиции силы, в соответствии с позицией теоретиков, приводит к возникновению ещё одного пагубного феномена международной среды - «дилеммы безопасности». Его сущность заключается в том, что анархичность международной среды никогда не позволит государству чувствовать себя в полной безопасности, а потому оно будет вынуждено регулярно наращивать собственный оборонительный потенциал. В свою очередь описанная тенденция к наращиванию государственной мощи вызовет цепную реакцию, при которой остальные суверенные акторы международной среды будут неизменно чувствовать свою уязвимость по отношению к развивающемуся соседу, а потому вероятнее всего активизируют схожие процессы на своей территории. Определяющей категорией в данном случае становится власть, понимаемая в наиболее широком смысле. Именно наличие максимально возможной власти определяет могущество государства, а также свидетельствует о состоянии его

⁷⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁷⁶ Арон Р. Мир и война между народами / Арон Р. - М.: NOTA BENE, 2000. - 880 с.

безопасности. Исходя из обозначенных свыше представлений о характере международной среды Г. Моргантау приходит к суждению, что международная политика выступает ни чем прочим как борьбой за власть⁷⁷.

Пятым признаком политического реализма выделяется положение о неотделимости понятий власти и силы государства, где последнее выступает основополагающим средством реализации собственных интересов и обеспечения государственной безопасности. При этом государство фактически достигает необходимого ему уровня власти военными средствами и дипломатией, обозначенными Карлом фон Клаузевицем, как насильственным продолжением политики⁷⁸.

Заключительным, шестым положением, приводимым П.А. Цыганковым в качестве характерной черты воззрения реалистов, является факт о неизменности природы международных отношений. Тем ни менее, также делалась небольшая ремарка на то, что неизменной природа будет до тех пор, пока государство является главным актором международных отношений⁷⁹, с чем на сегодняшний день уже можно поспорить. Да и в целом излишняя концентрация на «естественном состоянии» международных отношений как силовой борьбе за власть сильно ограничивало теоретиков политического реализма в вопросах восприятия международной среды. Данный факт стал существенным вызовом для их последователей, основавших неореалистический подход в теории международных отношений.

Став основополагающим истоком неореализма описанное свыше теоретическое течение стало значимым толчком новоявленной теории, которая унаследовала характерные черты своего прародителя, при этом привнеся в них ряд прогрессивных особенностей. Возникновение неореализма в качестве отдельной школы связывают с творением «Теория международной политики», принадлежащим Кеннету Уолцу, издавшему книгу в 1979 году. В новоявленной теоретической традиции, как было отмечено прежде, были сохранены преимущества существовавших прежде воззрений, которые были качественно преобразованы с учётом реалий современного мира, а также с учётом достижений других теорий. Так, тот же К. Уолц указывает на необходимость расширения исследовательского аппарата науки путём включения в него строгих научных сведений, а также выводов, подтверждаемых

⁷⁷ Моргантау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир / Моргантау Г. // Социально-политический журнал. - 1997. №2. С.189-201

⁷⁸ C. von Clausewitz On War / C. von Clausewitz - Princeton University Press, 1989. - 752 p.

⁷⁹ Моргантау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир / Моргантау Г. // Социально-политический журнал. - 1997. №2. С.189-201

эмпирическими вычислениями⁸⁰. В тоже время центральными для неореалистической школы остаются понятия «силы», «рационального поведения», «национального интереса», а также многие другие категории анализа международной среды⁸¹.

Что же касается нововведений привнесённых неореализмом, то, пожалуй, одним из основных будет выступать стремление абстрагировать, развести политическую от иные сферы международных отношений, что должно способствовать углублению изучения политики и её основополагающих элементов. Международная политика в данном случае рассматривается как отдельная, самостоятельная система, живущая и функционирующая по собственным законам, при этом все элементы системы взаимосвязаны, а изменения в одном влекут за собой изменениям в другом⁸².

Помимо прочего, характерной особенностью неореализма становится попытка рассмотрения условий сотрудничества, идущей в противовес существовавшей прежде позиции относительно исключительной конфликтности международной среды. Тем ни менее, подобный подход не исключает категорию национального интереса из исследования, а потому приводит к положению в котором каждое государство, каждый актер стремится повысить выгоду от взаимодействия с другим, а также учитывает вероятность обмана со стороны оппонента. Относительному пересмотру в неореализме также подлежала и силовая политика государства в международных отношениях, применяемая с целью обеспечения национальной безопасности. В данном случае внимание теоретиков было сосредоточено на переосмыслении роли «силы», наращивание которой в классических теоретических воззрениях принимали за благоприятную тенденцию, способствующую сохранению относительной стабильности, в то время как неореалисты указывают на необходимость достижения достаточного объёма силы, требуемого для защиты интересов и сохранения государства. В то время как избыток силы, на равне с её недостатком способны привести к возникновению напряжённости или даже началу конфликта⁸³.

И всё же, рассмотрев основные положения неореалистической парадигмы, а также её истоков в виде идей политического реализма, вернёмся к наиболее значимой для данного

⁸⁰ Waltz K.N. *Man, the State, and War: Theoretical Analysis* / Waltz K.N. - N.Y.: Columbia University Press, 1959. - 263 p.

⁸¹ Keohane R. *Neorealism and Its Critics* / Keohane R. - Columbia University Press, 1986. - 378p.

⁸² Цыганков П.А. *Теория международных отношений: учебное пособие* / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁸³ Коньшев В.Н. *Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории* / Коньшев В.Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

исследования составляющей: к восприятию концепта «безопасности» и его эволюции в отмеченных теоретических подходах. Реализм в своём классическом проявлении определяет национальную безопасность, как политику, направленную на реализацию жизненно значимых интересов государства, которое является основополагающим звеном во всех международных процессах, выступая виновником, источником, возникновения угроз. При этом, как отмечалось ранее, государства полагаются исключительно на свою силу в обеспечении собственных интересов и потребностей. В свою очередь, неореализм не отрицает значимости фактора сила в международных отношениях, однако, он также уделяет внимание абсолютно новому понятию «зрелой анархии», в которой прибывает современный мир, что выступает отличной от утверждений реалистов позицией. «Зрелость» в данном случае подразумевает сглаживание последствий регулярного противоборства и конфликта государственных интересов за счёт международных институтов и созданной ими нормативно-правовой базы, отчасти снижая конфликтность международных отношений.

Ещё одной особенностью трактования феномена безопасности реалистами обоих поколений является выделение охранительного характера феномена, который заключается в рассмотрении безопасности в качестве неугрожаемого состояния государства. При этом основным механизмом достижения обозначенного состояния остаётся баланс сил⁸⁴.

Вообще, отдельное внимание стоит уделить частным теориям и концепциям, имеющим место в рамках обозначенной парадигмы. В том числе речь идёт и об упомянутой теории баланса сил, в своё время предложенной ещё праоснователем политического реализма Фукидидом, который выделял баланс сил в качестве единственного эффективного механизма сохранения мира⁸⁵. Наиболее полное отражение сущности отмеченной теории можно найти в работе Х. Моргентау, который определяет баланс сил как стремление нескольких государств, желающих сохранить или установить статус-кво, к достижению власти⁸⁶. Другими словами баланс сил означает относительно равное разделение сил между крупнейшими акторами международной среды. Таким образом, получается, что, желая достигнуть безопасного состояния среды, государства стремятся нарастить свою мощь, вступая, к примеру, для этого в союзы, чтобы соответствовать силе оппонента, тем самым стремясь стабилизировать обстановку. Подобная теория призвана продемонстрировать

⁸⁴ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁸⁵ Фукидид История / Фукидид - Репринт. изд. - СПб.: София: ТОО "Пролог", 1994. - 403 с.

⁸⁶ Morgenthau H.J. Politics among nations / Morgenthau H.J. - McGraw-Hill Education, 2005. - 752 p.

логику поведения международных акторов, оказавшихся в условиях непосредственной угрозы в лице возникновения превосходящей силы.

Неореалисты, продолжая совершенствовать теоретическую базу предоставленную им предшественниками выдвигают несколько иной теоретический подход - теорию баланса угроз. Если баланс сил предполагал принятие со стороны государства ответных, реакционных, мер в случае возникновения на мировой арене превосходящей силы, то баланс угроз, представленный на закате 1980-х годов С. Уолтом, заходит несколько дальше: баланс угроз призван продемонстрировать как акторы международных отношений будут реагировать на обстановку, в которой одно или коалиция государств становятся особо опасными⁸⁷. В данном случае государства стремятся понизить свою уязвимость перед возникающей угрозой. При этом сама специфика опасности не ограничивается силой, как это было в предшествующей теории, а основывается сразу на нескольких факторах: комплекс наступательных возможностей предполагаемого оппонента, его военный и экономический потенциал; географическое расположение предполагаемого оппонента, его территориальная близость к границам; а также характер восприятия агрессивности его намерений. При этом основополагающее значение в вопросе принятия или же наоборот непринятия реакционных мер отводится именно фактору восприятия угрозы, не учитывая реальной декларации намерений противоположной стороны.

Также в качестве отдельного подхода в рамках неореалистической парадигмы может быть взята частично рассмотренная прежде теория дилеммы безопасности. Суть обозначенного подхода состоит в том, что когда издержки обороны оказываются выше затрат на нападение, то повышается вероятность возникновения агрессии, а в следствие и войны⁸⁸. Подобный подход к восприятию действий акторов на мировой арене был впервые представлен Дж. Херцом в 1950-м году⁸⁹. Получается, что в том случае, когда нападение оказывается выгоднее, одно из государств или их коалиций более не находится в безопасности равной безопасности оппонента, что заставляет их обоюдно наращивать свой военный потенциал, превращая данный процесс в некую гонку вооружений, которая в конечном счёте может привести к войне по причине привлекательности идеи превентивного удара, подогреваемой более низкими издержками нападения. Таким образом, оправданное

⁸⁷ Walt S. The origins of alliances / Walt S. - N.Y.: Cornell University Press, 1987. - 336 p.

⁸⁸ Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В.Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

⁸⁹ John H. Herz Idealist Internationalism and the Security Dilemma / John H. Herz // World Politics. - 1950. Vol.2. №2. - P.157-180

стремление повысить резистентность собственной обороны приводит к замкнутому циклу, уменьшая тем самым безопасность оппонента, провоцируя его к вынужденному ответному усилению⁹⁰. Впрочем, подобная дилемма является отнюдь не только негативным феноменом, поскольку у процесса взаимного наращивания силы, в конечном счёте, может быть и ряд положительных сторон: происходит общая стабилизация обстановки ввиду одновременного снижения угрозы для обеих сторон, поскольку нападение на усилившегося оппонента более не может быть расценено как выгодная мера ввиду слишком высоких издержек.

Также в рамках рассмотрения парадигмы неореализма нельзя не затронуть теорию гегемонистской стабильности представленную Р. Гилпиным в 1981 году⁹¹. Сущность обозначенной теории заключается в поддержании экономического лидерства гегемона, наиболее экономически-могущественного государства. Важно отметить, что для достижения гегемонистской стабильности в международной среде автор более не полагается на баланс сил, а наоборот в противовес позиции Уолтса приводит стабильность достигаемую устойчивым лидерством гегемона. При этом интересы подобного актора более не концентрируются исключительно на вопросах силы и безопасности, а скорее представляют из себя комплекс потребностей, формирующих политику государства.

Другая частная концепция, привлекающая внимание исследователей проблематики безопасности, получила название баланса нападения и обороны⁹². В некотором смысле данный концептуальный подход продолжает идеи дилеммы безопасности, соотнося их пониманием баланса в теории гегемонистской стабильности. Данный подход учитывает факторы сотрудничества и борьбы, определяя политику государства, основанную на издержках при выборе направления взаимодействия. Получается, что теория нападения и обороны, как её также иногда называют, сосредотачивает внимание на комплексе факторов, к числу которых можно отнести технологическое превосходство или же географический фактор, а также ряд других оснований, которые отражаются на выборе наступательной или оборонительной политик. В то же время отдельным достижением баланса нападения и обороны признаётся изначальное разделение оборонительных и наступательных вооружений, которые в последствии воздействия международной среды, а точнее фактора наличия оппонента, начинают сближаться, уменьшая различия между действиями того или иного характера. При этом, мирное положение, как и в случае дилеммы безопасности, достигается

⁹⁰ John H. Herz Political realism and political idealism / John H. Herz - University of Chicago Press, 1951. - 275 p.

⁹¹ Gilpin R. War and Change in World Politics / Gilpin R. - Cambridge University Press, 1983. - 288 p.

⁹² Jervis R. Cooperation under security dilemma / Jervis R. // World politics. - 1978. Vol.30. №2. - P.167-214

в случае повышения выгоды от оборонительных действий в сравнении с наступательными⁹³.

Заключительной концепцией неореалистической парадигмы, которая будет рассмотрена в рамках данного исследования, станет теория передачи власти. В некотором смысле данный подход обладает схожими чертами с ранее ни раз упомянутой теорией Гилпина Р., поскольку старается объяснить вероятные причины нарушения мирового порядка и возникновения войн со схожих позиций. В частности, ключевой категорией рассматриваемой концепции выступает роль фактора лидерства в международной среде, который указывает на то, что гегемон в первую очередь стремится сохранить своё положение, в то время как интересы не столь сильных государств по оспариванию данного статуса становятся приоритетными в ходе их развития, а потому, когда достигается положение паритетного статуса государств, возникает конфликт. Именно на данный факт передачи власти между иерархическими звеньями международной системы, приводящий к началу войны, ссылается в своём исследовании автор концепции А.Ф.К. Органски. Также теоретик подчёркивает разделение государств по следующей иерархии: 1. Доминирующее государство; 2. Великие державы; 3. Региональные державы; 4. Малые державы. Передача власти, верховного положения, статуса лидера, между первым и вторым звеном иерархии зачастую становится причиной возникновения войн⁹⁵.

Таким образом, подводя итог рассмотрению взглядов представителей неореалистической парадигмы на феномен безопасности, следует заключить, что, безусловно, выше были рассмотрены далеко не все учения, имеющие место в рамках данного направления, однако, отражённые теории и концепции сыграли основополагающую роль в формировании концепта «безопасности». Основным достижением неореализма, а также предшествовавших ему теорий стало оформление внушительной базы аналитических подходов к пониманию действий акторов в международной среде, мотивированных естественным желанием обеспечить свои национальные интересы. Ключевую роль в обеспечении безопасности границ, интересов и потребностей, по мнению реалистов и их последователей играет государство, которое фактически и является основоположником всех международных процессов, включая столь негативный фактор как угроза безопасности.

⁹³ Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В.Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

⁹⁴ Игнаткин О.Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях / Игнаткин О.Б. // Вестник РГГУ. - 2013. №1. - С.74-82

⁹⁵ Organski A.F.K. World Politics / Organski A.F.K. - Alfred A. Knopf, 1968. - 461 p.

Помимо того, необходимо отметить, что значимое место в обозначенном теоретическом направлении играет характер международной среды, которая, по мнению представителей парадигмы, неизменно обладает чертой анархичности, что в свою очередь указывает на наличие постоянного конфликта интересов в межгосударственном диалоге. По мнению большинства критиков неореалистического подхода в теории международных отношений, не смотря на качественное переосмысление существенных упущений положений политического реализма, теория всё ещё обладает большим количеством слабых мест, не позволяющих ей в определённой степени превзойти альтернативные научные подходы. К числу таких «недостатков» относят большое количество недочётов теоретических воззрений, однако, наиболее уязвимой позицией неореалистов остаётся рассматриваемая в ключе игры с нулевой суммой концепция национальной безопасности, построенная на стремлении к обеспечению баланса сил в условиях конфликтности международной среды. Подобна позиция, особенно в условиях современного мира, где существенным изменения подверглась сама международная среда, а также фактически была устранена угроза возникновения нового крупного или даже мирового вооружённого противостояния, несколько проигрывает воззрениям тех же неолиберальных кругов, позиция которых и будет рассмотрена на следующем этапе. Однако, необходимо признать, что учение продвигаемое неореалистической парадигмой преподнесло миру и исследователям международных отношений, в частности, ряд эффективных механизмов анализа и изучения не только прошедшего периода, но и современности. К числу таких механизмов можно отнести ряд концептуальных подходов и теорий, обозначенных прежде: баланс сил, баланс угроз, теорию гегемонистской стабильности, дилемму безопасности, а также многие другие. А теперь же перейдём к рассмотрению следующей парадигмы в теории международных отношений - неолиберализму, фактически выступающей прямым оппонентом рассмотренного неореализма.

Фактор морали и права в обеспечении безопасности. Неолиберализм.

Как уже было отмечено в предыдущем параграфе неолиберализм отчасти можно назвать противоположностью неореалистических взглядов на международные отношения. Именно этим двум направлениям в теории международных отношений приписывают главенствующую роль в понимании международной среды, в особенности феномена безопасности. Как и в случае с неореализмом, на становление неолиберальных воззрений оказал влияние целый комплекс теоретических концепций, основу которых составила

фактически предшественница неолиберализма - либерально-идеалистическая парадигма, основные положения которой отразились на получившей особое распространение после окончания холодной войны концепции неолиберализма. По этой причине, как и в случае с рассмотренной прежде теорией, начать рассмотрение положений неореализма следует с изучения основанных на трудах Гроция и Канта идей, воплотившихся в становлении либерально-идеалистической парадигмы. Воплощение идеализма, как его иногда называют, в политической практике прослеживается не только при рассмотрении исторической ретроспективы, но и в современном мире. В частности, многие исследователи проблематики указывают на пример программы Лиги Наций, представленной Вудро Вильсоном по окончании Первой мировой войны, формирование Организации Объединённых Наций и Европейского Союза, а также на ряд других достижений в области международных отношений⁹⁶, что впервые очередь связано с идейной составляющей данной парадигмы, ключевые положения которой заключаются в следующем:

- 1) В международных отношениях государство не является единственным действующим лицом, их участниками выступает целый комплекс акторов международной среды, к которому помимо отмеченного государства также относятся международные организации, транснациональные корпорации, бизнес-структуры, региональные общественные и экономико-политические формирования, а также, что особенно заметно в реалиях XXI века, даже частные лица. Более того, представители идеализма также указывают на тот факт, что государство, выступающее основным актором международных отношений у реалистов, не может быть охарактеризовано рациональным и унитарным действующим лицом на международной арене⁹⁷, в связи с чем его роль существенно отличается от представлений реалистов.
- 2) Возможность участия в международных отношениях на равных основах не только наиболее крупных и мощных государств, но и иных акторов международной среды, отмеченных прежде, достигается совершенствованием международной нормативно-правовой базы, наряду с развитием института международных организаций, продвижением демократических политических воззрений, норм нравственности. В конечном счёте приведённый комплекс мер помогает отстраниться от положения,

⁹⁶ Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта / Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. // Вестник Томского государственного университета. - 2016. № 407. - С.78-88

⁹⁷ Graham T. Allison Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis / Graham T. Allison // The American Political Science Review. - 1969. Vol.63. №3. - P.689-718

описанного в неореализме ситуацией «помоги себе сам», в которой государству не остаётся ничего прочего как наращивать собственную силу в стремлении обеспечить свои интересы⁹⁸.

- 3) Сущность международных отношений не сводится к исключительному противопоставлению войны и мира, и к абсолютной конфликтности международной среды. Напротив, ключевым фактором взаимодействия государств выступает сотрудничество, которое играет доминирующую роль в международных процессах. Связано подобное положение с фактором повышения взаимозависимости современных акторов, которые сталкиваются с общими вызовами, а потому обладают схожими интересами⁹⁹.
- 4) Современный мир сталкивается с плюрализмом интересов сторон, который, впрочем, сводится, как это было отмечено прежде, к единству в вопросах ценностей и демократических принципов. При этом основной задачей международного сообщества выступает достижение сознательно регулируемого порядка, основанного на понятных и одобряемых сообществом ценностях.
- 5) Конфликт может быть разрешён без применения силы, в случае если мировое сообщество окажет определённое давление и поддержит мирное разрешение возникших разногласий. В таком случае значимая роль отводится механизмам правового регулирования, а также международным организациям, основная задача которых состоит в расширении областей выгодной кооперации. При этом, немаловажной составляющей является система коллективной безопасности, основанная на отказе от силовых механизмов построения политики¹⁰⁰.
- 6) Анархия международной среды может быть преодолена благодаря формированию единого международного сообщества, ведомого общими интересами. При этом не исключена вероятность формирования наднациональных органов управления, верховной власти, руководимой на основе международной нормативно-правовой системы¹⁰¹.

⁹⁸ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

⁹⁹ Кант И. К вечному миру (Иммануил Кант. Сочинения в 6 т. Т. 6.) / Кант И. - М.: Мысль, 1966. - 4190 с.

¹⁰⁰ Clark G., Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans / Clark G., Sohn L.B. - Harvard University Press. Cambridge, 1966. - 535 p.

¹⁰¹ Clark G., Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans / Clark G., Sohn L.B. - Harvard University Press. Cambridge, 1966. - 535 p.

7) Демократические идеалы и универсальные ценности - основные статуты анализа международных отношений в либеральной парадигме.

Отмеченные выше положения, безусловно, не могли не подвергнуться воздействию эволюции международной среды, а потому часть учений была переосмыслена с приходом эпохи неолиберализма. Окончание холодной войны, которая столь успешно продвигала воззрения реализма и неореализма, привело к обратному эффекту и позволило ушедшей в некое забытие либерально-идеалистической парадигме вновь возыметь преимущество над другими теоретическими концепциями, которое отчасти просуществовало и до наших дней. Возникшее самостоятельное течение неотеории в значительной степени отличалось от канонов парадигмы основной части XX века, так, в частности, в центр концептуальных построений неолиберализма стали возводить проблемы безопасности, что не могло не оказать положительного воздействия на концепт «безопасности». Более того, дополнительный акцент в проблематике изучения и анализа международных отношений был совершён на экономических вопросах. Нормы морали фактически были возведены в ранг основного регулятора действий акторов в международной среде, а в остальном наблюдалось значительное сближение теории с неореализмом, возникшее, по всей видимости, ввиду сосредоточения внимания на вопросах безопасности, которое в каком-то смысле стало вынужденной мерой, продиктованной мировыми реалиями¹⁰²¹⁰³.

Тем ни менее, нельзя не подчеркнуть, что ряд характерных особенностей либерально-идеалистической парадигмы всё же перекачивали в новоявленную концепцию. В частности, было унаследовано восприятие государства в качестве лишь одного из многих акторов международных отношений, статус и роль которого сильно ниже нежели она отводится в неореализме. Решающая роль в воздействии на международные процессы отводится именно новым акторам, представленным международными организациями, транснациональные корпорациями, бизнес-структурами, региональными общественными и экономико-политическими формированиями и теми же частными лицами. Указывается, что подавляющее большинство обозначенных акторов ввиду изменений общемировых реалий способно не только самостоятельно действовать на международной арене, но и оказывать определённое воздействие на государство, как актор, вынуждая его прибегать к сотрудничеству. В то же время неореализм не отрицает того факта, что государство

¹⁰² Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

¹⁰³ Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Конышев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

продолжает играть определённую роль в обеспечении мирового порядка, а потому частично отходит от позиции либерально-идеалистической парадигмы, указанной под номером 6 выше, которая фактически предполагала устранение института государства. Безусловно, общемировые интеграционные процессы, основополагающей чертой которых выступало стремление государств к частичной передаче своего суверенитета на более высокий уровень надгосударственных и межгосударственных формирований, демонстрировало тенденцию к размытию понятия суверенитет, выступающего оплотом государственности. Однако, в то же время наблюдался и обратный процесс увеличения числа независимых государств на политической карте, что указывало на сохранение за суверенитетом статуса весьма привлекательного фактора, и свидетельствовало о сохранении института государственности и его роли в международных отношениях на ближайшую перспективу¹⁰⁴.

При рассмотрении идей неореализма было отмечено, что существенным недостатком данного теоретического подхода выступает рассмотрение международного взаимодействия и безопасности в качестве игры с нулевой суммой. Неолиберализм же, стремясь преодолеть обозначенные недостатки теории-оппонента, в своих суждениях исходит из восприятия международных отношений в качестве игры с положительной суммой, указывая на соответствующую либерально-идеалистической парадигме позицию о роли сотрудничества акторов, как классических, так и новых, в формировании стабильности и порядка международной среды. Тем ни менее, в неолиберализме, сформировавшемся под непосредственным влиянием современных международных реалий, наблюдается куда большее смещение в области выбора механизмов обеспечения безопасности, всё более значимую роль среди которых начинают играть факторы морали и права. В частности, А. Ротфельд отмечает, что особую необходимость в современных реалиях вызывает процесс регулирования отношений акторов международной среды, основанный на поддержании принципов морали, продвигаемых в идеях прав человека и в либеральной демократии¹⁰⁵.

Продолжая и, в некотором смысле, обобщая восприятие концепта «безопасности» в рамках неолиберальной парадигмы и предшествовавших ей теоретических воззрений, стоит заключить, что внушительным вкладом в обозначенный концепт со стороны либеральных теорий стало значительное расширение понятия безопасности, отошедшего от

¹⁰⁴ Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений / Сергунин А.А. // Научные ведомости: Серия История. Политология. Экономика. Информатика. - 2010. №19(90). Выпуск 16. С. 231-236

¹⁰⁵ Ротфельд А.Д. Международная безопасность: формирующаяся повестка дня / Ротфельд А.Д. // Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 1997. С.38

исключительно военных или же силовых терминов и приобретшего куда более комплексное трактование. Возникает фактор взаимной безопасности, который проявляется в зависимости безопасности одного государства от защищённости другого, что позволяет исследователям-международникам обратить внимание на феномен как на единое целое¹⁰⁶. В свою очередь, в международной среде, где внушительное значение отводится сотрудничеству, основанному на общечеловеческих ценностях и интересах, основной угрозой безопасности с позиции либеральных теорий становятся акторы пренебрегающие сотрудничеством, правовыми и моральными нормами. По этой причине центральное место в неолиберальной и предшествовавшей ей парадигме занимают вопросы разоружения и коллективной безопасности, которая достигается совершенствованием нормативно-правовой базы международного сотрудничества и взаимодействия, развитием международных институтов и продвижением норм нравственности, принятых мировым сообществом, отказом от силовых механизмов воздействия, что в комплексе позволяет преодолеть дилемму безопасности¹⁰⁷.

Помимо коллективной безопасности, либеральный подход также привнёс в концепт «безопасности» ряд иных понятий, несомненно, расширив представления академического сообщества о феномене безопасности. В частности, в рамках описанной парадигмы возникает явление «общей безопасности», которое противопоставляется популярной в годы холодной войны стратегии сдерживания. Концепция подразумевает безопасность основанную на высокой степени зависимости акторов международной среды ввиду обширного набора направлений сотрудничества, а также нормативно зафиксированных обязательств, добросовестно принятых на себя акторами, опасющимися за свою безопасность¹⁰⁸. Ещё одним концептуальным нововведением неолиберализма можно считать «общую и коллективную оборону», которая, впрочем, обладает и определёнными чертами неореализма. Отмеченный феномен предполагает обеспечение защиты совместными усилиями «сообщества безопасности», что предполагает обеспечение безопасности на уровне международных организаций формации НАТО, при этом учитываются нормы международного права, однако, не отстраняются механизмы силового воздействия¹⁰⁹. Также

¹⁰⁶ Арсенян А.З. Эволюция концепций «национальной безопасности» в современных международных отношениях / Арсенян А.З. // Вестник РГГУ. - 2012. №1. - С.23-35

¹⁰⁷ Clark G., Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans / Clark G., Sohn L.B. - Harvard University Press. Cambridge, 1966. - 535 p.

¹⁰⁸ David Cortright, Raimo Vayrynen Towards Nuclear Zero / David Cortright, Raimo Vayrynen // London: International Institute for Strategic Studies – Arundel House. - 2010. - P. 182

¹⁰⁹ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

нельзя не отметить феномен «всеобъемлющей безопасности», который полагается на более широкое трактование факторов, воздействующих на безопасность государств в современном мире, отходя от восприятия угроз исключительно военного характера¹¹⁰.

Существенное влияние на эволюцию концепта безопасности, помимо внедрения в него новой терминологии, оказали и частные теории и концепции, разрабатываемые в рамках неолиберальной парадигмы. К числу таковых можно отнести теорию взаимозависимости, описанную Р. Кохейном и Дж. Наем. В своём труде исследователи предприняли попытку обосновать перераспределение силы среди акторов международной среды, которое свидетельствует сразу о нескольких тенденциях: о снижении роли государства на мировой арене с единовременным повышением значимости иных акторов международной среды, а также о перемещении основного соперничества в область невоенного взаимодействия, представленную в первую очередь экономическим противостоянием. Более того, авторы также указывают на существенные изменения в значимости факторов обеспечения безопасности: военное могущество более не гарантирует безопасность человека и общества, которая требует от государства предприятия усилий сразу в нескольких значимых областях - экономике, экологии, энергетике и так далее¹¹¹. Таким образом, взаимозависимость становится результатом совокупности тенденций, проявляющихся как во внешней среде с изменением роли государства на мировой арене, а также с развитием взаимодействия акторов международной среды, так и во внутренней среде, где безопасность государства зависит от ряда элементов, а устранение одного из них способно дестабилизировать государство в целом.

Ещё одной частной концепцией, затрагивающей феномен безопасности в рамках неолиберальной парадигмы, становится концепция кооперативной безопасности, которая, в свою очередь, обладает двумя отдельными направлениями, разница между которыми столь существенна, что следует обозначить постулаты каждой из них в отдельности. Первой из обозначенных концепций кооперативной безопасности является «гроцианская», выведенная в стенах Брукингского университета Соединённых Штатов Америки в 80-е - 90-е годы XX столетия¹¹². Исходя из определения, приведённого Картером Р., Перри В. и Штейнбрюнером

¹¹⁰ De. Mondialisation S.P. Souveraineté et théories des relations internationales / De. Mondialisation S.P. - Paris: Armand Colin, 1998. - 224 p.

¹¹¹ Robert O. Keohane, Joseph S. Nye Power and Interdependence / Robert O. Keohane, Joseph S. Nye // International Organization. - 1987. Vol.41. №4. P.725-753

¹¹² Carter A., Perry W. and Steinbruner J. A New Concept of Cooperative Security / Carter A., Perry W. and Steinbruner J. - W.: The Brooking Institution, 1992. - 65 p.

Дж. кооперативная безопасности представляет из себя инструмент недопущения возникновения агрессии, реализуемый согласованным путём формирования встречной угрозы больших объёмов. Основной задачей подобной методики противодействия возникновению агрессии является предотвращение накоплению у акторов международной среды мощностей, комплекса факторов и интересов, способных привести к преднамеренной агрессии. Данная концепция взывает к эффективному функционированию международных нормативно-правовой базы и институтов, поскольку одним из основных требований выступает создание наиболее широкого и согласованного сообщества безопасности. Именно сообщество будет выступать сдерживающим фактором для возникновения агрессии в любом её проявлении за счёт механизмов согласованного принятия ответных мер, кооперативного разоружения, частичного отказа от ядерных вооружений наряду с сохранением фактора устрашения данным оружием массового уничтожения, а также ряда других мер, способных оказать воздействие на предполагаемый источник угрозы.

Иной представлением о кооперативной безопасности в более радикальном виде получила «кантианская» концепция, статуты которой гласят, что международные институты всеобъемлющего характера, к каковым относят в первую очередь ООН, являются ненадёжным средством обеспечения безопасности, ровно также как и всеобъемлющее сообщество безопасности. По этой причине, первостепенным шагом на пути к построению эффективной системы защиты является ограничение членом сообщества безопасности, как, к примеру, происходит в Организации Североатлантического Договора. При этом деятельность данного «ограниченного» сообщества должна основываться не на общепринятой нормативно-правовой базе, а должна отталкиваться от гуманитарных ценностей, исповедуемых данным сообществом¹¹³. Прогрессивным шагом в данной концепции является признание прав человека основным элементом безопасности государства и общества, однако обратный характер приобретают те механизмы, которыми данная безопасность должна обеспечиваться. В первую очередь речь идёт о факторе использования военной силы в отношении агрессора, который более того не является частью сообщества. Подобное положение отбрасывает либеральную концепцию к идеалам реализма, что признаётся фактически всем академическим сообществом¹¹⁴.

¹¹³ Cohen R. Cooperative Security: New Horizons for International Order / Cohen R. - P.N.: The Marshall Center Papers, 2001. - 67 p.

¹¹⁴ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

Немаловажное значение в формировании либеральных взглядов на проблемы безопасности также сыграла концепция человеческой безопасности, основанная, что явно прослеживается из наименования, на безопасности личности, которая в современном мире находится под постоянной угрозой, ввиду неизменной тенденции к повышению числа внутригосударственных конфликтов¹¹⁵. Л. Эксуорти, которого выделяют основоположником данного подхода, выдвигает 6 структурных элементов обозначенной концепции: 1) человеческая безопасность допускает принятие мер принуждения, а также вмешательство в дела иностранных государств, в случае возникновения угрозы его обществу; 2) человеческие издержки - основной критерий выбора политической стратегии государства; 3) безопасность должна быть тесно связана с демократическими процессами и направлена на обеспечение прав личности; 4) угрозы безопасности личности в современном мире обладают характером трансграничности, а потому для противодействия им необходима выработка международных механизмов; 5) операциональная координация в рамках международного сообщества - залог эффективности принимаемых мер противодействия угрозам; 6) обеспечению безопасности человека активно способствуют неправительственные формирования, общественные организации, взаимодействие с которыми в значительной степени повышает эффективность¹¹⁶. Таким образом, как и в случае «кантианской» концепции кооперативной безопасности, описанный подход человеческой безопасности сильно смещается от либеральных ценностей к идеалам реализма, что лишней раз подчёркивает близость подходов неореализма и неолиберализма на современном этапе.

Последней частной концепцией, внимание которой будет уделено в рамках рассмотрения парадигмы неолиберализма, станет теория демократического мира, положения которой гласят, что вероятность возникновения вооружённого конфликта напрямую зависит от действующего в государстве режима. Так, следуя логике данной теории, в международной среде меньше вероятность увидеть столкновения демократических государств, нежели конфликт между иными режимами¹¹⁷. Подобный подход к восприятию конфликта и феномена безопасности, в частности, начал формировать в середине 70-х годов XX века, однако особую популярность приобрёл лишь к 90-м годам, когда теорию начали рассматривать как вполне

¹¹⁵ Асташин В.В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности / Асташин В.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2008. №2(14). - С.63-69

¹¹⁶ Axworthy L. La sécurité humaine : la sécurité des individus dans un monde en mutation / Axworthy L. // Politique étrangère, 1999. - Vol.64. №2. P.333-342

¹¹⁷ Small M., Singer D. The war-proneness of democratic regimes, 1816-1965 / Small M., Singer D. // The Jerusalem Journal of International Relations. - 1976. Vol.1. №4. - P.50-69

логичный инструмент реализации внешней политики, в особенности среди американского высшего военно-политического руководства страны¹¹⁸. Что же касается прецедентов, когда в конфликт втягивались демократические государства, то подобные случаи последователи теории интерпретировали исходя из двух положений: либо государство причастное к войне было недостаточно демократично, либо его действия интерпретировались в качестве стремления восстановить демократию в другом государстве¹¹⁹. Несомненно, приведённая теория вызвала бурную дискуссию в рядах академического сообщества, которое не понимало как можно сводить столь сложный феномен, как войну, к чисто статистическому вычислению. Более того, обоснование причастности тех или иных демократий к вооружённому противостоянию более подобает политике двойных стандартов, позволяющей подобным образом до последнего отстаивать дееспособность теории демократического мира. Впрочем, приведённая логика, опирающаяся на миролюбивом характере демократических режимов, безусловно, может иметь место, однако, существенным недостатком теории демократического мира выступает упомянутое прежде положение о необходимости распространения демократии в общемировых масштаба, что на примере результатов практической реализации концепции в действиях США по распространению демократии скорее воспринимается не как попытка предотвратить будущие конфликты, а как стремление завязать новые.

Как и в случае с неореализмом, в настоящем исследовании были обозначены далеко не все уроки преподносимые теорией, сделавшие вклад в формирование современного концепта «безопасности», ведь именно сторонники парадигмы неореализма, к примеру, впервые обратили внимание на существование в международной среде фактора «мягкой силы». Впрочем, обозначенные концепции являются основой восприятия безопасности как отдельного явления международных отношений, а потому сформировали тот пласт научно-теоретических методов и подходов к восприятию безопасности, которые и по сей день эффективно используются исследователями-международниками. В частности, важную роль в эволюции концепта безопасности сыграли такие учения парадигмы неореализма как: концепции кооперативной безопасности, демократического мира, человеческой безопасности, понятия «общей безопасности», «всеобъемлющей безопасности» а также ряд других достижений, продемонстрированных свыше. Однако, если говорить более конкретно,

¹¹⁸ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹¹⁹ Кулагин В.М. Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития / Кулагин В.М. // Полис. - 2000. №1. С.23-37

то к наиболее прогрессивным сторонам рассмотренной парадигмы относится выделение роли новых акторов международной среды, правовое регулирование миропорядка, расширение понятия безопасности и соответственно перечня угроз современным акторам международной среды, а также отход от исключительно силового воздействия акторов внутри международной системы, с акцентом на сотрудничестве. Сравнивая обозначенные прежде парадигменные подходы в теории международных отношений, выделяемые подавляющим большинством исследователей-международников в качестве двух наиболее крупных школ трактования и изучения международной среды стоит отметить, что, как уже было обозначено при рассмотрении неолиберализма, эволюция развития обозначенных теорий привела их к сближению по ряду направлений. Подобная тенденция привела к их нередкому обозначению в качестве рационалистских подходов, по той причине, что оба направления ставят во главу угла идеи рационального принятия политических решений. Впрочем рациональность в данном случае основывается на несколько отличных соображениях: если в случае неореализма она определяется критериями власти и баланса сил, то в случае неореализма она основывается на стремлении к материальному благосостоянию¹²⁰. Таким образом, рассмотренная свыше неолиберальная парадигма, а также её основные достижения, отразившиеся на эволюции концепта «безопасности», позволяют заключить, что на сегодняшний день обозначенные воззрения занимают доминирующую позицию в теории международных отношений, в частности, в области рассмотрения вопросов безопасности, поскольку её положения в значительной степени расширяют само понятие безопасности и смежных ему дисциплин, формируя комплексный характер оценки феномена, столь необходимый в современных реалиях.

Глобализм - безопасность «глобального гражданского общества»

Глобализм в качестве отдельного парадигменного направления в теории международных отношений выделяется отнюдь не всеми исследователями международниками: некоторые из теоретиков предпочитают называть данное направление в науке несколько иначе. В частности, часто встречаются такие наименования как неомарксизм, радикализм или же структурализм¹²¹, однако данные формулировки представляют из себя лишь частные направления, тогда как глобализм выступает наиболее

¹²⁰ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

¹²¹ Banks M. The Inter-paradigm Debate / Banks M. // International Relations: Handbook of current Theory. - 1993. - P. 7-26

точным и распространённым определением, в том числе включающим обозначенные выше вариации¹²². Основоположителем же термина, а в последствии и парадигмы «глобализма» принято считать Дж. Розенау¹²³, который в 80-е годы XX столетия выделил принципиально новый подход в теории международных отношений, который сосредоточивал внимание на рассмотрении глобальных процессов и структур, чего не делали представители доминирующих реалистской и либеральной парадигм. На дальнейшее развитие обозначенной парадигмы повлиял ряд идейных теоретических направлений, к которым можно отнести марксистскую политэкономия, оказавшую наибольшее воздействие на школы изучения процессов глобализации, системы мирового хозяйства и отношений Юга и Севера. Марксистский опыт в обеспечении безопасности также отразился на учениях глобалистов, оказавших воздействие на эволюцию концепта «безопасности». Помимо марксизма определённое воздействие на формирование глобализма также оказала Франкфуртская школа, указывающая на взаимосвязь власти и знания, а также апеллирующая элементами политической психологии.

В своём монументальном труде «Современные теории международных отношений» Коньшев В.Н. и Сергунин А.А. Выделяют 7 характерных парадигменных особенности глобализма в его современном проявлении:

- 1) Выделение универсальных, глобальных, законов в развитие человечества и международных процессов. Фактор влияния данных универсальных законов столь велик, что абстрагирование от их рассмотрения фактически полностью ограничивает возможность анализа логики международных процессов, а для государств может привести к пагубным последствиям.
- 2) Глобализация, как и остальные универсальные законы развития, является объективным процессом, указывающим на единство истории и будущего. По этой причине нет необходимости противостоять данному явлению современности, а следует глубоко проанализировать обозначенный феномен, чтобы выявить его основные составные элементы и вычленив из них негативные факторы. Подобное «мягкое» воздействие на один из основных универсальных законов современности позволит фактически направить глобализацию в необходимом человечеству направлении. При этом сторонники глобализма убеждены в возможности нахождения консенсуса между

¹²² Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: ПГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹²³ Rosenau J.N. Order and Disorder in the Study of World Politics / Rosenau J.N. // Globalism versus Realism: International Relations' Third Debate, 1982. - P.1-7

национальными интересами и общечеловеческими устремлениями, что могло бы создать прогрессивный социальный порядок, принимаемый во всём мире.

- 3) Для глобалистов ключевыми акторами международной среды становятся социальные категории, как, к примеру, расы, религиозные конфессии, социальные группы и классы, пол и некоторые другие категории, которые уже в последствии формируют вторичные элементы международной среды, такие как государство, транснациональные корпорации, международные организации и другие субъекты международной среды. Именно мотивация и интересы первичных акторов международной среды активизируют международные процессы, управляя вторичными, которые наделяются характеристикой мнимой самостоятельности. По этой причине, глобалисты выступают за повышение участия институтов гражданского общества в построении мировой политики¹²⁴. Тем не менее, роль государства в международных процессах не отрицается глобализмом абсолютно, её изучению также отводится отдельное внимание, однако, при этом сохраняется признак вторичности данного элемента.
- 4) В восприятии мировых процессов и возникающих в международной среде вызовов куда большее значение отдаётся рассмотрению структуры системы, а также соответствующих ей универсальных законов. При этом, поведению акторов международной среды отводится второстепенная роль в процессе формирования общемировых тенденций и мировой политики, поскольку они напрямую зависят от действующей структуры.
- 5) Формирование «глобального гражданского общества» является первостепенной задачей человечества на пути к построению прогрессивной системы международных отношений, в которой обозначенным прежде первичным акторам будет значительно проще реализовать собственные интересы и потребности. В некоторой степени подобный подход выступает продолжением взглядов неолиберального толка, высказывающихся в поддержку формирования мирового правительства, функционирующего в рамках общепринятой международной нормативно-правовой базы. Последовательность в данном случае заключается в стремлении к созданию противовеса международным политическим структурам в лице мирового сообщества для недопущения монополизации власти и нанесения ущерба институту демократии.
- 6) Глобалистское воззрение опирается на историю, которая призвана объяснить логику эволюции мировой политики как в ретроспективе, так и на современном этапе бытия.

¹²⁴ Viotti P.R., Kauppi M.V. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism and Beyond / Viotti P.R., Kauppi M.V. - N.Y.: Macmillan, 1992. - 618 p.

Именно благодаря анализу исторического опыта удаётся познать сущность универсальных законов для того, чтобы в дальнейшем более подробно изучить их воздействие в современных реалиях¹²⁵.

- 7) Особое значение в формировании мировой политики, с позиции глобализма, отводится экономическим факторам международной среды. Представители данной парадигмы отмечают, что безусловно все элементы международной системы взаимосвязаны, но именно экономические процессы определяют мировую политику и направления её реализации. В этом смысле глобалисты продолжают идеи марксизма-ленинизма об экономике, как базисе, а политике и международных институтах, как надстройке в современном мире.

Безусловно, как и у всех других теоретических подходов, имеющих место в теории международных отношений, у парадигмы глобализма есть ряд частных теорий и концепций фокусирующих особое внимание на проблемах безопасности. К числу таковых можно отнести теорию зависимости, выдвинутую в далёком 1963 году Р. Пребишем¹²⁶, теорию центра и периферии А.Г. Франка¹²⁷, мир-системный анализ И. Валлерстайна¹²⁸ - приведённые частные теории и концепции, существующие в рамках глобализма, концентрируют особое внимание на вопросах разделения мира на основании экономических факторов. Остановимся несколько подробнее на последней из обозначенных концепций, в которой И. Валлерстайн учёл опыт предшествующих подходов, в частности, перенеся от них системный подход к рассмотрению международных процессов, фактор взаимоотношений периферии и центра, механизмы международной политэкономии, а также критику капитализма. Вопросы безопасности, а также угроз в рамках обозначенного подхода рассматриваются в качестве характерной особенности столкновения интересов элементов капиталистической мир-системы. Существующая иерархия международной среды, обозначенная различиями развития центра и периферии, порождает тенденцию, при которой любые качественные изменения в системе, как, к примеру, стремление акторов периферии занять более выгодное и высокое положение в системе, несомненно, воспринимается в качестве угрозы стабильности

¹²⁵ Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / Wallerstein I. - N.Y.: Academic Press, 1974. - 410 p.

¹²⁶ Prebisch R. Towards a Dynamic Development Policy for Latin America / Prebisch R. - N.Y.: United Nations, 1963. - 103 p.

¹²⁷ Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America / Frank A.G. - N.Y.: Monthly Review Press, 1969. - 224 p.

¹²⁸ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / Валлерстайн И. - М.: Ленанд, 2018. - 304 с.

остальных акторов системы. При этом сама система характеризуется высоким уровнем взаимозависимости элементов, что существенно повышает значимость фактора качественных изменений в иерархии: успех одних порождает упадок других и наоборот. По этой причине, И. Валлерстайн указывает на то, что объективным результатом любой активности элементов системы в иерархии является возникновение конфликта интересов и даже войн. При этом существующая диспропорция между акторами среды может как вызывать конфликтные отношения, так и способствовать развитию элементов.

Продолжает рассуждения И. Валерстайна о проблематике безопасности, войны и мира в международных отношениях Й. Гальтунг, который существенно большее внимание уделяет проблематике безопасности, и с которого фактически началось формирование нового движение в рамках парадигмы глобализма, а именно школа изучения проблем мира, которая и станет следующим частным направлением теории, внимание которому будет уделено. Как и И. Валлерстайн Й. Гальтунг указывает на то, что конфликтность современных международных отношений исходит от столкновения периферии и центра, при этом в своих исследованиях, специалист-международник заходит несколько дальше, расширяя отношения акторов в системе, включая в них помимо классических экономического и политического измерений направления военного, культурного, коммуникативного взаимодействия. При этом, норвежский специалист также указывает на то, что особую конфликтность, особую угрозу безопасности международной системы вызывает взаимодействие пограничных государств, стоящих на рубеже периферии и центра. Подобная тенденция, по мнению автора, может быть обоснована отсутствием солидарности между центром и периферией, указывающее на неизменное стремление центра к приближению к «ядру», в то время как интересы членов периферии регулярно сталкиваются между собой, в ещё большей степени повышая неоднородность данного уровня системы, увеличивая экономический разрыв. Создаётся положение, при котором конфликтность системы неизменно возрастает, а исправить ситуацию способна исключительно революция, способствующая перераспределению ресурсов в системе¹²⁹.

Важно отметить, что хоть Й. Гальтунг и предал значительным импульс дискурсу проблем безопасности в международных отношениях, включив их в состав парадигмы глобализма, всё же сама по себе школа изучения проблем мира имеет куда более глубокую историю. Её становление в рамках отдельной дисциплины относят ещё к 50-м годам XX века,

¹²⁹ Galtung J. A Structural Theory of Imperialism / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1971. №2. P.81-98

когда повсеместно начали открываться научные центры изучения конфликтов и проблем безопасности. В частности, в 1956 году при Мичиганском университете по инициативе К. Булдинга и А. Рапопорта открывается Центр по изучению конфликтов¹³⁰. С того момента и начали формироваться особенности данного теоретического течения, приобретшего сетевой принцип за счёт высокой коммуникации научно-академического сообщества «мирных исследований». Основные принципы работы и исследований сторонников данной школы основывались на нормативных постулатах их теорий, которые гласили о приверженности представителей к мирным механизмам урегулирования споров, недопущению военных столкновений и насилия в целом.

Роль Гальтунга в развитии школы мирных исследований имела несколько более значимое значение нежели то было продемонстрировано прежде. В частности, ему приписывают создание теории структурного насилия, в которой исследователь стремился реализовать комплексную теорию конфликта, указывая на то, что его возникновение отнюдь не сводится к единственному фактору, как то делают представители иных парадигм. Сложный и комплексный характер конфликта и истоков его возникновения, по свидетельству норвежского теоретика, говорит о необходимости проведения значительно более глубоких исследований в отношении каждого факта столкновения интересов на международной арене¹³¹. Помимо того, к достижениям обозначенного специалиста в области развития концепта «безопасности» также можно отнести выделение различий между «позитивным» и «негативным» восприятием понятия «мир». Подобное разделение способствовало проявлению абсолютно нового понимания феномена безопасности, выступающего не только состоянием защищённости общества от угроз внутренней или же внешней среды, но и фактором социального порядка, гарантирующего необходимые условия для творческого развития индивида¹³². Подобный подход развернул активный дискурс в кругах мирового академического сообщества, который в конечном счёте привёл к вопросам о связи демократии и войны. В обиход исследователей международников был введён ряд новых определений связанных с феноменом безопасности: «структурная война», «личная безопасность», а также ряд других терминов, ставших результатов международного научного обмена в рамках школы мирных исследований.

¹³⁰ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹³¹ Galtung J. A Structural Theory of Agression / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1964. Vol.11. №2. - P.95-119

¹³² Galtung J. The Next Twenty-five Years of Peace Research: Tasks and Prospects / Galtung J. - Oxford Project for Peace Studies, 1988 - 28 p.

Подводя итог, рассмотрению достижений школы мирных исследований, стоит заключить, что в рамках описанного теоретического подхода было проведено значительное количество исследований, посвящённых проблематике безопасности. Если описывать совокупный результат работы специалистов-международников в данном направлении, то можно вывести формулировку «идеального» определения рассматриваемого феномена безопасности, который является социальным порядком, обладающим определёнными механизмами нейтрализации угроз обществу и индивиду, и в котором гарантированы условия устойчивого развития потенциала и творческих способностей индивида¹³³. Также стоит отметить, что последователи данного теоретического подхода отмечают невозможность достижения полной безопасности человека и общества, ввиду наличия независимых от человека угрожающих факторов международной среды, таких как, к примеру, природные катаклизмы. Однако, нейтрализация иных угроз является весьма преодолимой задачей, для достижения которой школа мирных исследований преподносит ряд действенных механизмов: концепция «непровоцируемой обороны», международные интеграционные процессы, превентивная дипломатия, а также обозначенное прежде расширение понятия безопасности¹³⁴.

Таким образом, выше были рассмотрены характерные особенности парадигмы глобализма, а также выделены основополагающие теории и концепции, внёсшие существенный вклад в эволюцию концепта «безопасности». Особую ценность для данного исследования представляют достижения школы мирных исследований, которые представили принципиально новый взгляд на феномен безопасности, расширив тем самым само понятие безопасности. Также интерес представляют отмеченные прежде теория зависимости, теория центра и периферии и мир-системный анализ, которые в совокупном воздействии привнесли значимый вклад в изучение международной среды, а также конфликта, выступающего его неотъемлемой частью. Подавляющее большинство представителей глобализма акцентируют внимание на экономических вопросах обеспечения безопасности, связывая её с фактором экономического могущества, на который также завязано большинство общемировых процессов. Впрочем, следует отметить, что не смотря на широкую базу инструментов анализа злободневной действительности, преподносимую парадигмой глобализма, к сожалению, за редким исключением она не предоставляет существенных механизмов,

¹³³ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹³⁴ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

способных качественно воздействовать на возникающие угрозы современности, а потому практическая ценность обозначенного теоретического подхода будет в большей степени проявляться лишь с позиции исследователей-международников, для которых открываются новые просторы для анализа сущности международных процессов.

Постпозитивизм и секьюритизация понятия угрозы

Принципиально новый взгляд не только на концепт «безопасности», но и в целом на теорию международных отношений была призвана продемонстрировать мотивированная идеями Фридриха Ницше парадигма постпозитивизма. К числу основоположников данной парадигмы принято относить М. Фуко, Дж. дер Дериана, Р. Рорти, Ю. Хабермаса, Дж. Уокера, а также ряд других теоретиков. Выступая некой противоположностью всех существовавших до этого теорий, в основу постпозитивизма вошёл ряд философских, а также мировоззренческих положений, выделяющих данное теоретическое течение из остальных парадигм теории международных отношений. К их числу относятся:

- Иррационализм воззрений;
- Релятивизм, выраженный в уверенности в том, что невозможно познать истину;
- Неопрагматизм, который приравнивает истину к своего рода пользе;
- Неприятие линейного прогресса или же историко-философских пессимизм
- Эклектизм в мировоззрении, реализуемый в попытке соотнести противоположные концепции и теории для получения принципиально нового результата¹³⁵

На формирование данной парадигмы оказало влияние сразу несколько теоретических воззрений, которые в последствии вошли в основу парадигмы. Одним из таковых воззрений является критическая теория. Не будем углубляться в положения данной теории и перейдём непосредственно к полезной для данного исследования части, а именно к тем элементам, которые характеризуют феномен безопасности, которые также повлияли на эволюцию концепта «безопасности» в теории международных отношений. Критическая теория выделяется проблему обеспечения международной безопасности в качестве одного из основных направлений, рассматриваемых в рамках данной концепции. В частности, сторонники теории указывают на необходимость переосмысления понятия безопасности для дальнейшего его расширения путём включения вопросов культуры и идентичности в проблематику. Также обязательным шагом в восприятии современной безопасности, по их

¹³⁵ Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Конышев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

мнению, является отход от «естественно-научного» равновесия в обеспечении безопасности, поскольку преподносимый неореализмом баланс сил более не является эффективной моделью. В свою очередь представители критической теории предлагают новый взгляд на процесс урегулирования конфликтов в международной среде, основанный не на устаревающем переговорном процессе, выступающем весьма не эффективной моделью за счёт создания противопоставления «они» - «мы», а на более современном диалоге, базирующемся на дискурсивной этике. Подобный подход, по мнению сторонников критической теории освобождает стороны от каких-либо искажений, способствуя принятию консенсусных решений путём коммуникаций¹³⁶. К сожалению, на этом и ограничиваются нововведения критической теории в области механизмов урегулирования конфликтов, за что идейное направление с его постулатами подвергается регулярной критике, главным аргументом которой остаётся сильная отстранённость от практического применения.

Отдельного внимания в рамках рассмотрения парадигмы постпозитивизма заслуживает постмодернизм, который фактически выступает первым и наиболее радикальным направлением парадигмы. В рамках указанного направления также немало внимания уделяется вопросам безопасности, в том числе особый интерес исследователей вызывает роль идентичности в процессе урегулирования разногласий сторон: основной конфликт акторов международной среды возникает на почве не соответствия модели «свой» - «чужой», изменив которую можно избежать прямого столкновения. Таким образом, постмодернисты предлагают в качестве одного из механизмов эффективного воздействия на предполагаемого «чужого» - изменение идентичности оппонента для его определения в качестве «своего»¹³⁷. Также постмодернисты указывают на тот факт, что в современном мире даже относительно слабые и малые государства представляют угрозу для более крупных и мощных стран, поскольку возрастает уровень интеграции даже самых малых акторов международной среды в мировую систему, а потому они фактически могут дестабилизировать систему международных отношений, нанеся тем самым урон даже самым мощным державам. Развивая данную мысль некоторые сторонники данного теоретического воззрения указывают на существенное ослабление роли территориального фактора в вопросах обеспечения безопасности, связывая подобную тенденцию с воздействием глобализации, предоставляющей угрозам безопасности транснациональный характер.

¹³⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Фуко М. - М.: Праксис, 2002. - 384 с.

¹³⁷ George J. Discourses of Global Politics: A Critical (Re)Introduction to International Relations / George J. - Palgrave, 1994. - 280 p.

Подобный подход к восприятию факторов взаимозависимости и глобализации в современном мире можно назвать поистине прогрессивным, поскольку, как покажет дальнейший анализ современного состояния международной среды, именно взаимозависимость современных акторов международной среды, совместно с глобализацией приводит к возникновению новых угроз безопасности. В завершении, хотелось бы добавить, что особый взгляд у представителей постмодернизма имеется и на обеспечение всеобщей безопасности, которая, по их мнению, может быть достигнута только в том случае, если субъектом безопасности будет выступать всё мировое сообщество, а не отдельное население государства. Подобная позиция исходит от восприятия феномена национальной безопасности, тесно связанного с фактором гражданства, который фактически разделяет общество на лояльную к государству общину и на «инакомыслящих», безопасность которых не входит в национальные интересы¹³⁸.

Особое положение среди концепций и теорий постпозитивистской парадигмы занимает постмодернистский феминизм. Учения данного теоретического направления подвергаются особой критике в рядах мирового академического сообщества, однако, некоторые положения данного подхода позволяют рассмотреть концепт «безопасности» с особо оригинальных сторон, по этой причине, выделим существенные особенности восприятия безопасности и смежных с ней дисциплин со стороны представителей феминизма. Ни для кого не секрет, что в основе данной теории лежат сексуальные различия, выделяемые в международных и внутригосударственных процессах. Схожее положение занимает феминизм и в рассмотрении проблематики безопасности. В частности, в научно-политических дискурсах представителями данной концепции был введен термин «гендер», который представляет из себя комплекс социо-культурных правил, норм и ролей, которыми наделены люди благодаря своему биологическому полу. Исходя из обозначенной позиции происходит дальнейшее формирование целой системы различий в общественно-политических явлениях. Так, к мужской поведенческой типологии относят такие политические явления как суверенитет, рациональность, объективность, автономия, стремление к господству и ряд других явлений. В то же время женственной части отводятся схожие явления, однако, выделяется их значительное ослабление¹³⁹.

¹³⁸ Walker R.B.J. One world, many worlds: struggles for a just world peace / Walker R.B.J. - Lynne Rienner Publishers, 1988. - 192 p.

¹³⁹ Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы / Пушкарева Н.Л. // Женщина в российском обществе. - 2002. №2-3. - С. 32-37.

Разработка концепций безопасности в феминизме также проходит с учётом особенностей данного теоретического подхода, настаивающих на отказе от принципов этатизма и иерархичности. В частности, критике подвергается институт государства, который по мнению сторонников феминизма только усугубляет процесс обеспечения безопасности общества: его наличие в качестве гаранта безопасности для человека и общества становится источником угрозы другим обществам и другим государствам. Подобная тенденция вызывает очередной парадокс безопасности с позиции последователей феминизма. Помимо того, одним из основных тезисов данного теоретического подхода является то, что женщины фактически выступают основными жертвами насилия, неспособными защитить себя в случае возникновения угроз. Таким образом, феминистские воззрения выдвигают следующую эмансипаторскую цель - выведение защиты индивидуума в ряд основополагающих задач безопасности, наряду с искоренением фактора подчинения женщин¹⁴⁰. Получается, что основополагающее значение в качестве субъекта безопасности приобретают женщины, безопасность которых возводится во главу угла. Что же касается механизмов, которыми, как предполагается, должна достигаться безопасность общества, то здесь идейно феминизм очень близок к позиции неолиберальной парадигмы, предполагающей задействование «мягких» инструментов для реализации поставленной цели, однако, делается определённое уточнение в отношении специфических женских угроз, к которым, к примеру, относят грубое обращение, ущемление прав и ряд других вызовов, имеющих отношение к исключительной безопасности женщины. Феминизм также предполагает пересмотр самого феномена войны с целью изменения общественного отношения к данному явлению путём «деконструкции» стереотипа об исконной цели войны и боевых действий, в целом, которая заключается в защите детей и женщин¹⁴¹.

Последним по счёту, однако, далеко не по значению элементом парадигмы постпозитивизма, затрагивающим вопросы безопасности и рассмотренным в рамках данного исследования, станет социальный конструктивизм, а также имеющиеся в нём частные концепции. В теории международных отношений возникновение социального конструктивизма как отдельного направления постпозитивистской парадигмы относят к 90-м года XX века. Тогда к новоявленному теоретическому подходу примкнул ряд видных членов мирового академического сообщества, среди которых можно выделить А. Вендта, Н. Онуфа,

¹⁴⁰ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹⁴¹ Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Тикнер Дж.Э. - М.: Культурная революция, 2006. - 336 с.

И. Ноймана, О. Вэвера, Ф. Краточвила, а также ряд других теоретиков. С момента своего становления социальный конструктивизм испытывал особое тяготение к проблематике безопасности, что, в конечном счёте, выразилось в появлении большого числа исследований в данном направлении, подготовленных сторонниками данной теории. Изначально представителями данного теоретического подхода подвергся критике традиционный подход к рассмотрению проблем безопасности, основывающийся на категории национальных интересов и их защите. В свою очередь, социальный конструктивизм предлагает заменить данную категорию параметром идентичности, который фактически занимает место национальных интересов в интерпретации вопросов безопасности¹⁴². При этом сама идентичности, с позиции конструктивистов, выступает весьма динамичным феноменом, формируемым под воздействием двух факторов: личного восприятия, а также восприятия со стороны другого¹⁴³. Особое воздействие на восприятие международной среды и фактора безопасности со стороны представителей социального конструктивизма сыграла трактовка характера анархичности международной системы, которая, по их мнению, устарела в определениях неореализма. Конструктивизм подчёркивает постоянную изменчивость международной среды, которая фактически является «рукотворным» конструктом, формирующимся под постоянным воздействием процессов взаимодействия на мировой арене¹⁴⁴. Отдельное внимание в восприятии концепта «безопасности» конструктивистами отводится смене референта безопасности, которым государство более не является. Задача безопасности состоит в приоритетной защите человека и его интересов, которые ставятся на порядок выше государственных интересов по обеспечению суверенитета. При этом содержание феномена безопасности не сводится к конкретным категориям, поскольку оно как и вся международная среда представляет из себя конструкт, постоянно изменяющийся в зависимости от восприятия его обществом на определённых этапах человеческого бытия¹⁴⁵. В заключении, хочется отметить, что, в целом, с позиции социального конструктивизма основные проблемы и вызовы безопасности государства и общества исходят от различий в

¹⁴² Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / Hopf T. // *International Security*. - 1998. Vol.23. №1. - P.171-200.

¹⁴³ Wendt A. Anarchy is What States Make of it / Wendt A. // *International Organization*. - 1992. Vol.46. №2. - P. 391-425

¹⁴⁴ Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности / Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. // *Теории и проблемы политических исследований*. - 2016. №3. С. 94-112.

¹⁴⁵ McSweeney B. *Security, Identity and Interests: a Sociology of International Relations* / McSweeney B. - Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - 245 p.

идентичности, позволяющих другой стороне воспринимать себя «другим» по отношению к тебе, основываясь на культурных различиях, а также на различиях в общественной практике¹⁴⁶.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение такой частной концепции в рамках социального конструктивизма парадигмы постпозитивизма как теория секьюритизации, выведенная в конце XX века О. Вэвером и Б. Бузаном, представителями Копенгагенской школы мирных исследований, с учётом основных особенностей конструктивистской теории. В своём труде «Security: A New Framework for Analysis» исследователи приводят два значения понятия секьюритизации. Первое из них описывает феномен секьюритизации как наивысшую степень восприятия угрозы человеку и обществу, затрагивающую вопрос выживания, и определяемую за счёт анализа политического дискурса. Второе значение обозначенного феномена говорит о процессе политизации вызова безопасности, который заключается в планомерном воспроизведении в дискурсе состояния угрозы с целью смены политических интересов или же приоритетов общества¹⁴⁷. Таким образом, угроза с позиции теории секьюритизации более не является перманентным фактором международной среды, а возникает исходя из политического дискурса. Также данная концепция сохраняет категорию идентичности, выраженную в фундаментальном соотношении восприятия «свой» - «чужой»¹⁴⁸. Именно идентичность в конечном счёте способствует секьюритизации угрозы за счёт выведения фактора «опасности» в ранг экзистенциальной угрозы человеку и обществу¹⁴⁹. В конечном счёте, факт секьюритизации угрозы фактически означает окончание политического диалога, а потому говорит о возможности перехода к чрезвычайным мерам, которыми по большей степени выступают меры принуждения. Тем ни менее, теория секьюритизации также предполагает и обратный процесс - десекуритизацию угрозы, который фактически обозначает устранение угрожающего фактора за счёт выведения его из политического дискурса¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.

¹⁴⁷ Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis / Buzan B., Waever O., de Wilde J. - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. - 239 p.

¹⁴⁸ Акопов С.В., Прошина Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далёких местных» / Акопов С.В., Прошина Е.М. // Власть. 2011. №1. - С.89-92

¹⁴⁹ Buzan B., Waever O. Regions and powers / Buzan B., Waever O. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 564 p.

¹⁵⁰ Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации / Тамбовцева М.А. // Грамота. - 2017. №9(83). С.185-187

Подводя итог рассмотрению не только положений постпозитивизма в отношении проблематики безопасности, но и в целом разделе посвящённому изучению эволюции концепта «безопасности» в основных парадигмах теории международных отношений, следует, прежде всего, заключить, что рассмотренные теоретические подходы парадигмы постпозитивизма сделали значимый вклад в эволюцию концепта «безопасности» за счёт значительного расширения восприятия феномена безопасности. В частности, достижения критической теории, постмодернизма, феминизма, а также социального конструктивизма привнесли в современный научно-политический дискурс ряд прогрессивных определений и подходов к трактованию сущности ключевых для проблематики безопасности элементов. Необходимость комплексного подхода к проблемам безопасности, фактор идентификации, расширение толкования понятия «безопасность», установление трансграничного характера современных угроз, выделение обеспечения защиты человека, его интересов и потребности в качестве приоритетной составляющей феномена безопасности - всё это и некоторые другие положения являются непосредственным достижением сторонников постпозитивистской парадигмы. Безусловно, значимый вклад со стороны данного теоретического подхода был внесён именно в научный дискурс, позволив более эффективно оценивать явления современной международной среды, однако, что касается предоставления механизмов нейтрализации возникающих угроз, эффективно применимых на практике, то здесь представители постпозитивизма в большей степени, как и всё мировое сообщество, отдают предпочтение неолиберальным методам воздействия на международную среду. В особенности, это касается механизмов «мягкого» воздействия на международные процессы.

Таким образом, рассмотрение эволюции концепта «безопасности» в теории международных отношений позволило сделать один значимый вывод в отношении теоретической базы проблематики безопасности: ни одна из существующих парадигм или же частных теорий международных отношений не в состоянии самостоятельно и в полной мере описать феномен безопасности, а также предоставить действенные механизмы устранения фактора угрозы из международной среды. А потому для преодоления вызовов современности, угрожающих безопасности человека и общества, требуется учитывать весь накопленный академическим сообществом опыт по анализу феномена безопасности и смежные ему явления. Тем ни менее, если говорить о конкретной пользе тех или иных парадигм теории международных отношений, то следует выделить несколько из них в большей степени подходящих к реалиям XXI века и способных предоставить действительно прогрессивную картину особенностей современного мира. Таковыми парадигмами можно

назвать неолиберализм и преподносимые им ценности международного и частного права, демократического мира и обеспечения безопасности «мягкими» инструментами, а также отдельные направления постпозитивизма, в частности, постмодернизм и социальный конструктивизм, позволяющие наиболее эффективно оценить мировые процессы.

ГЛАВА 2. ДИСКУССИИ О СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Эволюция международной среды и угроз безопасности

Изучение теоретических подходов к трактованию концепта «безопасности» продемонстрировало, что ни одна из существующих парадигм или частных теорий международных отношений не в состоянии самостоятельно и в полной мере описать феномен безопасности, а также предоставить действенные механизмы устранения фактора угрозы из международной среды. Виной тому в первую очередь является непосредственно сама международная среда, эволюция которой протекает куда более высокими темпами нежели развитие теоретических подходов. Изменения среды порождают новые вызовы безопасности, их характер неизменно адаптируется к новым реалиям мироздания, что приводит прежде эффективные инструменты в запустение, вынуждая человечество начинать поиск новых механизмов противодействия возникающим угрозам принципиально нового характера.

Похожий процесс мы наблюдаем и в наши дни: эволюционная составляющая в развитии международной среды в очередной раз возвращает мировое академическое сообщество к вопросам о характере современных международных отношений, а также о характере современных угроз безопасности. XXI век привнес в мир несколько существенных тенденций, коренным образом отразившихся на феномене безопасности. К их числу можно отнести четыре наиболее значимых фактора, благодаря которым современный мир приобрёл свойственные ему черты: расширение понятия безопасность, крах биполярной системы, глобализация, а также технологический прогресс. Рассмотрим же обозначенные явления по порядку для того чтобы наиболее полно раскрыть специфику международных отношений текущего поколения.

Первым этапом эволюции рассматриваемого феномена стало, отмеченное выше расширение понятия «безопасность». Развитие международной системы ещё за несколько десятилетий до краха биполярного мира указывало на то, что безопасность более не является исключительно милитаризованным феноменом, а его сужение до вопросов военного взаимодействия сильно ограничивает явление, которое становится более серьёзным фактором поддержания жизнеспособности государства и общества. Обозначил подобную тенденцию в 1983 году Ричард Ульман, заявив о необходимости расширения толкования данного явления¹⁵¹. Новые требования к обеспечению безопасности привели к некому

¹⁵¹ Ulmann R. Redefinig security / Ulmann R. - International security. - 1983. Vol.8. №1. - P. 129-153

состоянию раздробленности феномена: на данном этапе явление дополняется рядом черт и направлений, которые вполне могут выступать как самостоятельные дисциплины, однако только вместе они формируют общую картину, феномен безопасности в его новоявленном виде. Продовольственная, политическая, информационная, антитеррористическая, экономическая, техническая, ядерная безопасности являются лишь одними из многих ответвлений, к которым смещается проблематика, усложняя и без того трудно поддающийся анализу феномен безопасности¹⁵²¹⁵³.

Однако, тогда восклицания отдельных исследователей не возымели должного эффекта на научно-политический дискурс, и вопросы военного взаимодействия, ввиду продолжающейся холодной войны, оставались на первом месте в толковании феномена безопасности. С наступлением III тысячелетия дискуссия получила новые обороты, игнорировать расширение охвата областей, включаемых в перечень жизненно важных для общества и государства, более не представлялось возможным. Безопасность как феномен отходит от своего привычного трактования и вытесняет военную угрозу с позиций исключительного вызова человечеству. Возникает фактор «мягкой безопасности» и «мягких» угроз, которые более не наделены военным характером, а потому противодействие им классическими механизмами не представляется возможным¹⁵⁴.

К числу угроз нового поколения стали относить экономические вопросы, проблематику загрязнения окружающей среды, фактор терроризма, проблемы сепаратизма, вопросы информационной и кибербезопасности, неконтролируемая миграция а также большое количество явлений способных ввиду своей природы возыметь негативное воздействия на государства и общество. Трансграничный характер обозначенных угроз стал ключевой особенностью эволюционировавшей безопасности, которая возымела определённый эффект на характер взаимодействия акторов на международной арене: более государства не могли противостоять угрозам самостоятельно, поскольку новые вызовы требовали сотрудничества и взаимодействия, что коренным образом отличалось от реалий прошлого века. Начался процесс пересмотра роли и функций государства в обеспечении безопасности общества.

¹⁵² Ницевич В.Ф. Методологические подходы к познанию международной безопасности / Ницевич В.Ф. // Мировые проблемы. Внешняя политика. - 2012. №3. - С. 186-191

¹⁵³ Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В. Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

¹⁵⁴ Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов». Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Рыхтик М.И. - М.: Аспект Пресс, 2002. - 197 с.

Смещение от угроз военного характера отразилось и на роли военно-политических объединений: существовавшая ранее система наделяла подобные формирования определённой смысловой задачей, выраженной в накоплении сил с целью отражения военной агрессии, однако обозначенные свыше вызовы, определяющие феномен безопасности XXI века, не позволяют военным альянсам эффективно обеспечивать безопасность по всем её направлениям. Такие институты как НАТО, безусловно, всё ещё эффективны в военной стезе, однако вооружённые столкновения в привычном виде, где основными лицами выступали государства, отходят на второй план, уступая место столкновениям общества с обозначенными транснациональными угрозами, для которых недостаточно традиционных, военных, подходов к урегулированию.

Дополнительный вызов государству и межгосударственным формированиям составил произошедший на закате XX века крах биполярной системы, который упразднил существовавший ранее порядок, породив другую реальность, анализ которой уже не сводился к противостоянию двух полюсов, а глобальные вызовы перестали трактоваться как насущные проблемы отдельных государств. Подобная система существенно отразилась на роли основополагающих акторов международных отношений предшествующих лет - на государстве и межгосударственных институтах, предоставив определённую волю иным акторам международной среды: транснациональным формированиям, неправительственным бизнес структурам, преступным и террористическим организациям и даже частным лицам, а также множеству других субъектов международных отношений¹⁵⁵. Возникновение такого большого числа относительно свободно действующих на международной арене лиц существенным образом повлияло на характер взаимодействия внутри системы, а соответственно и на характер международной безопасности. Государство окончательно потеряло свой прежний статус, а межгосударственные формирования, основанные в годы биполярного мира, потеряли свою эффективность. Данную проблему связывают с одним конкретным обстоятельством, на которое впервые обратили внимание в 1997 году. Сделал это польский учёный и по совместительству дипломат Ротфельд А.Д., который предположил, что на международную среду оказывает влияние следующий фактор: отсутствие реальной угрозы начала крупного военного столкновения, новой мировой войны¹⁵⁶. Сперва может показаться,

¹⁵⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

¹⁵⁶ Ротфельд А.Д. Международная безопасность: формирующаяся повестка дня / Ротфельд А.Д. - Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 1997. - С.38

что подобное обстоятельство способно оказать исключительно положительное воздействие, однако, его последствия не столь однозначны.

Как уже было отмечено прежде, государство теряет свой статус фактически единоличного элемента международной системы. Подобное положение вынуждает его на равных взаимодействовать с другими акторами международной среды, при этом общение с позиции силы более не является действенным механизмом. Происходит обозначенное ранее смещение от политики самостоятельного обеспечения безопасности к политике сотрудничества. При этом, как отмечают некоторые исследователи, посветившие свои работы рассмотрению мира после «холодной войны», не все государства оказались готовыми к взаимодействию с новоявленными акторами международных отношений, отказавшись при этом от своего доминирующего статуса, что ещё длительное время негативно сказывалось на эффективности государств в обеспечении своих основополагающих функций, к числу которых не в последнюю очередь относится развитие государственной экономики¹⁵⁷.

Однако, более явное влияние обозначенный фактор оказал на военно-политических формированиях прошедшей эпохи. За примером далеко ходить не нужно, достаточно обратить внимание на наиболее значимую организацию подобного рода - НАТО. Сущность образования подразумевала постоянное нахождение врага в лице одного или нескольких государств, что не составляло большого труда в годы холодной войны. Однако, отход от биполярной системы устранил ранее непоколебимый образ противника в лице СССР. Требовался новый ориентир, новый враг, но современный мир такого не предоставлял. Тогда возникла серьёзная проблема для Организации Североатлантического договора, связанная с поиском самоидентификации: известный факт, что подавляющее большинство альянсов не переживает устранения врага. По этой причине, как утверждают некоторые исследователи, НАТО выступило некой аномалией, поскольку продолжила существовать и в послевоенные годы. Тем ни менее, категорию врага из своей сущности организация так и не устранила, породив определённое опасение в вероятности возникновения искусственно созданного противника. Следуя подобной логике, С.М. Волт указывает на возрастание напряжённости во взаимоотношениях запада и Европы, связывая данный факт именно с ролью НАТО во взаимодействии двух сторон¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Дериглазова Л.В. Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания «холодной войны» / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2005. №1. - С.56-61

¹⁵⁸ Walt S.M. The Ties That Fray. Why Europe and America are Drifting Apart / Walt S.M. // The National Interest. - 1998. №110.

Третьим «обстоятельством», изменившим систему международных отношений, стало проявление воздействия глобализации на международную среду, которая во взаимодействии с технологическим прогрессом также повлияла на характер связей акторов в системе. Благодаря глобализации мир склонился в эпоху «всеобщей взаимозависимости», которая в свою очередь привнесла в него как положительные, так и отрицательные тенденции¹⁵⁹¹⁶⁰. Эффект домино, обосновавшийся в американской внешнеполитической мысли середины XX века и в последствии перешедший в ранг теории, с наступлением нового мирового порядка эволюционировал до масштабов неконтролируемого феномена и более не может быть использован как привычный механизм ведения внешней политики, как то было во времена президентства Гарри Трумена, его последователей и отчасти предшественников¹⁶¹¹⁶². На сегодняшний день подобный эффект скорее является неотъемлемой составляющей злободневной действительности, который следует принимать во внимание при рассмотрении вызовов и угроз XXI века, а также при проектировании механизмов противодействия им.

Проявление обозначенной взаимозависимости, ставшей отличительной чертой нового столетия, как с положительной, так и с отрицательной стороны наиболее ярко отражается в экономической сфере. Наряду с весьма прогрессивными тенденциями повышения производительности труда, повышения эффективности расходования природных и энергетических ресурсов, развития мировой транспортной системы и ряда других достижений, оказавший позитивное воздействие на мировую экономическую систему, возрастает риск возникновения мировых экономических кризисов, от которых не может быть застраховано ни одно из современных государств¹⁶³. Упомянутый ранее эффект домино, в случае возникновения подобного негативного явления, оказывает воздействие сразу в нескольких направлениях, не только дестабилизируя национальные экономики государств мира, но и перенося негативные последствия во внеэкономические сферы, к числу которых можно также отнести и политическую составляющую деятельности государств. Данный факт

¹⁵⁹ Гусаков Н.П. Интеграция России в мировую экономику: Монография / Н.П. Гусакова. - М.: Издательство РУДН, 2009. - 419 с.

¹⁶⁰ Бабурина О.Н. Концептуальные подходы к международным отношениям в условиях глобализации: от альтернатив дихотомии к синергетике / Бабурина О.Н. // Известия ВУЗ. Поволжский регион. - 2008. №1. - С. 73-81

¹⁶¹ Ninkovich F. Modernity and Power: A History of the Domino Theory in the Twentieth Century / Ninkovich F. - Chicago: University of Chicago Press, 1994. - p. 68

¹⁶² Зобнин А. Теория домино в научном дискурсе / Зобнин А. // Международные процессы. - 2016. Том 14. № 2 (45). - С. 65-77

¹⁶³ Гусаков Н.П. Россия и глобальные вызовы / Гусаков Н.П. // Мировой кризис и геополитические перспективы. - Вестник РУДН. - 2011. Серия «Экономика». №5 - С. 9-15

наиболее ярко отражают последствия мирового экономического кризиса 2008 года, начавшегося в Соединённых Штатах Америки. Кризис привёл к пагубным последствиям практически во всех сферах общественной жизни далеко за пределами Америки: от социальной сферы, зафиксировавшей рекордно низкие показатели безработицы в большинстве государств мира, резко отразившиеся на уровне благосостояния населения планеты, до политической, что можно увидеть на примере Исландии, где негативный эффект, вызванный экономическим кризисом, вынудил действующее правительство страны уйти в отставку после возникновения народных волнений¹⁶⁴¹⁶⁵. Последствия упомянутого кризиса прослеживались на протяжении всего последующего десятилетия, что лишний раз подчёркивает характер угроз, принесённых в мир последствиями глобализации. Экономика отнюдь не единственная, а скорее одна из множества сфер, возникновение вредоносных явлений в которой за счёт эволюционировавшего эффекта домино может оказать губительные для мировых процессов вызовы.

Как показал описанный выше эффект, вызванный процессами глобализации и повышения взаимозависимости международных акторов, внутривнутриполитические процессы перестают быть исключительно внутривнутригосударственным фактором, не имеющим воздействия на международную сферу. Осознание того факта, что угроза современного порядка теперь может исходить не только от конкретного государства, но и от его внутривнутриполитических процессов, а также от сторонних факторов, была нормативно зафиксировано в 1999 году в Стамбульской Хартии Европейской безопасности, документе ставшем одним из первых шагов человечества к переосмыслению понятия безопасность¹⁶⁶. Отныне внутривнутриполитические и внутривнутригосударственные процессы становятся значимым фактором международной безопасности, способным перевести внутренние проблемы государства в ранг угроз региональной и даже международной безопасности, ещё больше расширяя феномен безопасности и список формирующих его угроз международной среде.

Однако, необходимо понимать, что государства отчасти сами виноваты в возникновении пагубных последствий глобализации: нежелание принять прогресс и те механизмы, которые принесла глобализация, в купе с попыткой сохранить государство в его исконном виде, что несомненно выступает одной из главенствующих задач правящих элит,

¹⁶⁴ Stiglitz J. Freefall: America, free markets, and the sinking of the world economy / Stiglitz J. - NY: W.W. Norton & Company, 2010 - 361 p.

¹⁶⁵ РИАНовости: Мировой финансовый кризис 2008 года и последствия для России / РИАНовости - 2016.- URL: <https://ria.ru/20130816/956672411.html> (Дата обращения: 22.03.2019)

¹⁶⁶ Стамбульский документ ОБСЕ от 19 ноября 1999 года «Хартия Европейской безопасности»

отчасти привели к возникновению искусственных конфликтов и конфронтаций, преподносимых в качестве непримиримых противоречий сторон в диалоге. Действительно, в случае принятия всех «даров» глобализации роль национального правительства, как и самого государства сократится до неузнаваемости, что приведёт к окончательному размытию понятия суверенитет, выступающего последним оплотом государственности¹⁶⁷. Волна сепаратизма, захлестнувшая мир в начале нового тысячелетия выступила явным тому подтверждением: глобализация, а также технологический прогресс продемонстрировали обществу низкую эффективность действующего института государства. Народы и этничности, проживающие на обособленных территориях, увидели реальную возможность реализовать свои интересы путём создания независимого международного актора, отдельного государства, которое не будет расходовать ценные ресурсы на реализацию бессмысленных для общества проектов¹⁶⁸¹⁶⁹. Свою роль в обозначенных процессах сыграли и средства массовой информации, которые благодаря технологическому прогрессу приобрели механизмы, а благодаря глобализации - права и желание более тесно взаимодействовать с обществом, негативно отзываясь, критикуя внутривнутриполитические процессы и тем самым нанося удар по институту государства.

В идеальном представлении заключительная стадия глобализации мира, вероятнее всего, предполагает, что на земле не останется государств, в их классическом представлении. «Шаг на встречу будущему» будет означать необходимость повышения и без того немалой взаимозависимости международных акторов, ещё большее размытие понятия суверенитет, передачу большей части функций государства, как института, наднациональным органам, тотальную открытость национальных институтов и готовность к кооперации. Последнее служит неотъемлемой составляющей нового мира, поскольку характер современных угроз таков, что они возникают куда быстрее, чем государства успевают договориться об отпоре предыдущему вызову.

Как уже было отмечено, быстрая кооперация требует высокого уровня открытости взаимодействующих сторон. С этой точки зрения современные интеграционные процессы, проходящие в отдельных государствах, а также существующие региональные

¹⁶⁷ Пузырев К.С. Сепаратизм как политическое явление / Пузырев К.С. - Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. - 2010. №4. - С. 133-143

¹⁶⁸ Гуджатуллаев Р.А. Сепаратизм и его последствия в условиях этнополитического конфликта / Гуджатуллаев Р.А. - Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. - 2015. Том 157. Кн.1. - С. 223-228

¹⁶⁹ Рыбаков А.В., Квон Д.А. Сепаратизм: современные особенности и тенденции развития / Рыбаков А.В., Квон Д.А. - Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - С. 71-75

интеграционные объединения выступают весьма прогрессивными элементами современных международных отношений, однако даже они обладают существенным изъяном по причине отсутствия глобального охвата. Трансграничность угроз современного типа предполагает эффективную международную, а не региональную кооперацию. Тормозит процесс окончательной эволюции мира в эпоху всеобщего взаимодействия обозначенная ранее проблема: государства не особо стремятся распрощаться со своим действующим статусом. Это приводит к нежеланию взаимодействовать, которое не позволяет миру и конкретным государствам реагировать мгновенно и эффективно.

Четвёртой специфической особенностью международных отношений наших дней стал технологический прогресс, достигший не виданных ранее масштабов. Технологии проникли во все сферы жизни общества, что коренным образом отразилось и на феномене безопасности: её обеспечение требует куда больших ресурсов для того, чтобы противостоять новым вызовам, а также реагировать на эволюцию существовавших ранее угроз. Это обусловлено тем, что технологический прогресс предоставил злонамеренным акторам международной среды качественно новые механизмы пагубного воздействия. Взять, к примеру, терроризм и столь значимую его составляющую как организация и поддержание связи между террористическими ячейками. В современном мире технологии позволяют организовывать относительно безопасные для стороннего вмешательства линии связи, что, несомненно, становится преимуществом террористов, которые, обладая бесперебойной линией связи способны более эффективно координировать собственную деятельность, что в свою очередь приводит к укреплению фактора внезапности наносимых ударов, влекущего повышение масштабов террористического акта, его жертв и последствий¹⁷⁰¹⁷¹. И данный пример является лишь одним из многих случаев влияния технологического прогресса на формирование современных международных отношений. Появление новых видов вооружений и вовсе не требует упоминания. Технологии доводят поражающий фактор современных угроз для колоссальных масштабов, однако, они же и встают на защиту человека, общества и государства. По этой причине и возникает обозначенная в самом начале абзаца тенденция на повышение расходов на поддержание безопасности. Научно-техническая база в данном случае становится неотъемлемым элементом национальной, а в

¹⁷⁰ Майдыков А.А. Национальные интересы - Актуальные проблемы противодействия использованию интернета террористическими и экстремистскими организациями / Майдыков А.А., Исаров О.Б. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. №38. - С.44-51

¹⁷¹ Зонов Ф.А. Международный терроризм и мировой опыт борьбы с ним / Зонов Ф.А. // Власть. - 2011. №1. - С. 103-106

следствии и международной безопасности, а её развитие входит в перечень первостепенных государственных интересов, что в свою очередь требует от государств расходования большого количества финансовых ресурсов.

Влияние технологического прогресса на современный мир уже было частично затронуто при описании воздействия глобализации. Действительно, данные явления совместными усилиями не только существенно повлияли на эволюцию международной среды, но и оказали друг на друга весьма необычный эффект взаиморазвития. Данный эффект состоит в том, что оба рассматриваемых явления грамотно дополнили друг друга, поспособствовав созданию благоприятных условий для саморазвития. Так, к примеру, успехи глобализации, выраженные в значительном повышении уровня научного обмена среди государств, неизменно подталкивают технологический прогресс, который в свою очередь предоставляет глобализации необходимые механизмы продвижения: новые средства обработки, передачи и распространения информации - лишь один из множества ярких примеров, подтверждающих данный факт.

Отдельного внимания заслуживает такое «достижение» технологического прогресса как возникновение феномена кибербезопасности. Его сущность более чем подробно будет рассмотрена в последующих главах, однако, сейчас стоит отметить, что возникновение подобного феномена в качестве отдельной дисциплины, отдельного направления исследований, уже говорит о его значимости в современном мире. Кибербезопасность выступила апогеем эволюции международной среды, возвысив столь загадочное электронное пространство в ранг явлений планетарного масштаба.

Возрастание значимости обозначенного явления начало свой путь с зарождения широко известного общественным массам интернета, который окончательно оформил облик знакомого нам феномена только к середине 90-х годов XX века¹⁷². Тогда появление мировой сети привело к масштабному сдвигу как в сфере обработки, хранения и распространения информации, так и в области функционирования частных и государственных институтов. Первый шаг перемещения документооборота в электронное пространство впоследствии привёл к значительному расширению понятия информации, создав принципиально новую площадку для общественной коммуникации и активности. Сама информация стала весомым инструментом и двигателем прогресса в принципиально разных областях общественной жизни. На этом этапе общество склонилось в сторону новоявленного механизма развития,

¹⁷² Gozzi R. A brief history of internet time / Gozzi R. // Metaphors in action - 2002. №1 - P.47-54

данный шаг привёл к глубокой интеграции общества, национальных и международных институтов в электронное пространство, породив тем самым состояния зависимости дееспособности органов от безопасности киберсреды. Угрозы информации и ресурсам киберсреды стали определять ключевые для человека и общества права и свободы¹⁷³.

Технологический прогресс продолжил вносить свои коррективы не только в международную, но и в кибернетическую среду. Сконцентрировав под своим крылом весомое число сетей телекоммуникаций и технологий, а также став неотъемлемой составляющей жизни человека, общества и даже государства, киберпространство стало привлекательной платформой для обогащения недоброжелательных акторов, а для заинтересованных лиц оно и вовсе стало полноценным полем ведения борьбы. При всём при этом приходило осознание того факта, что последствия борьбы в кибернетическом поле могут принести куда большую выгоду для сторон конфликта нежели боевые действия в их привычном виде. Тогда взволнованное «достижениями» технологического прогресса академическое сообщество, на проходившей в 1999 году в городе Эриче, Сицилия, конференции отметило информационный характер надвигающегося века, включив информацию и угрозы, исходящие от киберпространства, в перечень основных вызовов безопасности XXI века¹⁷⁴. Подтверждения высказанных опасений долго ждать не пришлось и уже в 2000 году человечество ощутило ту угрозу, которая может исходить от кибернетического пространства: компьютерный вирус «I love you» стал одним из первых столкновений общества с киберугрозой. Последствия поистине международного масштаба выразились в утрате пользователями мировой сети более 10 миллиардов долларов США¹⁷⁵.

Безусловно, последующие десятилетия лишь повышали эффективность механизмов пагубного воздействия на кибернетическое пространство. Возникали и новые методы противодействия угрозам киберсреды, а государства пришли к осознанию необходимости участия и формирования национальных структур ответственных за поддержание кибербезопасности. В конечном счёте, сохранялась и возрастала тенденция повышения интеграции человека и общества в киберпространство, а сама среда продолжала расширять горизонты своего охвата, что в итоге привело к необходимости отнесения феномена

¹⁷³ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.2-9

¹⁷⁴ Федоров А. Проблемы информационной безопасности сегодня: Алогизмы развития / Федоров А. // Индекс безопасности. - М.: Пир-Центр, 2012. №1. - С. 261-270

¹⁷⁵ РИАНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РИАНовости - 2014.- URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)

киберпространства к числу привычных областей ведения боевых действий, поставив кибернетическое пространство в один ряд с морским, воздушным, а также наземным полем боя¹⁷⁶.

Таким образом, выше были рассмотрены четыре существенных фактора, решающее воздействие которых определило современное состояние международной среды, а также сформировало характерные особенности угроз безопасности реального времени. Рассмотрение данных особенностей является значимой частью исследования проблематики безопасности, которое позволит в полной мере проанализировать и осмыслить вызовы, проверку которыми проходит концепт «безопасности» теории международных отношений в наши дни. Однако, прежде чем перейти к следующему этапу исследования, в котором будут подробно рассмотрены характерные особенности вызовов безопасности XXI века, необходимо подвести итог проделанному исследованию эволюции международной среды. Можно заключить, что современная система международных отношений является многополярным миром, в котором высокое значение приобретают факторы взаимодействия и взаимозависимости государств, а также других «нетрадиционных» акторов международных отношений, появление которых существенно отразилось на статусе государства в современном мире. При этом технологический прогресс продолжает вносить свои коррективы в мироздание, углубляя оказываемое глобализацией воздействие, закрепляя описанный эффект домино и предоставляя неблагоприятным акторам новые механизмы эффективного пагубного воздействия. Безопасность в свою очередь отходит от существовавшего веками милитаризованного характера и значительно расширяет собственное толкование, аккумулируя в себе огромное количество переменных, ответственность за которые перестаёт быть функцией отдельного государства или группы государств - данная обязанность переходит ко всему мировому сообществу, которое нуждается в эффективной кооперации. Виной тому послужили современные вызовы безопасности общества, преодоление которых более не может быть осуществлено исключительно за счёт военных механизмов, а предполагает отпор как в рамках привычного блока «hard security», так и в рамках новоявленной «soft security»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Воронцов С.А. Политическая культура и идеологии: О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере / Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2015. №9. - С.16-25

¹⁷⁷ Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В. Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

«Мягкие» угрозы безопасности

При рассмотрении эволюции международной среды, а также при анализе концепта «безопасности» в теории международных отношений ни раз говорилось о том, что феномен безопасности в наши дни сильно отличается от явления, имевшего место в первой половине XX века и в более ранние периоды человеческой истории. Обозначенное влияние глобализации, изменение характера взаимоотношений акторов международной среды, увеличение числа и роли «нетрадиционных» акторов, повышение уровня взаимозависимости акторов, а также ряд других тенденций привели к существенному снижению значимости фактора военной угрозы, который ранее фактически расценивался как единоличная угроза безопасности. Теперь же акцент в вопросах безопасности смещается в сторону противодействия угрозам невоенного характера - именно их то и называют «мягкими» угрозами безопасности.

Повышенное внимание к невоенным факторам в проблематике безопасности привело к рассмотрению феномена академическим сообществом с разделением его на две составляющие: «hard security» и «soft security». Первая формулировка описывает привычное состояние безопасности, выраженное в стремлении государства защитить свои интересы и общество от военной агрессии, посягательства на суверенитет и территориальную целостность страны. Второй же феномен стал нововведением второй половины XX века. Впервые обозначил существование подобного разделения в проблематике безопасности И. Галтунг¹⁷⁸, однако, несколько позже Б. Бузан углубляет понятие «soft power», смещая в своих исследованиях внимание на личность, которую он рассматривает в качестве объекта безопасности¹⁷⁹. Подобный подход, обладающий социальной направленностью, в дальнейшем привёл к формированию отдельного теоретического подхода к анализу феномена безопасности - Security Studies. Впрочем, вернёмся к работе Б. Бузана и отметим, что учёный формально выделяет несколько секторов безопасности человека и общества, к которым относит, помимо очевидного военного сектора, экономический, политический, экологический и общественный. Тем ни менее автор также указывает на то, что их взаимосвязь очень тесна, поэтому подобное разделение несколько условно, однако оно позволяет в определённой степени уяснить какие вызовы Б.Бузан рассматривал в качестве «мягких».

¹⁷⁸ Горный М.А. Мягкая безопасность - балтийское измерение / Горный М.А. // Публичная политика - 2004. Сборник статей. / Под редакцией А.Ю.Сунгурова. - СПб: Норма, 2004. - С.19-31

¹⁷⁹ Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / Buzan B. - ECPR Press, 2007. - 318 p.

Разграничение вызовов безопасности на «мягкие» и «жесткие» и по сей день вызывает у исследователей проблематики серьезные споры. Дело в том, что изначально невоенные, новые угрозы, формировали феномен «мягкой безопасности», которому противопоставляли безопасность в её реалистическом представлении, впоследствии именуемую «жесткой». Именно характер исходящих от двух разновидностей безопасности угроз проводил разграничительную линию между двумя понятиями. Для примера, военная агрессия противопоставлялась экологической деградации и на основании этого строилось разделение, когда новое противопоставлялось старому, военное - невоенному. Однако, положение коренным образом изменили события 11 сентября 2001 года, поскольку ранее терроризм рассматривался именно в качестве «мягкой» угрозы безопасности. Тогда перед научным сообществом встала необходимость преодоления вновь возникшей условности в разграничении двух феноменов.

Дискурс академического сообщества не привёл к выработке единой позиции в отношении обозначенной проблемы, однако ряд отечественных исследователей смогли внести свою лепту, предоставив прогрессивную модель анализ угроз безопасности. Д.М. Гаспарян предложил рассматривать вызовы с позиции объекта, который подвергается опасному воздействию. Так, в случае возникновения «жесткой» угрозы безопасности её воздействие будет осуществляться по принципу «сверху-вниз», где первой инстанцией, урон которой будет нанесён, выступает само государство и его институты, а уже потом последствия спускаются на более низкие уровни, доходя до человека. В таком случае явным примером «жесткой» угрозы будет выступать любой акт военной агрессии государства против государства или же иного актора международной среды против государства: первостепенные повреждения будут нанесены государственным органам безопасности, а уже затем последствия столкновения ощутит на себе общество. «Мягкие» угрозы носят принципиально иной характер, воздействуя не на государство и его аппарат, а непосредственно на население. В данном случае важное значение принимает трансграничный характер «мягких» угроз безопасности, который фактически позволяет им преодолевать существующий барьер, выстраиваемую государством структуру безопасности. Исходя из подобной специфики «мягких» угроз к их числу можно отнести такие факторы как: экологические катастрофы, эпидемии, нехватку продовольственных и питьевых ресурсов, неконтролируемую миграцию и многие другие вызовы современности, первоначально угрожающие индивиду и его интересам, а уже потом сказывающиеся на региональной или даже международной стабильности. Из этого следует, что каждому государству свойственен

свой набор «мягких» угроз, поскольку важное значение приобретают региональные и внутригосударственные процессы, а также особенности географического расположения: не все государства, к примеру, находятся под угрозой ограниченности запасов пресной воды. Однако, как следует из обозначенной выше специфики, отличительной особенностью «мягкой безопасности» становится невоенный характер социально ориентированных угроз¹⁸⁰.

Не смотря на то, что ряд специалистов соглашаются с положением об «индивидуальности» «мягких» угроз, заявленном отечественным исследователем, другая часть научного сообщества всё же стремится конкретизировать и обобщить характерные безопасности данного типа вызовы. К примеру, М.А. Горный, обобщая проделанную работу, предоставляет следующий перечень вызовов «мягкой безопасности»: лингвистическая, экономическая, общественная, экологическая, культурная и человеческая угрозы¹⁸¹. Тем ни менее, с приведённой позицией можно отчасти не согласиться, поскольку неучтённой остаётся киберугроза, целиком и полностью подпадающая под описание «мягкой».

С тем фактом, что «мягкие» угрозы являются неотъемлемой частью злободневной действительности сложно не согласиться, особенно учитывая что определённые меры в направлении противодействия угрозам подобного характера уже принимаются на различных уровнях, как в отдельных государствах, так и в межгосударственных образованиях. ЕС, к примеру, в последние годы всё большее внимание концентрирует на реализации доктрины «устойчивого развития», в рамках которой решает вопросы миграции, экологии, энергетической безопасности, гуманитарной помощи¹⁸². В частности, Европейский союз предпринимает шаги к созданию собственной системы кибербезопасности¹⁸³. Подвижки в данном направлении заметны и со стороны Организации Североатлантического договора, которая не только на нормативно-правовом уровне обозначила стремление обеспечить стабильность и надёжность кибернетической среды, но и уже предприняла конкретные шаги к достижению данной цели, которые вылились в создание центра киберопераций¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Гаспарян Д.М. Мягкая безопасность Закавказья в контексте мировой политики / Гаспарян Д.М. - СПб., 2009. - 216 с.

¹⁸¹ Горный М.А. Мягкая безопасность - балтийское измерение / Горный М.А. // Публичная политика - 2004. Сборник статей. / Под редакцией А.Ю.Сунгурова. - СПб: Норма, 2004. - С.19-31

¹⁸² Ананьев А.В., Ананьева Е.В. «Мягкая» безопасность становится жестче / Ананьев А.В., Ананьева Е.В. // Международная жизнь. - 2009. №4. - С.105-107

¹⁸³ EU Cyber Security Strategy – An Open, Safe and Secure Cyberspace от 07 февраля 2013 г.

¹⁸⁴ РИАНовости: НАТО одобрит создание центра киберопераций Альянса / РИАНовости - 2018.- URL: <https://ria.ru/20180710/1524312739.html> (Дата обращения: 22.04.2019)

Для Российской Федерации «мягкие» угрозы также стали определённого рода вызовом. Вопросы миграции, распространения эпидемии СПИДа, локальных стихийных бедствий вот лишь часть «мягких» обстоятельств, ставящих под угрозу национальную безопасность России. Однако, последние несколько лет продемонстрировали, что куда большую озабоченность вызывают вопросы обеспечения кибербезопасности страны. Чего только стоит инцидент, произошедший в мае 2017 года, когда в сети был обнаружен компьютерный вирус WannaCry, по всему миру атаковавший государственную и частную киберинфраструктуру. Лишь в первые дни активности вредоносной программы пострадало более 57,000 электронных систем, а в Российской Федерации наибольший урон был нанесён крупным государственным корпорациям, таким как Мегафон, РЖД и «Сбербанк», а также государственным институтам МЧС, МВД и министерства здравоохранения¹⁸⁵.

В завершении хотелось бы отметить, что некоторые исследователи также связывают специфику «мягкой безопасности» с категорией «мягкой силы», обозначенной Б.Бузаном¹⁸⁶. В данном отношении предполагается, что грамотная политика государства, проводимая в области «мягкой безопасности» и направленная на защиту интересов и потребностей общества, способна в выгодном свете представить государство перед его соседями, снизив опасения в отношении данной страны, а соответственно частично десекуритизировав её в лице мировой общественности¹⁸⁷. Однако, подобное трактование несколько отходит от общепринятого описания феномена «мягкой безопасности», а потому пока остаётся малоизученным фактом.

Таким образом, завершая рассмотрение «мягких» угроз безопасности в качестве неотъемлемой составляющей и характерной особенности современного мира, следует заключить, что феномен «мягкой безопасности», как и собственно «мягкие» угрозы, являются довольно глубоко изученными академическим сообществом явлениями. Их специфическая особенность заключается в преобладании невоенных механизмов в международной среде, а также в социальной направленности угроз современного типа. На разных уровнях, как в рамках отдельного государства, так и в международных организациях, можно обнаружить процессы реализации теоретических разработок на практике: всё большее

¹⁸⁵ Русское Агентство Новостей: Вирус WannaCry атаковал Минздрав, МЧС, МВД, РЖД, «Сбербанк» и «Мегафон» / Русское Агентство Новостей - 2019. - URL: новости-россии.ru-an.info/новости/вирус-wanna-cry-атаковал-минздрав-мчс-мвд-ржд-сбербанк-и-мегафон/ (Дата обращения: 01.05.2019)

¹⁸⁶ Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / Buzan B. - ECPR Press, 2007. - 318 p.

¹⁸⁷ Горный М.А. Мягкая безопасность - балтийское измерение / Горный М.А. // Публичная политика - 2004. Сборник статей. / Под редакцией А.Ю.Сунгурова. - СПб: Норма, 2004. - С.19-31

число акторов международных отношений воплощает программы, призванные противодействовать «мягким» угрозам безопасности. Однако, также наблюдается и отставание мирового сообщества по ряду направлений «мягкой безопасности». Связана подобная тенденция с обозначенным ранее фактором международной среды - технологическим прогрессом, на регулярной основе добавляющим в перечень «мягких» вызовов всё более и более серьёзные угрозы. Последним из таковых стал фактор наличия угроз кибербезопасности, уже ни раз продемонстрировавший, что не только война может иметь пагубные последствия для мировой общественности, но и инциденты в киберсреде могут приводить к дестабилизации обстановки в отдельном государстве, регионе или вовсе на мировой арене.

Асимметричность вызовов нового поколения

Помимо расширения феномена безопасности в XXI веке за счёт включения в перечень угрожающих ему факторов «мягких» угроз, изменяется, а точнее усложняется, и характер вызовов нового поколения. Как уже ни раз отмечалось, силовой, военной, фактор в международных отношениях более не играет той роли, которая отводилась ему до распада биполярной системы, а потому государства, будучи наиболее подготовленными к ведению боевых действий, вооружены последним поколением боевой техники, а также обладая наиболее могущественной и масштабной армией, всё же не в состоянии гарантировать себе и своему населению абсолютную защиту. Причиной тому не в последнюю очередь приводят фактор асимметричности вызовов нового поколения.

Феномену асимметричной угрозы и асимметричного конфликта в современном мире уделяло и уделяет внимание большое количество как отечественных, так и зарубежных исследователей. Особое место среди них занимают работы Дериглазовой Л.В., Арона Р., Макка А., Мюнклера Х., Киссинджера Г.. Также на описание проблематики оказали влияние и многие другие исследователи феноменов войны, безопасности и международных отношений.

Возникновение понятия «асимметричный» в качестве отдельной характеристики в проблематике безопасности связывают с обилием вооружённых конфликтов второй половины XX века, имевших место в странах третьего мира, где своего рода фиаско потерпели более развитые государства, обладавшие значительным преимуществом в подготовке и обеспечении собственной армии. Тогда, на удивление международной общественности и научного сообщества, мир продемонстрировал весьма необычную

тенденцию: государства, признававшие себя слабой стороной столкновения, нередко брали верх над доминировавшими по всем направлениям противниками. Ярким тому подтверждением может послужить война во Вьетнаме, приводимая некоторыми исследователями в качестве классического образца асимметричной войны¹⁸⁸. Однако, наибольшую популярность термин приобрёл именно после распада биполярной системы, когда он не только вошёл в общенаучный дискурс, но и качественно преобразовался.

Отличительной чертой «асимметричности» угрозы стали выделять различия между её источником и направлением воздействия: угроза подобного характера всегда исходит от более слабого актора в направлении более сильного противника. При этом слабость определялась отставанием в экономическом, ресурсном, и военном плане, что тем ни менее не снижало масштабов наносимого противной стороне урона. Тем ни менее, подобная характеристика асимметричных угроз безопасности является весьма ограниченной и не учитывает ряд особенностей угроз подобного характера. Более комплексный подход в данном направлении был предоставлен российским специалистом Дериглазовой Л.В., которая, обобщая и систематизируя достижения мирового академического сообщества, выделила пять характерных особенностей явления асимметричности в проблематике безопасности:

- 1) «Непредсказуемость исхода при явной несоразмерности силовых возможностей и статусов противоборствующих сторон»;
- 2) «Стратегия поиска «слабостей сильного» как способа борьбы слабого»;
- 3) «Обращение слабой стороны к запрещенным средствам ведения военных действий»;
- 4) «Тактика «непрямых» военных действий, осуществляемых слабой стороной»;
- 5) «Неспособность сильной стороны надёжно защитить себя и добиться убедительной победы над слабым противником»¹⁸⁹.

Таким образом, к числу угроз асимметричного характера ещё в начале столетия относили партизанскую борьбу входе конфликта, а также опасность нахождения и применения злонамеренными акторами международной среды оружия массового поражения. Описывая первую из обозначенных угроз, можно привести пример того же конфликта в Ираке 2003 года: более сильная сторона, в лице коалиции, не смогла добиться успеха в короткие сроки, тогда у слабой стороны появлялась возможность взять противника «измором» за счёт как раз таки партизанской деятельности. Существенный вклад в

¹⁸⁸ Brongers K. A more satisfying view on why big nations lose small wars. The decisive elements for asymmetric conflict outcome / Brongers K. - MA: International Relations, 2017. - 54 p.

¹⁸⁹ Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2007. №1. - С.123-129

понимание причин поражения сильных в противоборстве со слабыми и эффективности ассиметричных угроз внесли упомянутые ранее Э. Макк и Р. Арон. Макк в своих исследованиях обращает внимание на то, что подобное стечение обстоятельств стало возможным благодаря такой особенности проведения военной операции, как поддержка со стороны общественности: по аналогии с Вьетнамом, тактика «измора» в данном случае выступила основной причиной того, что у коалиции, возглавляемой США, более не было мотивации к продолжению противоборства, а точнее обоснования его легитимности¹⁹⁰. В свою очередь Р. Арон также указал на тот фактор, что в случае применения тактики «измора» более сильная сторона рано или поздно может достигнуть состояния, при котором затраты на обеспечение конфронтации превысят предполагаемые выгоды¹⁹¹. Заключительную лепту в отношении партизанской борьбы в качестве асимметричной угрозы безопасности внёс Г. Киссинджер, подчеркнувший важность грамотного выбора тактики ведения асимметричного боя: «партизаны выигрывают до тех пор, пока не проигрывают; регулярная армия терпит поражение, если ей не удастся одержать решающую победу»¹⁹².

Что же касается второй разновидности «асимметричных» угроз, то данную проблему на рубеже веков обозначил американский политик У. Коэн, занимавший пост министра обороны страны, который указал на наличие «парадокса супердержавы» в современной действительности. Под подобной формулировкой министр подразумевал ситуацию, при которой ни одно государство не способно более напрямую угрожать Соединённым Штатам Америки, ввиду их доминирующего статуса на мировой арене, однако, настороженность вызывает вероятность косвенного воздействия на безопасность США, как раз за счёт применения оружия массового поражения. Действительно, прямая угроза столь могущественной державе не смогла бы возыметь должного эффекта, поскольку победителем в симметричной борьбе в подавляющем большинстве случаев становятся именно более подготовленная и сильная сторона. В случае фактора наличия оружия массового уничтожения, у слабой стороны возникает определённое преимущество, механизм давления на оппонента, который обычно именуется шантажом. Именно фактор шантажа зачастую также относят к неотъемлемой характеристике асимметричных угроз¹⁹³.

¹⁹⁰ Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict / Mack A. // World Politics. - 1975. Vol.27. №2. P.175-200

¹⁹¹ Арон Р. Мир и война между народами / Арон Р. - М.: NOTA BENE, 2000. - 880 с.

¹⁹² Kissinger H. Diplomacy / Kissinger H. - N.Y.: A Touchstone Book, 1995. - 912 p.

¹⁹³ Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2007. №1. - С.123-129

Тем ни менее угрозы военного характера с наступлением XXI века отошли на второй план, однако, асимметричность отразилась на новоявленных вызовах безопасности. К их числу, в первую очередь, можно отнести феномен терроризма, который после событий 11 сентября 2001 года стали активно включать в перечень асимметричных вызовов безопасности¹⁹⁴. Более того, некоторые исследователи указывают на то, что терроризм фактически стал эволюционировавшей версией партизанской борьбы, сохранив от последней основополагающую характеристику стремления противостоять более сильному противнику, однако, устранив существенный недостаток предыдущего явления - высокую зависимость от наличия какой-либо армии и имеющихся механизмов воздействия. Фактически, терроризм предоставил возможность перейти от оборонительного асимметричного ответа к наступательным действиям, используя при этом инфраструктуру противника в личных целях¹⁹⁵.

В обозначенных выше угрозах чётко прослеживается соответствие приведённым Дериглазовой Л.В. чертам асимметричности. Однако, на них число подобных вызовов современности не ограничивается. Отдельное внимание исследователей привлекает киберугроза, феномен, возникший на стыке тысячелетий и в XXI веке приобретший новые масштабы. Фактически с момента своего возникновения фактор киберугрозы стали относить к числу асимметричных вызовов и с данной позицией сложно не согласиться. Прежде всего, механизм воздействия через киберпространство оставляет за собой фактор легко прослеживаемый фактор непредсказуемости. Как отмечал Р. Ворли, основная суть данной характеристики содержится в сложности установления вероятного агрессора, условий и времени нанесения удара, а также в сложности определения конечной цели агрессии¹⁹⁶. Данные черты целиком и полностью относятся к рассматриваемому явлению, поскольку события в киберпространстве в подавляющем большинстве случаев имеют моментальные последствия, а потому сложно заранее установить по какому объекту киберинфраструктуры будет нанесён удар, а также откуда он последует. Плюс ко всему киберинфраструктура также как и в целом современный мир наделена такой чертой как взаимосвязи и взаимозависимость элементов, исходя из которой практически невозможно предсказать реальных последствий атаки в киберпространстве, поскольку, к примеру, вирус, появившись в сети,

¹⁹⁴ Судаков С.С. Асимметричные угрозы «американской исключительности» сквозь призму реализма и прагматизма / Судаков С.С. // Государственное управление. - 2015. №49. - С.163-176

¹⁹⁵ Мюнклер Х. Терроризм сегодня. Война становится асимметричной / Мюнклер Х. // International Politic. - 2004. №1. С.36-41

¹⁹⁶ Worley R. Asymmetry and adaptive command / Worley R. // Military Review. - 2001. Vol.81. - P.38-44

распространяется предельно быстро и обширно, дестабилизируя тем самым работоспособность не только в области нанесения удара. Упомянутые ранее последствия активизации вируса «WannaCry» могут послужить ярким тому подтверждением¹⁹⁷¹⁹⁸. Помимо того, можно с уверенностью говорить, что киберпространство в большинстве государств мира является уязвимой частью национальной системы безопасности, поскольку обеспечение его неприкосновенности является весьма ресурсозатратным и сложным мероприятием. Даже Соединённые Штаты, обладая передовой технологической базой не смогли защититься от событий президентской предвыборной гонки 2016 года, когда от атаки хакеров пострадал штаб Хиллари Клинтон, а также непосредственно Демократическая партия, конфиденциальные сведения которой были похищены и опубликованы в сети интернет¹⁹⁹²⁰⁰. Можно продолжать поэтапное рассмотрение фактора киберугроз в его сравнении с критериями асимметричных вызовов, впрочем, они также не вызывают ни малейшего сомнения, а потому можно с уверенностью говорить, что с формированием киберпространства и значительным повышением интеграции человека в киберсреду, возник дополнительный асимметричный вызов феномену безопасности, которым стала киберугроза²⁰¹.

Подводя итог проведённому анализу специфики асимметричных угроз в современном мире, можно заключить, что в узком понимании угрозы подобного характера представляют из себя опасность, исходящую от менее развитых акторов международной среды, которые за счёт использования эффективных механизмов пагубного воздействия стремятся реализовать собственные интересы, успешно влияя на более сильного оппонента. При этом важной особенностью асимметричных вызовов является то, что они весьма сложно поддаются прогнозированию, а потому представляют серьёзную опасность феномену безопасности в наши дни. Государства, несомненно, стремятся снизить эффект от присутствия подобного рода угроз, однако, до сих пор не выявлено единого подхода, способного в полной мере

¹⁹⁷ Русское Агентство Новостей: Вирус WannaCry атаковал Минздрав, МЧС, МВД, РЖД, «Сбербанк» и «Мегафон» / Русское Агентство Новостей - 2019. - URL: новости-россии.ru-an.info/новости/вирус-wanna-cry-атаковал-минздрав-мчс-мвд-ржд-сбербанк-и-мегафон/ (Дата обращения: 01.05.2019)

¹⁹⁸ Wylsa: Что известно про вирус WannaCry и как не попасть? / Wylsa - 2019. - URL: <https://wylsa.com/wannacry-virus/> (Дата обращения: 01.05.2019)

¹⁹⁹ BBC: «Российский след» на выборах президента США: так были ли хакеры? / BBC – 2016. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38205035> (Дата обращения: 23.04.2019)

²⁰⁰ BBC: Во взломе сервера Демократической партии США сознался хакер-одиночки / BBC - 2016. - URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160616_hackers_usa_democratic_party (Дата обращения: 27.04.2019)

²⁰¹ Дериглазова Л.В. Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания «холодной войны» / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2005. №1. - С.56-61

гарантировать безопасность человека, общества и государства. Впрочем, можно выделить определённые шаги в данном направлении, положительный эффект которых отмечают эксперты. Общий курс человечества в данном случае предполагает ограничение использования фактора силы, невмешательство во внутренние дела развивающихся государств, а также сосредоточение на невоенных способах реализации национальных интересов²⁰². Помимо того, некоторые исследователи также указывают на необходимость создания прогрессивной международной системы, основанной на общих ценностях и интересах, что привело бы к добровольному соблюдению установленных порядков²⁰³.

Гибридность угроз настоящего

Тенденция к отказу государств от прямого военного воздействия на предполагаемого противника в современном мире является нормой: об этом свидетельствует описанная ранее специфика международной среды. Тем ни менее, данный факт не означает, что государства и другие акторы международных отношений более не заинтересованы в достижении собственных интересов за рубежом, тех интересов, которые прежде реализовывались исключительно силовыми методами. Война, как механизм достижения поставленной цели, никуда не испарилась, а лишь эволюционировала вместе с международной средой, приобретая принципиально отличные от себя прежней черты. Конфликт более не является исключительно милитаризованным феноменом, помимо привычных военных он включает в себя ряд других методов воздействия. Так появилось понятие гибридной войны и гибридных угроз безопасности. Исходя из обозначенной ранее тенденции, основу данного феномена составил комплекс невоенных механизмов воздействия на предполагаемого противника, к числу которых стали относить противоборство сразу в нескольких областях: дипломатическая и информационная борьба, идеологическое и экономическое воздействие, политический нажим - все обозначенные механизмы стали неотъемлемой составляющей успешного гибридного конфликта²⁰⁴. Более того, к механизмам гибридных противостояний

²⁰² Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления / Кременюк В.А. // Международные процессы. - 2003. №1. С.63-73

²⁰³ Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2007. №1. - С.123-129

²⁰⁴ Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. Гибридные войны: сущность, черты и угрозы / Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы - 2017: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 октября 2017 г., Новосибирск) / Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; ред. С.А. Куценко - Новосиб., 2017. - С.202-213

также нередко относят и военные операции, однако, данный факт связан с различиями в трактовании феномена «гибридной войны»²⁰⁵.

Первое упоминание об использовании подобного рода механизмов ведения противоборства связывают ещё со временами отравления источников питьевой воды в далёком прошлом и с этим сложно не согласиться, ведь подобный механизм действительно можно расценивать как альтернативный способ эффективного воздействия на противника в ходе боя. Однако, как установили сотрудники института изучения вопросов безопасности Европейского Союза, в современном проявлении, с включением достижений технологического прогресса в арсенал гибридных механизмов, феномен впервые проявился себя в боевых действиях в Афганистане, где механизмы и тактики гибридного воздействия были использованы как со стороны СССР, так и со стороны США²⁰⁶.

Тогда же и было показано, что особое значение для обозначенного фактора гибридных угроз приобретают внутригосударственные процессы. Как и асимметричные угрозы²⁰⁷, гибридные стремятся воздействовать на слабые стороны оппонента, прибегая при этом не только ко внешнему воздействию, но и стараясь дестабилизировать обстановку изнутри. При этом ряд экспертов указывают на использование в этих целях прямого или скрытного воздействия на население, призванного породить общественное волнение, дискредитировать действующие органы власти и в конечном счёте склонить оппонента к «самоликвидации»²⁰⁸. Подобный характер обозначенного вызова достигается за счёт выбора средств оказания воздействия, к которым, к примеру, всё чаще относят финансовую и материальную поддержку оппозиционных движений, антиправительственных группировок²⁰⁹. Помимо указанных нетрадиционных средств оказания гибридного воздействия невоенными механизмами поддержания дестабилизирующих внутригосударственных процессов, в качестве отличительных характеристик гибридных угроз также выделяют беспорядочность и непрогнозируемость воздействия, которые достигаются привлечением комплексного набора

²⁰⁵ Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars / Hoffman F. - VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. - 72 p.

²⁰⁶ Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian / Popescu N. // EU Institute for Security Studies. - 2015. №4. - P.1-2

²⁰⁷ Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.

²⁰⁸ Киселев В.А., Воробьев И.Н. Гибридные операции как новый вид военного противоборства / Киселев В.А., Воробьев И.Н. // Военная мысль. - 2015. №5. - С.41-48.

²⁰⁹ Бартош А.А. Гибридные войны будущего - прогнозирование и планирование / Бартош А.А. - Независимое военное обозрение. - 2014. - URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (Дата обращения: 23.04.2019)

механизмов воздействия, а также большого числа акторов, на которых возлагается миссия по реализации. При этом задействуются не только собственные институты, в виде средств разведывательных служб и органов безопасности, но и привлекаются сторонние акторы, такие как обозначенные прежде оппозиционные и антиправительственные группировки, а также иные формирования зачастую иррегулярного характера. Терроризм, киберугрозы, психологическое воздействие и информационное подавление также становятся непосредственными механизмами гибридного воздействия²¹⁰²¹¹. Все обозначенные явления обладают общими характеристиками асимметричности, позволяющими им эффективно воздействовать даже на наиболее защищённого оппонента, а потому делающими гибридные угрозы одним из основных вызовов современности.

Отдельного внимания заслуживают такие механизмы направленного воздействия как киберугрозы и терроризм. Оба отмеченных явления с начала текущего столетия принято относить к числу инструментов, применяемых для оказания гибридного воздействия. В случае терроризма данный факт предельно просто обосновать: ни для кого не является секретом, что террористические образования, вроде Аль-Каиды, на начальном этапе своего становления зачастую формировались благодаря финансовым вложениям внешних сил²¹². Рассматривая упомянутый ранее конфликт в Афганистане можно отметить, что именно там наиболее ярко прослеживается использование терроризма в качестве составной части гибридного воздействия, когда Центральное разведывательное управление США фактически спонсировало деятельность террористических образований на территории Афганистана, которые впоследствии образовали широко известную группировку Аль-Каида²¹³. Схожий по событиям сценарий прослеживается при рассмотрении конфликта в Сирии и роли ИГИЛ в обозначенных событиях, что указывает на особую заинтересованность государств в терроризме, как в собственном рычаге воздействия на региональные и мировые процессы.

²¹⁰ Bachmann S.D., Gunneriusson H. Hybrid wars: The 21st century's new threats to global peace and security / Bachmann S.D., Gunneriusson H. // *Scientia Militaria: South African j. of military studies*. - 2015. Vol.43. №1. P.77-98.

²¹¹ Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. Гибридные войны: сущность, черты и угрозы / Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы - 2017: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 октября 2017 г., Новосибирск) / Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; ред. С.А. Куценко - Новосиб., 2017. - С.202-213

²¹² Гаджиев К.С. «Гибридные войны» в современном мире / Гаджиев К.С. // *Власть*. - 2016. №10. С.218-223

²¹³ The Guardian: Frankenstein the CIA created / The Guardian - 1999. - URL: <https://www.theguardian.com/world/1999/jan/17/yemen.islam> (Дата обращения: 25.04.2019)

Что же касается киберугроз, то за примерами их привлечения в качестве механизмов гибридного воздействия далеко ходить не нужно и достаточно обратить взор на события украинского кризиса 2013 - 2014 годов. Тогда был продемонстрирован негативный эффект одного из основных вызовов кибербезопасности наших дней - эффект распространения заведомо ложной информации, способной повлиять на внутригосударственную и даже внутрирегиональную стабильность. Его содержание, в период обозначенного кризиса, состояло в стремлении создать негативный образ Российской Федерации среди населения страны путём распространения агитационных и пропагандистских материалов в сети интернет²¹⁴. Впрочем, стоит также отметить, что киберугрозы как фактор воздействия обладают куда большим деструктивным потенциалом нежели то продемонстрировали события в Украине, а также куда большим набором «инструментов» пагубного воздействия. Данный факт свидетельствует о том, что в перспективе механизмы кибернетического воздействия в ходе гибридного противостояния будут занимать куда более весомую позицию, нанося противной стороне непоправимый урон сразу в нескольких областях.

Обозначенные обстоятельства также наглядно демонстрируют присущую как асимметричным, так и гибридным угрозам специфику: непредсказуемость масштаба последствий, которая была лишним раз продемонстрирована на примере Аль-Каиды и войны в Афганистане, а также на примере компьютерного вируса «WannaCry».

Из обозначенных выше свойств гибридных угроз следует, что в современном мире существует высокая опасность применения гибридных средств поражения в отношении любого, даже наиболее могущественного противника. Данный факт указывает на наличие определённой асимметричности в факторе гибридных угроз, делая их весьма опасным вызовом XXI века. Оказанное процессами технологического прогресса воздействие предоставило акторам международной среды новые механизмы пагубного влияния, сместив привычное межгосударственное противостояние в категорию внутренних угроз безопасности и гибридные угрозы выступают ярким тому подтверждением. Обозначенный прежде не прямой, скрытый характер гибридного воздействия в значительной степени снижает риски для агрессора, который в случае неудачного исхода компании не может быть

²¹⁴ Александров А.В. Информационное сопровождение деятельности вооружённых сил в современных конфликтах / Александров А.В. // Власть. - 2014. №6. - С.35-39

обоснованно и напрямую связан с событиями, а может и вовсе остаётся вне подозрения²¹⁵. Подобная характеристика рассматриваемых угроз делает их наиболее привлекательными в современных реалиях для злонамеренных акторов, поскольку практически гарантирует невозможность оказания симметричного ответа агрессии.

Комплексных характер современных угроз

Продолжая рассмотрение специфических особенностей актуальных угроз безопасности, нельзя не отметить комплексный характер вызовов современности. Прежде ни раз отмечалось, что угрозы военного характера более не являются доминирующими при рассмотрении феномена безопасности: существенные изменения международной среды поставили перед человечеством ряд новых глобальных вызовов, негативный эффект от которых более не сводится в факторы военной угрозы. В то же время процессы глобализации во взаимодействии с технологическим прогрессом, как это было отмечено прежде, привели современный мир в эпоху «всеобщей взаимозависимости». Подобные изменения не могли ни отразиться и на характере угроз безопасности человека и общества, а потому современные вызовы помимо рассмотренных ранее характеристик приобрели и черту комплексного характера, которая отражается во взаимозависимости, а также взаимосвязи негативных явлений. Проявление одного пагубного феномена нередко влечёт за собой эффект домино, приводя к целой цепочке опасных для жизни и здоровья человека последствий, в том числе активизируя ряд других угроз человеческой безопасности.

Наиболее ярко подобная специфика совокупного воздействия на безопасность проявляется при рассмотрении угроз природных бедствий. Связан подобный факт с существенным расширением и усложнением общественной инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность населения, сохранение которой в исходном виде в результате воздействия природного катаклизма фактически невозможно. Вызванные данным феноменом последствия зачастую приводят не только к гибели большого количества граждан, но и вызывают существенные экономические потрясения, связанные не только с необходимостью реорганизации и восстановления инфраструктуры, но и к с существенными потерями в случае повреждения значимых объектов торгового сообщения: портов,

²¹⁵ Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. Гибридные войны: сущность, черты и угрозы / Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы - 2017: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 октября 2017 г., Новосибирск) / Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; ред. С.А. Куценко - Новосиб., 2017. - С.202-213

аэропортов и так далее²¹⁶. Наиболее важно в данном случае то, что обозначенная угроза природных бедствий также тесно связана с проблемой техногенных катастроф, а потому может наблюдаться губительная тенденция, когда одно природные катаклизмы приводят к авариям на крупных технических объектах инфраструктуры и наоборот²¹⁷.

Многие исследователи также относят проблему деградации окружающей среды в число комплексных угроз. С этим утверждением трудно поспорить: экологические проблемы наших дней включают в себя целый ряд процессов, приведший окружающую среду к кризисному во всех пониманиях состоянию. Загрязнение почвы и океанов, сокращение запасов пресной воды, засорение атмосферы и космического пространства, чрезмерное расходование невозполнимых ресурсов и многие другие обстоятельства ведут к существенным повреждениям природы Земли, а также вызывают ряд губительных для человека последствий, приводящих к голоду, нехватке запасов питьевой воды, к изменению климата, кислородному голоданию и многим другим негативным последствиям. Наиболее важно в данном случае то, что обозначенные процессы взаимосвязаны, а потому их последствия редко выражаются в каком-то конкретном пагубном эффекте, а скорее приносят целый комплекс новых вызовов для человека и общества²¹⁸.

Даже учитывая, что угрозы военного характера в наши дни отошли на второй план, сам по себе фактор войны в современном мире также приобретает характер комплексного вызова. Объясняется данный факт довольно простой и логичной цепочкой событий, которые выступают неотъемлемым атрибутом войны и боевых действий. Речь, конечно же, идёт о последствиях вооружённых столкновений. Современные технологии, орудия последнего поколения, поражающий фактор которых многократно возрос даже в сравнении с вооружениями десятилетней давности, а также фактор оружия массового поражения, будь то ядерное, химическое или биологическое, - все упомянутые механизмы, применение которых становится возможным в случае развязывания крупномасштабного вооружённого конфликта, ставят под угрозу не только благополучие отдельного государства или группы, но зачастую угрожает целым регионам или даже всему мировому сообществу. Тотальное разрушение жизненно важных объектов инфраструктуры, разрушение транспортной системы и объектов

²¹⁶ Доленина О.Е., Рябова Е.В. Экономические последствия экологических и техногенных катастроф на примере Европы / Доленина О.Е., Рябова Е.В. // Вестник ТГУ. - 2013. №2. - С.587-591

²¹⁷ Воробьёв Ю.Л. Проблемы комплексной безопасности в XXI века / Воробьёв Ю.Л. // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. - 2013. №1. - С.173-179

²¹⁸ Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В. Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.

коммуникаций, человеческие потери среди военнослужащих и гражданского населения, а также многие многие другие последствия от воздействия современных образцов вооружения. При этом не всегда последствия от самих боевых действий и применения оружия наносят основной урон обществу и государству - куда большие потери составляют вызванные данным фактором социальные проблемы, связанные с крахом социально-общественной инфраструктуры, экологические проблемы - в виде загрязнения источников пресной воды, нанесение ущерба биосфере, экономические проблемы, связанные с крахом национальных рынков и приводящие государство и общество в запустение, проблемы демографии - снижение показателей рождаемости, сильный упадок индекса работоспособного населения и многие другие негативные последствия войны в современном мире. При этом все обозначенные последствия в отличие от простого факта использования вооружений имеют долговременный характер, а потому урегулирование результатов боевых действий и вовсе нередко становится практически невыполнимой или же труднодостижимой задачей, требующей больших финансовых, ресурсных и временных затрат²¹⁹.

Отдельного внимания заслуживает упомянутая ранее вероятность возникновения техногенных катастроф, однако, в этом случае в следствии повреждения крупных технических объектов, к примеру, предприятий ядерного комплекса. В подобном случае запускается отдельная цепочка последствий, проявляющаяся в возникновении природных бедствий, инициации новых людских потерь, существенном ущербе экологии. В следствии описанный комплекс может привести к возникновению новых угроз безопасности человека и общества и именно данный факт взаимосвязи и взаимозависимости процессов позволяет говорить о комплексности вызовов современности.

Безусловно, на перечисленных выше угрозах примеры комплексного характера современных вызовов безопасности не заканчиваются: чего стоит один только фактор киберугрозы, который за счёт глобальных процессов технологической революции и глубокой интеграции общества в киберсреду становится одним из наиболее крупных комплексных вызовов современности. В современном мире на кибернетическом пространстве завязано абсолютное большинство наиболее важных объектов государственной инфраструктуры, а потому возникновение явлений деструктивного характера в сети всегда угрожает безопасности человека и общества. Взять, к примеру, объекты энергетической инфраструктуры страны: выше были отмечены вероятные последствия возникновения

²¹⁹ Воробьёв Ю.Л. Проблемы комплексной безопасности в XXI века / Воробьёв Ю.Л. // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. - 2013. №1. - С.173-179

техногенных катастроф в случае повреждения критических объектов технического характера. К числу подобного рода объектов относятся и атомные электростанции. Последствия выхода из строя ядерного реактора были наглядно продемонстрированы историей на примерах Чернобыльской АС и АС «Фукусима-1». Киберугрозы в данном случае способны воспроизвести подобный эффект за счёт удалённого нарушения работы элементов АЭС и подобные попытки уже предпринимались со стороны злонамеренных акторов. В 2016 году глава МАГАТЭ заявил о результатах проведённого двухгодичного расследования инцидента на одной из атомных электростанций, где было выявлено, что в систему, управляющую функционированием станции, был удалённо помещён компьютерный вирус, что привело к серьёзным осложнениям в работе станции, однако, возникновение губительных последствий удалось предотвратить²²⁰. Таким образом, киберугроза, наравне с перечисленными ранее факторами, в полной мере обладает характеристикой комплексной угрозы современности, поскольку способна осуществить многофакторное воздействие на феномен безопасности в наши дни.

Список комплексных угроз можно продолжать до бесконечности, поскольку к их числу добавляется всё большее количество негативных факторов международной среды, которые благодаря высокой взаимозависимости явлений и акторов современного мира вызывают масштабные последствия для всего мирового сообщества. Однако, комплексность современных угроз может быть также рассмотрена и с другой стороны: подобный характер помимо прочего может крыться в размытие границ, определяющих категории современных угроз. Тесное сходство «мягких» и «жёстких» угроз, для примера, зачастую не позволяет с предельной точностью определить характер надвигающегося вызова. В то же время нет определённого различия между асимметричными и гибридными угрозами, поскольку зачастую обеими характеристиками получают наделены как «мягкие», так и «жёсткие» вызовы. Подобная тенденция в дальнейшем приводит к значительному усложнению и без того непростого процесса реагирования на возникновение пагубных факторов в международной и внутригосударственной среде. Также усложняется и определение для международных акторов механизмов противодействия, в особенности в отношении вопроса задействования силовых механизмов. Описанные особенности комплексности вызовов нового поколения, в конечном счёте, приводят не только к усложнению регулирования международной среды, но и повышают её конфликтность.

²²⁰ РИАНовости: Глава МАГАТЭ заявил о кибератаке на атомную электростанцию / РИАНовости - 2016. - URL: <https://ria.ru/20161010/1478903755.html> (Дата обращения: 25.04.2019)

Подводя общий итог главе, посвящённой рассмотрению эволюции международной среды, а также выделению характерных особенностей современных вызовов безопасности, можно заключить, что феномен безопасности XXI века в значительной степени отличается от того явления, которое наблюдалось в прошлом столетии. Прежде всего следует отметить, что тенденции глобализации и технологического прогресса, а также факт краха биполярной системы существенно отразились на характере связей в международной среде, приведя к изменению роли государства в системе международных отношений, а также к появлению большого числа самостоятельных международных акторов в лице транснациональных формирований, неправительственных бизнес структур, преступных и террористических организаций и даже частных лиц, а также множества других новоявленных субъектов международных отношений. Обозначенные явления технологического прогресса и глобализации также предоставили злонамеренным акторам новые механизмы пагубного воздействия на международную среду. В связи с этим существенно расширилось и само трактование понятия безопасность: в его структуру помимо традиционных военных характеристик были введены принципиально новые элементы в виде экономической, экологической, социальной, политической и других измерений безопасности, достижение которых мало того, что требовало отстраниться от традиционных механизмов в пользу невоенных средств, так и более того указывало на необходимость осуществления кооперации в международном сообществе с целью преодоления глобальных вызовов современности.

Отмеченные вызовы в свою очередь приобрели ряд отличительных характеристик, который стали: асимметричной, гибридность и комплексный характер. Помимо того, отдельную категорию современных вызовов безопасности сформировали «мягкие» угрозы, сущность которых заключается в социальной направленности исходящих от них вызовов, а также в их невоенном характере. Асимметричность же пагубных явлений современного мира состоит том, что они способны эффективно воздействовать даже на акторы международной среды, которые обладают внушительной армией и ресурсами, многократно превосходящими ресурсы агрессора. Данный факт лишний раз акцентирует внимание на сущности современного феномена безопасности, который более не концентрируется исключительно на вопросах военной подготовки, а требует куда более содержательного и комплексного подхода к выстраиванию обороны. Следующей характерной особенностью угроз современного типа была выделена их гибридность - характеристика, описывающая фактор оказания опосредованного, непрямого, и даже скрытного воздействия на предполагаемого противника невоенными механизмами. К числу данных механизмов исследователи проблематики в

первую очередь относят дипломатическую и информационную борьбу, идеологическое и экономическое воздействие, политический нажим и шантаж, подрывную деятельность за счёт привлечения террористических и иных группировок, кибератаки. Однако, не следует ограничиваться на перечисленных методах, поскольку оказание гибридного воздействия означает комплексное влияние на оппонента за счёт всех возможных и доступных невоенных средств внутренней дестабилизации. Последней из рассмотренных особенностей глобальных вызовов современности была обозначена их комплексность. Рассмотрение данной характеристики отбрасывает нас к части описания состояния международной среды наших дней, где подчёркивалась, что мир в его текущем положении вошёл в эпоху «всеобщей взаимозависимости». Данная черта отразилась и на характере современных вызовов безопасности, которые оказались не только связаны между собой, но и способны оказывать совокупное воздействие на человека, общество и государство, что в значительной степени повышает поражающий потенциал угроз современности. Более того, комплексный характер современных вызовов безопасности в значительной степени усложняет фактор эффективного реагирования: размываются границы между «мягкими» и «жёсткими» угрозами безопасности, из-за чего стирается и граница применения силы акторами международной среды, что делает саму среду куда более опасной и конфликтной. Наиболее примечательным фактом, выведенным в ходе исследования проблематики безопасности, стало заключение о том, что феномен киберугрозы фактически аккумулирует в себе все свойственные глобальным вызовам современности черты. Потому можно с уверенностью говорить, что именно вопросы кибербезопасности становятся приоритетной целью государств современного мира в обеспечении национальной безопасности и защите общества.

ГЛАВА 3. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сущность и доктринальные основы феномена кибербезопасности

Рассмотрев текущее состояние концепта «безопасности» в теории международных отношений, проанализировав эволюцию современной международной среды и её характерные особенности, обозначив характер угроз нового поколения, пришло время рассмотреть конкретный кейс проблематики безопасности наших дней. В качестве современного вызова безопасности государства и международной стабильности было принято решение взять феномен кибербезопасности и исходящие от него угрозы человеку и обществу. Объяснить подобный выбор довольно просто: на сегодняшний день кибербезопасность является достаточно слабо изученным феноменом, а на международной арене всё ещё отсутствует универсальный подход к построению системы кибербезопасности. Более того, обозначенный вызов аккумулирует в себе все особенности угроз безопасности современного типа, что было наглядно продемонстрировано в предыдущей главе, а потому преодоление опасностей новоявленной угрозы международного характера является не только принципиальной задачей отдельных государств, но и неотвратимым вызовом всему международному сообществу.

Платформой или же объектом, обеспечение кибербезопасности которого будет поставлено в виде приоритетной задачи исследования, становится Российская Федерация, актор международных отношений, находящийся на переднем эшелоне в обороны не только национального, но и международного киберпространства. Однако, прежде чем перейти к практической составляющей исследования, необходимо в отдельности рассмотреть сущность феномена кибербезопасности, определив при этом какие угрозы таит в себе киберпространство, а уже затем перейти к рассмотрению механизмов эффективной нейтрализации киберугроз Российской Федерации.

Формирование сети интернет как и появление иных прорывных технологий, будь то велосипед, автомобиль, поезд, радио- и телефонная связь, а также великое множество других изобретений, способствовало качественному преобразованию и повышению возможностей человека и общества, интенсифицировало прогресс. В то же время новые возможности неизменно провоцировали и появление новых вызовов человеку и его безопасности. Поэтому, вполне логично, что за становлением феномена киберпространства последовало и

зарождения явления кибербезопасности, выступившего ответной реакцией на качественное преобразование угроз безопасности и перемещение их в новую плоскость²²¹.

Несомненно, возникновение интернета как частного явления имело место не в 90-е годы XX века, когда сеть приобрела привычные нам характеристики, хоть пока и не в тех объёмах. В качестве исключительно военного инструмента интернет зародился на просторах Соединённых Штатов Америки в 60-е годы того же столетия и ещё весьма продолжительное время оставался недоступной для общества технологией. Правительственная поддержка проекта позволила вывести процесс моментальной передачи информации и данных на предельно длительное расстояние на качественно новый уровень²²². Дальнейшую судьбу феномена и его эволюцию в общедоступное достижение науки и техники прежде всего связывают с фактом передачи технологии академическому сообществу Европы на стыке тысячелетий, которое, в свою очередь, разглядело в военной разработке общественную пользу, а потому адаптировало сеть к использованию гражданским населением. Подобные обстоятельства не могли не отразиться на количестве пользователей сети, а потому их число критическим образом возросло с 20-ти тысяч человек в первой половине 90-х годов до миллиарда в начале 00-х²²³.

Структура сети расширялась день ото дня, приобретая не только новых пользователей, но и увеличивая свой функционал: передача информации перестаёт быть единственным атрибутом интернет пространства, а в функции сети вклиниваются и другие утилитарные особенности. Так, к примеру, общество приобретает возможность онлайн обработки, редактирования и хранения информации, также доступными становятся и многие другие виды активности в сети. Подобная эволюция приводит к существенному повышению интеграции бизнеса, политических институтов, а также социо-общественных структур в электронную сеть, а киберпространство окончательно приобретает свои современные черты. Обозначенные процессы приводят к возрастанию зависимости международных акторов и международной среды от кибернетического пространства, что выводит фактор вредоносного воздействия в сети в ранг угроз не только национального, но и международного масштаба.

Возросшая значимость безопасности инфраструктуры киберсети приводит мировое научно-академическое сообщество к острой необходимости выработки единых подходов к

²²¹ Gozzi R. A brief history of internet time / Gozzi R. // *Metaphors in action* - 2002. №1 - P.47-54

²²² Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. Institutional Cybersecurity from Military Perspective / Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. // *International Journal of Information Security Science*. - 2016. №1. - P.1-7.

²²³ Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Касенова М.Б., Демидов О.В. - М.: Статут, 2013. - 464 с.

трактованию феномена кибербезопасности, вызовов киберсреды, а также к необходимости расширения набора механизмов обеспечения национальной и международной безопасности. Однако, достижение поставленных экспертным сообществом целей оказалось несколько более сложной задачей, чем это предполагалось изначально: неоднородный характер киберсреды только усиливался. Обратная тенденция наблюдалась с трактованием информационного пространства, к которому относили комплекс информационных ресурсов, воздействующих на него факторов, дополняющих или же изменяющих массив данных, а также механизмы перемещения информации²²⁴. В свою очередь рассматриваемый феномен киберпространства в его трактовании требовал включения дополнительных элементов воздействия на обозначенный массив: человеческий фактор и технологическую базу²²⁵. Именно обозначенные характеристики осложняли процесс за счёт свойственных им черт непостоянства воздействия на киберсреду с одновременным повышением качества оказываемого влияния. Подобная обстановка привела к схожей с феноменом терроризма проблеме восприятия основного объекта исследования, который обладает чертами неоднородности, а также не может перманентно проявлять себя, что в итоге, как и в случае с терроризмом, привело к невозможности точного трактования феномена и к его заключению в определённые нормативно-правовые и научно-детерминиционные рамки.

Из отмеченного выше становится очевидно понятно, что мировому научно-исследовательскому сообществу так и не удалось выработать единую школу восприятия кибербезопасности. Однако, ряду экспертов всё же удалось продвинуться в столь непростом деле, что несомненно послужило толчком в понимании специфики феномена кибербезопасности, исходящих от него угроз, а также прогрессивно отразилось на практической составляющей обеспечения безопасности человека и общества. Так, для примера, отдельная трактовка феномена кибербезопасности была выведена в американских научных кругах, где понятие связывают с совокупностью действующих в киберпространстве институтов и акторов, а также принимаемых ими мер, направленных на обеспечение безопасности государственных информационных сетей, систем поддержания киберинфраструктуры, и на непосредственную защиту информации от воздействия

²²⁴ Марков А.С. Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 / Марков А.С., Цирлов В.Л. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С.28-35

²²⁵ Згоба А.И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения / Згоба А.И., Маркелов Д.В., Смирнов П.И. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №5. - С.30-38

предполагаемых киберугроз²²⁶. Безусловно, подобная трактовка в первую очередь сосредоточена на повышении уровня обороноспособности государства, а потому не удивительно, что она сыскала одобрения в кругах высшего военно-политического руководства страны. Одобрение выразилось в использовании схожих обозначений в американской нормативно-правовой базе, где, к примеру, приведённая позиция была отражена в Стратегии кибербезопасности США, подписание которой Министерством Обороны страны датируется апрелем 2015 года. Дополнительно стоит отметить, что в обозначенном документе отдельное внимание уделяется обороне киберинфраструктуры Министерства и других государственных институтов, вовлечённых в киберпространство, а также защите интересов общества в электронной среде²²⁷.

Отдельного внимания требует рассмотрение позиции академического сообщества европейской части света, в которой ярко выделяется подход М. Карамана, турецкого эксперта по вопросам безопасности, рассматривающего феномен, придавая ему ряд дополнительных черт. В частности, в своём труде о прогрессивном развитии институционального обеспечения безопасности в киберпространстве, автор делает акцент не только на необходимой защите существующих государственных институтов, вовлечённых в кибернетическое пространство, за счёт создания эффективной технологической базы защиты от киберугроз, но и указывает на необходимость создания дополнительных слоёв защиты, национальных институтов поддержания дееспособности среды. Подобная многоуровневость национальной безопасности должна исходить от самой сущности феномена кибербезопасности, которая, по мнению М. Карамана, содержится в комплексе принимаемых реакционных и превентивных мер защиты инфраструктуры и связанных с ней объектов от угроз киберсреды. К связным объектам киберинфраструктуры эксперт в первую очередь относит человека и его персональную безопасность²²⁸.

Если же говорить о целостном представлении позиций академического сообщества Европы, то следует заключить, что феномен в обозначенном регионе воспринимается с позиций концепции «soft security»²²⁹, постулаты которой подразумевают организацию

²²⁶ Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX - начало XXI века) / Бухарин В.В. // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2016. №20. - С.101-108

²²⁷ The US Department of Defense Cyber Strategy от 17 апреля 2015 года

²²⁸ Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. Institutional Cybersecurity from Military Perspective / Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. // International Journal of Information Security Science. - 2016. №1. - P.1-7.

²²⁹ Rohrig W. Cyber Security and Cyber Defense in the European Union / Rohrig W. // Cyber Security Review - 2014. №2 - P.7-16

«ненавязчивых» мер предупреждения возникновения угроз киберсреде за счёт отстранения вероятных пагубных субъектов, способных дестабилизировать киберинфраструктуру. Подобное положение указывает на неотъемлемую составляющую кибербезопасности в современном мире, а именно человека, который одновременно выступает и объектом безопасности, и угрожающим фактором. Отличную от указанной позицию занимают сподвижники политики «hard power», лидером в продвижении которой на сегодняшний день выступает Организация Североатлантического договора, более известная как НАТО.

Выступая единым фронтом, единым субъектом кибербезопасности, Организация начала активную стадию разработки собственных механизмов обеспечения кибербезопасности в январе 2008 года с принятием собственной Стратегии по киберобороне, которая выступила реакцией на инцидент в Эстонской Республике, где киберудару подверглась большая часть правительственных институтов и учреждений²³⁰. В обозначенном документе была нормативно зафиксирована позиция Альянса в отношении феномена кибербезопасности, который был трактован как комплекс принимаемых военно-политическим руководством стран НАТО, а также мировым сообществом мероприятий по обеспечению безопасности государственных, частных и общественных кибернетических сетей и систем обеспечения их функционирования, информации в её наиболее широком смысле, на равне с развитием механизмов противодействия угрозам киберсреды²³¹. Определяющее значение в обозначенном документе отводится построению прогрессивной системы регулирования киберсреды, способной заблаговременно выявлять и устранять негативные факторы в киберпространстве, выступая ключевым элементом функционирования киберинфраструктуры. Углубляясь в изучение обозначенной системы «регулирования» киберсреды, можно обратить внимание, что речь не идёт о прорывных технологиях автоматического ограничения доступа в киберпространство злонамеренным акторам. Скорее, она наиболее полно отражает упомянутый ранее принцип «hard power», за счёт использования привычных НАТО механизмов активного, даже можно сказать агрессивного, подавления киберугроз, допускающих вероятность проведения наступательных операций в кибернетическом пространстве, основная цель которых заключается в упреждающем уничтожении кибернетических ресурсов и инфраструктуры

²³⁰ РиаНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РиаНовости - 2014. - URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)

²³¹ NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence, Definition Centre <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html> (Дата обращения: 25.04.2019)

предполагаемого противника для недопущения дестабилизации мировой системы²³². Большое количество экспертов находят и указывают на подтверждение обозначенной свыше политики «hard power» в нормативно-правовой базе Организации, в которой уже более десятилетия заложены основополагающие принципы функционирования данного актора в международной киберсреде²³³.

Однако, помимо обозначенной особенности подхода НАТО к восприятию кибербезопасности через призму «hard power», можно также выделить прогрессивную составляющую позиций Организации, о которой свидетельствует приведённое на официальной странице «NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence» положение о том, что Организация, будучи представителем большого количества государств мира, основывает собственные воззрения в отношении кибербезопасности, киберугроз, а также в отношении иных связанных с обозначенными феноменами явлениями, учитывая опыт и достижения государств-членов, зафиксированных как в национальных нормативно-правовых актах, так и выделяемых экспертным сообществом. Подобный подход в обеспечении кибербезопасности Альянса, а также в поддержании международной киберсреды, является весьма прагматичным и прогрессивным, поскольку не только учитывает интересы сторон, но и способствует значительному повышению эффективности системы кибербезопасности НАТО²³⁴.

Рассмотренные свыше подходы к трактованию феномена кибербезопасности различными акторами международной среды продемонстрировали, что каждая из обозначенных позиций обладает рядом положительных сторон, безусловно, повышающих эффективность противодействия киберугрозам на государственном, региональном и даже в некоторых случаях международном уровнях. Однако, ни один из упомянутых субъектов, озабоченных проблематикой кибербезопасности, не указывает на столь значимую составляющую кибернетической безопасности наших дней, как правовое регулирование киберсреды и влияние нормативно-правового фактора в вопросах противодействия киберугрозам. В этом случае выгодно выделяется подход российского экспертного сообщества в отношении проблематики.

²³² Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX - начало XXI века) / Бухарин В.В. // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2016. №20. - С.101-108

²³³ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

²³⁴ NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence, Definition Centre <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html> (Дата обращения: 25.04.2019)

Следует отметить, что Российская Федерация, будучи самостоятельным актором международных отношений, с момента окончательного оформления в международной среде фактора киберугрозы выступает в первом эшелоне обеспечения не только национальной, но и международной кибербезопасности²³⁵. Подобное положение государства подтверждается регулярной активностью страны в ходе международного полит-диалога. Российская Федерация выступает инициатором большого количества международных проектов в области безопасности, в том числе и кибернетической, что подтверждает российская Резолюция по кибербезопасности, в ноябре 2015 года принятая в рамках очередного заседания Генассамблеи ООН. Отражённые в документе положения призывали мировое сообщество к повышению координации государств для преодоления новоявленного вызова безопасности человека и общества - киберугрозы. Также в обозначенной Резолюции была отражена крайняя необходимость в унификации принципов и методов реагирования на негативные факторы международной киберсреды, исходящие как от частных акторов международной киберсреды, так и инсценируемые отдельными государствами. Предполагалось, что данный документ будет способствовать активизации международного сотрудничества государств и в значительной степени повысит уровень защищённости и стабильности кибернетической среды. Первые подвижки в обозначенном в Резолюции ключе были достигнуты мировым сообществом относительно недавно: в 2018 году по инициативе Российской Федерации, поддержанной Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций была создана международная рабочая группа, которая под эгидой ООН с 2019 года должна отвечать за вопросы борьбы с киберпреступностью²³⁶. Тем ни менее, данный шаг стал одним из первых достижений международного сообщества на пути к формированию единой системы взглядов на вопросы нейтрализации угроз киберпространству.

Таким образом, именно прогрессивный подход отечественных специалистов, а также высшего военно-политического руководства страны позволил международному дискурсу сдвинуться с мёртвой точки. Что же касается непосредственно России и её восприятия феномена кибербезопасности, то здесь важно отметить, что в государстве, в отличие от другой части мирового сообщества, где до сих пор существуют определённые внутригосударственные разногласия, с момента проявления киберугрозы была выработана

²³⁵ Приказ Президента Российской Федерации № Пр-212 от 07 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»

²³⁶ Российская Газета: Генассамблея ООН поддержала предложение РФ по кибербезопасности / Российская Газета - 2018. - URL: <https://rg.ru/2018/12/05/genassambleia-oon-podderzhala-predlozhenie-rf-po-kiiberbezopasnosti.html> (Дата обращения: 26.04.2019)

единая школа трактования феномена кибербезопасности, а также смежных ему понятий и факторов. Академическое сообщество страны предложило следующий подход к проблематике, который всецело был поддержан военно-политическим руководством: кибербезопасность является ничем иным как состоянием защищённости акторов киберсреды, которая включает как технические средства киберинфраструктуры, так и комплекс человеческого и программного взаимного воздействия на телекоммуникационные сети. Обозначенная безопасность в свою очередь достигается проведением мероприятий по достижению и укреплению стабильности киберсреды, контролю соблюдения правопорядка, а также по сохранению дееспособности государственной киберинфраструктуры. Отмеченные мероприятия призваны обеспечить резистентность государственных институтов, а также поддержать международную кибербезопасность за счёт создания строгой технической, институциональной, а также, что немаловажно, правовой базы. Совокупность приведённых базовых элементов, составляющих единую систему безопасности кибернетической среды и формирует сущность феномена кибербезопасности в российских реалиях²³⁷²³⁸²³⁹²⁴⁰. Однако, стоит также отметить, что исследователи проблематики кибербезопасности в Российской Федерации, а также их иностранные коллеги, изучающие отечественную нормативно-правовую базу, ни раз подчёркивали, что в российском академическом сообществе, а также на уровне законодательства наблюдается тенденция к подмене терминов кибербезопасность, киберугроза и иных феноменов имеющих кибернетические свойства, понятиями информационной безопасности и иными формулировками информационного характера. Впрочем, данный факт в последние годы не имеет особого влияния на содержание описываемых явлений, которые сохраняют черты именно кибернетического свойства²⁴¹²⁴².

²³⁷ Проект Концепции Совета Безопасности Российской Федерации от 09 сентября 1999 года «Концепция совершенствования правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»

²³⁸ Выписка из Концепции от 22 сентября 2011 г. «Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности»

²³⁹ Приказ Президента Российской Федерации № Пр-1753 от 24 июля 2013 г. «Об утверждении Основ государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года»

²⁴⁰ Распоряжение Совета Безопасности Российской Федерации от 07 марта 2008 года «Об утверждении Основных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»

²⁴¹ Приказ Президента Российской Федерации № Пр-212 от 07 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»

²⁴² Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

Рассмотрение сущности феномена кибербезопасности приводит к заключению о том, что его восприятие различными акторами международной среды в значительной мере отличается. Даже на пороге третьего десятилетия XXI века человечество не обрело необходимого единства в столь значимых вопросах безопасности. Каждый актор стремится трактовать феномен в выгодном ему ключе, упуская или намеренно не принимая в расчёт достижения остальной части мирового сообщества. Таким достижением, с позиции российского академического сообщества, становится и нормативно-правовая база обеспечения кибербезопасности, которая фактически выступает неотделимым элементом современной системы безопасности, в целом, и важной чертой кибербезопасности, в частности. Подобный факт подтверждается и той тенденцией, что технологический прогресс в наши дни идёт семимильными шагами, неизменно снижая эффективность существующих средств киберобороны, однако, именно нормативно-правовое обеспечение способно предоставить мировому сообществу необходимый импульс к прогрессивному развитию, столь необходимому для преодоления угроз нового поколения, к числу которых и относятся киберугрозы. Таким образом, российские научно-исследовательские круги фактически первыми встали на курс разработки и продвижения эффективных правовых механизмов противодействия киберугрозам, что привело к тому факту, что Российская Федерация на сегодняшний день обладает наиболее современной и прогрессивной нормативно-правовой базой обеспечения национальной кибербезопасности, в сравнении с положением государств в других частях света²⁴³.

Подобный факт позволяет нам наиболее лаконично перейти к следующей важной части исследования, посвящённой предметному рассмотрению доктринальных основ феномена кибербезопасности в Российской Федерации. Как отмечалось ранее, возникновение рассматриваемого явления связывают с переломным в человеческой истории фактором возникновения интернета в привычном нам виде. Тогда же и возникает интересующее нас явление кибербезопасности, которое фактически смещает целый ряд понятий, активно используемых в прошедшей эпохе: информационная безопасность, информационная агрессия и некоторое количество иных устоявшихся определений отходят на второй план. Начинается процесс нормативно-правового фиксирования и трактования новоявленного феномена и смежных ему понятий, однако, на обозначенный процесс

²⁴³ Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX - начало XXI века) / Бухарин В.В. // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2016. №20. - С.101-108

повлияли и устаревающие понятия, определённая доля нормативно-правового описания которых успешно перекачивала в национальные и международное законодательства, ассоциировавшись с кибербезопасностью²⁴⁴. Ярким тому подтверждением может послужить Доктрина информационной безопасности, опубликованная в 2000 году в России. Из содержания отмеченного документа следует, что руководство страны стремилось своевременно реагировать на возникающие угрозы национальной безопасности, в том числе на киберугрозы, тем ни менее, описание новоявленного вызова государственной и международной безопасности проходило в ключе, в большей степени соответствующем терминологии информационной безопасности, однако, существенно адаптированного для соответствия реалиям современного мира²⁴⁵.

Прежде всего отметим, что из себя представляет нормативно-правовая база феномена кибербезопасности в наши дни: это комплекс нормативно-правовых актов, направленных на регулирование взаимодействия акторов киберсреды и на поддержание стабильности киберинфраструктуры²⁴⁶. Из приведённого выше толкования следует, что доктринальные основы феномена кибербезопасности требуют рассмотрения всего массива государственной нормативно-правовой документации, описывающей феномен, а потому перейдём непосредственно к правовым актом.

Прежде отмечалось, что в сентябре 2000 года в Российской Федерации была принята Доктрина информационной безопасности. Данный документ на долгие годы стал проводником военно-политического руководства в области обеспечения кибербезопасности, пока 5 декабря 2016 года в свет не вышла обновлённая версия Доктрины. Она сохранила своё название, однако существенным изменениям подверглось содержание её положений. В частности в состав документа были включены «основные направления обеспечения информационной безопасности с учётом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»²⁴⁷. Так, к отмеченным направлениям, входящим в национальные интересы государства в киберпространстве были добавлены следующие цели: обеспечение

²⁴⁴ Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Касенова М.Б., Демидов О.В. - М.: Статут, 2013. - 464 с.

²⁴⁵ Указ Президента Российской Федерации № Пр-1895 от 9 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»

²⁴⁶ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.2-9

²⁴⁷ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

возможности беспрепятственной коммуникации граждан, а также национальных институтов в киберпространстве; обеспечение стабильности киберинфраструктуры; развитие технологической базы государства. Особое внимание в правовом акте было уделено развитию взаимовыгодного сотрудничества в кибернетическом поле, что подтверждается отдельными статьями документа, в которых отражено намерение высшего военно-политического руководства страны содействовать «равноправному стратегическому партнёрству» в области киберпространства за счёт формирования действенных институциональных механизмов обеспечения безопасной международной киберсреды²⁴⁸. Подобная готовность высшего руководства страны к ведению открытого международного диалога выступила весьма прогрессивным элементом данного правового акта, что весьма редко встречается при сравнении с зарубежными аналогами подобных документов. Более того, отдельное внимание в рассматриваемом документе уделено современным характеристикам информации, как неотъемлемого элемента киберсреды. В особенности, внимание привлекает достоверность информации, которая регулярно поддаётся нападкам со стороны злонамеренных акторов, что для российского общества выводится в ранг угрожающих факторов. Исходя из общих положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации можно заключить, что феномен кибербезопасности для государства выступает одним из наиболее значимых направлений, в рамках которого будет осуществляться развитие системы национальной безопасности. Более того, развитие безопасной киберсреды способно также оказать благоприятное воздействие на экономику государства, а также способствовать развитию национальных социальных институтов, что также зафиксировано в рассмотренной Доктрине.

Помимо разобранного выше документа политический курс России в области киберпространства и взаимодействия с ним также определяет Стратегия национальной безопасности РФ, последняя редакция которой была подписана Президентом страны и опубликована в декабре 2015 года. Обозначенный документ концентрирует внимание на угрозах национальной безопасности России, в перечень которых в упомянутом году были включены и киберугрозы²⁴⁹. Стратегия играет первостепенное значение в вопросе обозначение внутри- и внешнеполитического курса государства, а потому появление в ней

²⁴⁸ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

²⁴⁹ Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №1. - Ст. 212

киберугрозы в качестве основополагающего вызова национальной безопасности наших дней лишней раз подтверждает обеспокоенность военно-политического руководства страны проблематикой кибербезопасности. Впрочем, куда большее внимание было уделено феномену в упомянутой ранее Доктрине, где были обозначены основные принципы построения национальной киберобороны.

Также, если заглядывать несколько глубже, можно обнаружить, что доктринальную основу феномена в Российской Федерации, помимо обозначенных Доктрины и Стратегии, формирует ещё один правовой акт, именуемый «Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года». Данный документ был принят в 2013 году указом Президента РФ №1753 и послужил в некотором смысле предшественником упомянутой Доктрины информационной безопасности. Относясь к элементам стратегического планирования, нормативно-правовой акт в значительной степени предопределил пути и перспективы развития отечественного киберпространства, а также механизмов противодействия угрозам киберсреды²⁵⁰. В частности, в качестве одного из прогрессивных шагов в направлении развития кибербезопасности в обозначенном документе выделялось принятие в рамках ООН Конвенции информационной безопасности, что и было достигнуто в ноябре 2015 года на очередном заседании Генассамблеи, когда по инициативе России была подписана данная Конвенция²⁵¹. Впрочем, активность Российской Федерации в международном нормативно-правовом поле будет рассмотрена несколько позже.

А пока, нельзя не затронуть ещё несколько документов, принятых в Российской Федерации, также относящихся к феномену кибербезопасности, однако, в тоже время затрагивающих довольно щепетильную тематику конфиденциальности личных данных. С целью повысить эффективность контроля над процессами имеющими место в киберпространстве различные государства мира принимают законопроекты в отношении объёма полномочий национальных органов безопасности. С пришествием фактора киберугрозы в международную среду проявилась весьма негативная тенденция к наращиванию полномочий национальных спецслужб в области доступа к личной информации пользователей сети, для накопления и анализа данных, среди которых могут

²⁵⁰ Приказ Президента Российской Федерации № Пр-1753 от 24 июля 2013 г. «Об утверждении Основ государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года»

²⁵¹ Доклад Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций № А/70/162 от 7 ноября 2015 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности»

быть выявлены назревающие угрозы системе²⁵². Российская Федерация не стала исключением, а потому в доктринальную базу феномена кибербезопасности добавилось несколько весьма дискуссионных документов: «пакет Яровой», представленный в 2017 году, а также Стратегия развития информационного общества в России на 2017-2030 год, утверждённый указом Президента страны 9 мая того же года. Первый из обозначенных правовых актов представляет из себя два законопроекта, которые обязуют действующие в киберпространстве институты телекоммуникаций хранить, а также при соответствующем запросе передавать органам безопасности массив распространяемых пользователями сети данных, учитывающий как сведения в текстовом, так и голосовом, а также в иных возможных форматах. В свою очередь принятая 9 мая Стратегия поддерживает начатый ранее с принятием «пакета Яровой» курс на упрощение деятельности служб специального назначения, стремясь исключить фактор анонимности из кибернетического пространства²⁵³. Безусловно, можно по разному относиться к предпринятому государством курсу, однако, вероятно, именно данные меры позволят в значительной степени повысить уровень национальной кибербезопасности, поскольку осложнят деятельность злонамеренных акторов.

Комплекс приведённых выше нормативно-правовых актов, который безусловно дополняют конституция, а также многие другие национальные законы, формирует не только доктринальную основу феномена кибербезопасности, но и базовый уровень государственной обороны. Тем ни менее, как показывает специфика феномена кибербезопасности, а также характеристика киберугроз, современное киберпространство не имеет схожих с государственными границ, а потому действия одного государства сколь прогрессивными они бы не были не способны в полной мере гарантировать защищённость даже собственного общества от пагубного кибернетического воздействия злонамеренных акторов. Трансграничный характер кибербезопасности требует международной кооперации и создания международной системы кибербезопасности, безусловно, основанной на индивидуальной резистентности национального киберпространства. На схожую специфику кибербезопасности указывает и Томас де Мезьер, который будучи Министром внутренних

²⁵² Выписка из Концепция № К 1274 от 12 декабря 2014 г. «Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»

²⁵³ Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»

дел ФРГ заявляет: «поскольку интернет не признаёт государственных границ, то и усилия по обеспечению его безопасности должны быть международными»²⁵⁴.

По этой причине также необходимо рассмотреть активность российского военно-политического руководства во взаимодействии с зарубежными государствами, а также в рамках международных институтов. Важно отметить, что ввиду расхождения позиций мирового сообщества в отношении трактования сущности феномена кибербезопасности, а также в отношении механизмов противодействия киберугрозам, международный диалог по проблематике протекает весьма замедленными темпами, а какие-либо совместные достижения мирового сообщества сосредоточены лишь в области двустороннего или в крайнем случае регионального сотрудничества²⁵⁵. Наблюдаемая в рамках Организации Североатлантического договора активность, отмеченная прежде, также не может быть в полной мере расценена в качестве международного диалога, поскольку НАТО в международной киберсреде фактически выступает единым субъектом.

То, что действительно подпадает под описание «международного» сотрудничества так это иницилируемые в рамках ООН проекты взаимодействия по проблематике кибербезопасности. Одно из подобных достижений мирового сообщества имело место в 2006 году, когда Международный союз электросвязи был преобразован в орган, ответственный за регулирование международной киберсреды. Подобные обстоятельства стали результатом Всемирной встречи на высшем уровне, посвящённой вопросам безопасности информационного общества, в рамках которой на приданное ООН учреждение были возложены обязательства по совершенствованию и укреплению киберпространства с целью повышения международной кибербезопасности. Первые успехи плодотворной работы новоявленного международного органа имели место уже спустя год после основания союза: в 2007 году публикуется Глобальная программа кибербезопасности, в которой учреждение ООН отразило главенствующие принципы межгосударственного сотрудничества в рамках Организации Объединённых Наций по вопросам кибербезопасности, в том числе был указан ряд прогрессивных направлений взаимодействия, призванных повысить потенциал резистентности киберпространства. Среди данных направлений особая роль уделялась продолжению и развитию правового сотрудничества, а также взаимодействию в области

²⁵⁴ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

²⁵⁵ Шушков Г.М. Концептуальные основы информационной безопасности Российской Федерации / Шушков Г.М., Сергеев И.В. // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных: сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. - М.: ИИУ МГОУ, 2016. - С.69-76

развития технологической базы безопасности киберсреды²⁵⁶. Впрочем, сколь прогрессивным в международном диалоге не был бы факт принятия обозначенной программы, ему не удалось привести существенных изменений в процесс коммуникаций международных акторов: высокоразвитые государства, обладающие не только большим экономическим потенциалом, но и существенной технологической базой в большей степени полагались на эффективность собственной системы национальной кибербезопасности, а потому неохотно обращались к международному диалогу и международным механизмам нейтрализации киберугроз. Подобный характер политики крупных субъектов киберпространства сохранялся вплоть до 2014 года, до момента, когда действующая технологическая база кибербезопасности большинства стран мира перестала поспевать за ходом технологического прогресса, а потому самостоятельное обеспечение стабильности киберсреды более не представлялось возможным. По этой причине 2015 год ознаменовался активизацией законодательных процессов в ряде государств мира, которая, впрочем, ни всегда сводилась к необходимости международного сотрудничества. Часть государств, как, к примеру, Китайская Народная Республика и Российская Федерация выделяют международный диалог в качестве неотъемлемой составляющей киберобороны будущего, другие же, по большей степени страны военного блока НАТО, США и группа европейских государств, продолжают уповать на потенциал личной и кооперативной безопасности в рамках сообщества.

Таким образом, на основании продемонстрированных тенденций во взаимодействии государств на мировой арене по вопросам кибербезопасности, можно наглядно удостовериться в том, что даже не смотря на наличие столь масштабной угрозы как государственной, так и общемировой безопасности, акторы международной среды, выступающие субъектами кибербезопасности, в большей степени концентрируют внимание на обеспечении собственной безопасности кибернетического поля, в редких случаях вспоминая о трансграничном характере киберугроз. В противовес обозначенному суждению, конечно же, можно привести ежегодно проводимый форум управления интернетов, в повестку дня которого принято вносить насущные вопросы киберпространства, касающиеся как проявления новых видов киберугроз, так и возникновения технологий противодействия им. Предполагалось, что данная платформа способна благотворно отразиться на международной кибербезопасности за счёт вовлечения наиболее заинтересованных государств к дискурсу проблематики, однако, фактически, единственным стоящим

²⁵⁶ Программа Международного союза электросвязи от 16 апреля 2008 г. «Глобальная программа кибербезопасности: Основа для международного сотрудничества в области кибербезопасности»

достижением стала упомянутая ранее упомянутая инициатива Российской Федерации - Резолюция по кибербезопасности, в последствии принятая государствами-членами ООН в рамках очередного заседания Генеральной Ассамблеи²⁵⁷²⁵⁸.

Подводя итог рассмотрению сущности и доктринальной основы феномена кибербезопасности, стоит заключить, что на сегодняшний день разрозненность взглядов мирового сообщества на вопросы обеспечения кибербезопасности и противодействия киберугрозам фактически выступает непреодолимой преградой на пути к выработке единой общемировой концепции кибербезопасности. Тем ни менее, как показывает нормативно-правовое поле, куда большего прогресса добились отдельные государства в построении национальной безопасности, учитывающей фактор киберугроз. К числу успешных в данном направлении государств можно отнести и Российскую Федерацию, законодательная база которой, позволяет с уверенностью говорить о единстве взглядов высшего военно-политического руководства страны по проблематике кибербезопасности, трактуемой в стране как состояние защищённости акторов киберсреды, которое включает как технические средства киберинфраструктуры, так и комплекс человеческого и программного взаимного воздействия на телекоммуникационные сети. Подобная прогрессивность правовых актов Российской Федерации выделяется и за рубежом, что позволяет государству находиться в первом эшелоне киберобороны не только национального, но и международного киберпространства. Положение России в данном случае представляет высокий интерес для академического сообщества, поскольку внутригосударственный опыт противодействия угрозам киберсреды может быть вполне успешно перенесён на уровень международной кибербезопасности, что позволило бы в значительной степени сократить количество и качество угроз, исходящих от киберпространства. По этой причине, особого внимания заслуживает рассмотрение механизмов противодействия угрозам кибербезопасности, эффективно эксплуатируемых в российских реалиях. Однако, прежде следует выделить какие вызовы национальной безопасности воспринимаются военно-политическим руководством Российской Федерации в качестве угроз кибербезопасности.

²⁵⁷ Доклад Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций № А/70/162 от 7 ноября 2015 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности»

²⁵⁸ Российская Газета: Генассамблея ООН поддержала предложение РФ по кибербезопасности / Российская Газета - 2018. - URL: <https://rg.ru/2018/12/05/genassambleia-oon-podderzhala-predlozhenie-rf-po-kiberbezopasnosti.html> (Дата обращения: 26.04.2019)

Угрозы информации и киберинфраструктуре

Становлению феномена кибербезопасности в его современном проявлении, помимо описанных прежде тенденций современного мира, также способствовали и угрозы, возникающие в киберпространстве и воздействующие на него. Как и в случае определения сущности феномена кибербезопасности, у мирового сообщества до сих пор не сформировалось единой позиции в отношении тех факторов, которые следует относить к категории киберугроз. Неизменно подогревают ход обозначенной дискуссии различия в занимаемых государствами позициях в отношении полномочий национальных институтов в кибернетическом поле: особенности политики «soft power», в основном продвигаемой восточными державами вроде Российской Федерации и Китая, и политики «hard power», проповедуемой на западе, в первую очередь Соединёнными Штатами, а также в НАТО, провоцируют существенные расхождения в категоризации угроз кибербезопасности. Ярким тому обоснованием может послужить рассмотрение восприятия обоими сторонами активных силовых действий в кибернетическом пространстве, направленных на нейтрализацию вероятного противника, находящегося вне государственной киберсреды - для последователей политики «soft power» подобное воздействие на зарубежную киберинфраструктуру будет определено в качестве акта агрессии, который соответственно относится к категории киберугроз и не может быть расценен в качестве действенного механизма обеспечения кибербезопасности, а другие же напротив воспринимают данные меры как приемлемые оборонительный или даже превентивный шаг²⁵⁹²⁶⁰.

Не взирая на наличие обозначенных противоречий в подходах к кибербезопасности, международному академическому сообществу всё же удалось прийти к определённым успехам в категоризации кибернетических угроз. В очередной раз с положительной стороны можно отметить опыт российского экспертного сообщества, однако, наиболее чёткое и обоснованное разделение категорий угроз киберпространству можно обнаружить в работах британского исследователя П. Корниша, который продемонстрировал следующую систематизацию:

- «Деятельность хакеров-одиночек»;
- «Организованная киберпреступность»;
- «Идеологический и политический экстремизм в киберпространстве»;

²⁵⁹ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

²⁶⁰ The US Department of Defense Cyber Strategy от 17 апреля 2015 года

- «Информационная агрессия государства в киберсреде»²⁶¹.

Схожую категоризацию приводит в своих работах подавляющее большинство исследователей, изучающих феномен кибербезопасности и смежные ему понятия. В основу приведённого деления в первую очередь были заложены масштаб ущерба, наносимого киберпространству, а также характер киберугроз, заключённый в их мотивации, а также в исполнителе.

Рассмотрим каждую из приведённых категорий угроз в отдельности для того, чтобы выработать наиболее полное представление о вызовах, исходящих от киберпространства. И начнём со злонамеренной активности хакеров-одиночек. Обозначенная категория киберугроз характеризует деятельность отдельных весьма талантливых индивидуумов, направленную на проведение акций в киберсети, способных нанести весьма обширный урон киберинфраструктуре отдельного предприятия, государственного института или даже инфраструктуре страны. Впрочем, сразу необходимо отметить, что подобная категория угроз кибербезопасности хоть и нередко встречается в современном мире, однако, значительно уступает по популярности той же организованной киберпреступности. Данный факт обусловлен рядом особенностей деятельности подобных самостоятельных акторов в кибернетическом пространстве: прежде всего большая часть компьютерных гениев, способных к проведению самостоятельных акций в киберсреде, чуть ли не с момента зарождения феномена кибербезопасности находится под наблюдением и контролем со стороны национальных служб безопасности, свидетельство чему содержится в публикуемой за последние десятилетия разными государственными учреждениями документации²⁶². Помимо того, также подтверждённым фактом является то, что подобных специалистов довольно часто привлекают сами национальные органы безопасности для проверки государственных кибернетических систем, выявления и устранения их уязвимых мест, а также для модернизации инфраструктуры киберобороны²⁶³. Подобное право привлечения «сторонних» специалистов зачастую зафиксировано в нормативно-правовой базе государств мира, описывающей полномочия национальных служб специального назначения, а также в нормативно-уставной документации ряда международных формирований, к числу которых,

²⁶¹ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

²⁶² Барри Ч. Взгляд на национальные и международные проблемы кибербезопасности / Барри Ч. - 2015. - URL: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/> (Дата обращения: 23.04.2019)

²⁶³ Ельчанинова Н.Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети интернет / Ельчанинова Н.Б. // Общество: политика, экономика, право. - 2016. №12. - С. 11-15

для примера, относится и НАТО²⁶⁴. Из-за обозначенных свыше специфических особенностей данной подгруппы киберугроз, злонамеренной активности хакеров-одиночек в киберсети принято приписывать локальный характер нарушений правопорядка в кибернетическом пространстве, а потому обозначенная категория выступает наименьшей угрозой безопасности даже в случае рассмотрения её воздействия на отдельное государство²⁶⁵.

В качестве примера рассмотренной категории угроз киберсети можно привести инцидент, имевший место в августе 2014 года. 14 числа обозначенного месяца кибератаке подверглась официальная страница Д.А. Медведева в социальной сети «Twitter», на которой от лица премьер-министра страны было опубликовано ложное заявление о принятом решении сложить полномочия и уйти в отставку. В последствии, сообщение было удалено из сети, а в средствах массовой информации было представлено опровержение. Позднее, последовало заявление со стороны органов безопасности, которые по результатам проведённого разбирательства сообщили об акции хакера-одиночки, который от лица политика распространял недостоверную информацию²⁶⁶. Последствия обозначенного инцидента не нанесли существенных повреждений государственной инфраструктуре, однако, безусловно, вызвали широкий общественный резонанс, продемонстрировав эффект от злонамеренного использования киберсреды в личных целях. Куда больший эффект возымели действия хакера-одиночки в 2016 году, во время предвыборной кампании осуществившего атаку на киберинфраструктуру Демократической партии Соединённых Штатов Америки. Преступнику удалось похитить массив архивных данных политической партии, часть из которого в последствии была опубликована, нанеся непоправимый ущерб позиции представителя демократического движения на президентских выборах²⁶⁷. Некоторое время спустя, в ходе проведённого американской партией демократов расследования было высказано предположение о возможном вмешательстве в данный инцидент не одиночки, а нескольких групп хакеров, что переквалифицировало бы обозначенный случай в категорию организованной преступности, однако, убедительных доказательств подобному заявлению в

²⁶⁴ Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114

²⁶⁵ SecurityLab: Пентагон намерен расширить сотрудничество с частным сектором в борьбе с киберпреступностью / SecurityLab - 2012. - URL: <http://www.securitylab.ru/news/424454.php> (Дата обращения: 27.04.2019)

²⁶⁶ РиаНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РиаНовости - 2014.- URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)

²⁶⁷ BBC: Во взломе сервера Демократической партии США сознался хакер-одиночки / BBC - 2016. - URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160616_hackers_usa_democratic_party (Дата обращения: 27.04.2019)

конечном счёте приведено не было, поэтому данный инцидент является не только демонстрацией пагубного воздействия личности на кибернетическое пространство, но и ярким подтверждением комплексного характера кибернетической угрозы, который перенёс последствия от пагубного воздействия в кибернетическом поле в реальный мир.

Наиболее распространённой в современном мире угрозой киберинфраструктуре, пожалуй, можно назвать следующую категорию киберугроз - организованную киберпреступность. Периодически в академических кругах происходит некоторое смешение, а иногда даже подмена понятий организованной киберпреступности феноменом кибертерроризма. Объясняется данный факт тем, что оба обозначенных явления представляют схожую по масштабам последствий, а также отчасти по иррациональности выбора цели, активность злонамеренных акторов в кибернетическом пространстве. Впрочем, в современных реалиях всё ещё сложно проследить террористический характер инцидентов в киберсреде²⁶⁸, в то время как организованная киберпреступность, ввиду обилия практических проявлений феномена, является довольно хорошо изученным фактором. За примером неправомерной деятельности группы злонамеренных акторов в кибернетическом пространстве далеко ходить не нужно, поскольку как отмечалось прежде подобное негативное явление встречается в современном мире на регулярной основе. Так, наглядной демонстрацией «популярности» обозначенной группы киберугроз может послужить весь 2013 год, на протяжении которого была отмечена повышенная активность организованной киберпреступности: мартовское общеевропейское падение пропускной способности и скорости передачи информации и файлов в интернет-пространстве, майский взлом новостного портала РИА-Новости с последовавшей публикацией недостоверных новостных сводок, падение киберинфраструктуры МИД Бельгии в сентябре того же года, взлом интернет ресурсов правительства Республики Сингапур в ноябре²⁶⁹ - все обозначенные события, а также ряд других инцидентов кибернетического пространства, явились последствием активности разных хакерских группировок, произошедшей в относительно короткий промежуток времени и вылившейся в существенную дестабилизацию мирового киберпространства. Безусловно, далеко не все инциденты указанного промежутка времени, ставшие проявлением рассматриваемой группы киберугроз были названы, а ведь они даже не являлись наиболее масштабными в истории человечества. Столь высокая опасность,

²⁶⁸ Самохина Н.Н. Феномен идеологии экстремизма и терроризма в сети интернет: Проблемы и пути их решения / Самохина Н.Н., Готова С.Г. // Общество: политика, экономика, право. - 2016. №10. - С. 18-23

²⁶⁹ ТАСС: Крупные атаки хакеров в 2001-2016 годах: хронология / ТАСС – 2016. - URL: <http://tass.ru/info/1408961> (Дата обращения: 22.04.2019)

исходящая от организованной киберпреступности, вынудила большую часть государств мира на законодательном уровне зафиксировать данную группу киберугроз в качестве основного вызова кибербезопасности страны, а также призвать национальные службы обеспечения безопасности принять необходимые меры к повышению контроля над указанной категорией угроз. В том числе в ряде государств планеты существует перечень преступных группировок, орудующих в киберпространстве, куда с завидной регулярностью попадают такие киберпреступные формирования как LuizSec, Anonymous, Lizard Squad, Phantom Squad и некоторые другие злонамеренные акторы киберсреды²⁷⁰.

Весьма дискуссионной является третья подгруппа киберугроз, выделяемая П. Корнишом, а именно идеологический и политический экстремизм в киберпространстве. Основную почву для рассуждений в данном направлении предоставляет вопрос о различии сущности понятий кибертерроризм и экстремизм в сети²⁷¹. Впрочем, и политическая мотивация пагубной активности в сети до определённого времени также считалась редкостью, а инциденты, затрагивающие политических деятелей или конкретные политические структуры, по большей степени относили к категориями информационной агрессии государств или же к организованной киберпреступности. Однако, в истории человечества всё же имелись инциденты по всем своим характеристикам подходящие под определение рассматриваемого феномена экстремизма в киберпространстве. Таковыми можно назвать события ноября 2010 года, когда уже известная нам группировка группировка Anonimus провела ряд акций по воздействию на киберинфраструктуру крупных международных компаний, в число которых вошли такие гиганты как Visa, PayPal и ряд других организаций. Группировка мотивировала свои кибератаки попыткой обезопасить подававшийся серьёзным нападкам со стороны правительства и международных структур интернет-ресурс WikiLeaks²⁷²²⁷³²⁷⁴. Тем ни менее, даже обозначенные события, имевшие

²⁷⁰ Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение / Карпова Д.Н. // Власть. - 2014. №8. - С.46-50

²⁷¹ Троегубов Ю.Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет / Троегубов Ю.Н. // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. - 2014. №3. - С.143-147

²⁷² РиаНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РиаНовости - 2014.- URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)

²⁷³ Майдыков А.А. Национальные интересы - Актуальные проблемы противодействия использованию интернета террористическими и экстремистским организациями / Майдыков А.А., Исаров О.Б. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. №38. - С.44-51

²⁷⁴ Воронцов С.А. Политическая культура и идеологии: О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере / Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2015. №9. - С.16-25

чётко выраженную политическую направленность, с определённой долей успеха можно отнести к числу инцидентов, произошедших в ходе активности организованной киберпреступности. Впрочем, отмеченная П. Корнишом государственная агрессия в киберпространстве в будущем способна в значительной степени активизировать те же экстремистские формирования к повышению своего участия в киберсреде. Что же касается несколько опущенной прежде идеологической мотивации в действиях злонамеренных акторов кибернетического пространства, то данный феномен также является не столь заметным в современном мире, однако, предельно точно его характеризует нормативно-правовая база Российской Федерации, в которой к числу основных угроз государству и нации относят влияние экстремистских и террористических группировок, которые при помощи сетей киберинфраструктуры способны провоцировать «нагнетание межнациональной и социальной напряжённости»²⁷⁵.

Ранее ни раз поднималась проблематика соотношения механизмов «hard power» и «soft power», среди которых особое внимание приковывал вопрос о правомерности проведения полноценных операций с использованием силовых ресурсов в зарубежном киберпространстве²⁷⁶. В данном случае одобрительно в отношении правомерности использования данного механизма высказывается ряд экспертов, с которыми в большей степени склонен не согласиться. Похоже позиции придерживается и П. Корниш, который выдвигает информационную агрессию государств в киберсреде в ранг отдельной категории угроз кибербезопасности. Пример подобной негативной активности государства в киберпространстве уже ни раз был отмечен в рамках данного исследования: речь, конечно же, идёт о компьютерном вирусе WannaCry, нанёсшем свой первый удар 12 мая 2017 года и за одни лишь сутки выведшем из строя более 57 тысяч объектов международной киберинфраструктуры. Начавшиеся в разных уголках планеты расследования инцидента, к сожалению, не привели к единому заключению в отношении происхождения данной киберугрозы, однако, основная экспертная версия произошедшего гласит, что родиной вредоносного программного обеспечения является Агенство национальной безопасности США, которое вело разработку данного механизма критического воздействия на киберинфраструктуру с апреля 2015 года, когда в стране была принята новая Стратегия

²⁷⁵ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

²⁷⁶ Згоба А.И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения / Згоба А.И., Маркелов Д.В., Смирнов П.И. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №5. - С.30-38

киберобороны²⁷⁷²⁷⁸. Поражающий фактор вируса WannaCry распространялся не только на частные мобильные устройства, но и на значимые объекты государственной инфраструктуры, к числу которых отнесены объекты системы здравоохранения, узлы транспортного сообщения, системы телекоммуникаций, а также многие другие объекты национального значения, дееспособность которых была существенно ограничена в принципиально разных частях света. Также в ходе расследования было выявлено, что основной ущерб понесла киберинфраструктура Великобритании, Украины, России, а также ряда других государств Европы. По предположению некоторых аналитиков и экспертов в области киберпространства, подобный инцидент мог быть мотивирован обозначенными прежде событиями предвыборной президентской гонки в США, где американская сторона проследила связь с российскими спецслужбами, а позднее в мировых средствах массовой информации зафиксировалось выражение «русский след», говорящее о причастности хакеров из России ко взлому. Таким образом, обозначенный инцидент фактически выступает первым крупномасштабным актом государственной агрессии в киберсреде, что придаёт феномену кибербезопасности ещё большую значимость, поскольку экономический и технологический потенциал развитых государств позволяет им получить доступ к столь могущественному рычагу воздействия на международное сообщество как киберугроза²⁷⁹, что соответственно требует принятия в систему национальной безопасности новых механизмов противодействия.

Подводя итог рассмотрению основных угроз информации и киберинфраструктуре, следует заключить, что современные киберугрозы можно разделить на четыре обширных категории, к которым будут отнесены: деятельность хакеров-одиночек, организованная киберпреступность, идеологический и политический экстремизм в киберпространстве, а также информационная агрессия государства в киберсреде. Каждая из приведённых групп выступает существенным вызовом не только национальной, но и международной безопасности. Однако, как показала практика подобное разделение носит весьма условный характер, поскольку зачастую особую сложность вызывает не только определение актора, выступившего агрессором в кибернетическом поле, но и определение конечной цели агрессии, а также мотивации злонамеренного актора. Подобная специфика фактора

²⁷⁷ US National Security Strategy от 12 февраля 2015 года

²⁷⁸ The US Department of Defense Cyber Strategy от 17 апреля 2015 года

²⁷⁹ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 2) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С. 5-12

киберугрозы лишний раз подчёркивает то, что данная угроза аккумулирует в себе фактически все основные черты вызовов нового поколения, выступая не только «мягкой» угрозой безопасности, но и нося характера асимметричного, комплексного и даже гибридного вызова безопасности человека и общества, что позволяет перейти к завершающей стадии исследования, в которой будут рассмотрены основные механизмы противодействия ключевой угрозе XXI века.

Механизмы нейтрализации киберугроз Российской Федерации

Рассмотрение существующих угроз кибербезопасности продемонстрировало, что каждая из обозначенных категорий обладает рядом специфических особенностей, позволяющих ей наносить особый ущерб отдельным уровням государственного киберпространства. Подобный фактор, безусловно, учитывается национальными органами безопасности, а потому отдельным составляющим киберсреды уделяется повышенное внимание, что призвано благотворно отразиться на общем состоянии кибербезопасности. По этой причине, прежде чем перейти к выделению основных механизмов нейтрализации киберугроз, рассмотрим какие направления обеспечения безопасности кибернетического пространства вызывают наибольшую обеспокоенность государственных органов.

Защита интернета, что не удивительно, является первым из значимых для сохранения стабильности киберпространства элементом. При рассмотрении сущности кибербезопасности ни раз отмечалось, что именно интернет способствовал становлению киберпространства и до сих пор является его неотъемлемым элементом, связующим звеном кибернетической сети, объединяющим самостоятельные технологии в единую систему. Второй значимой составляющей кибербезопасности выступает защита её технологической основы, которая включает в себя всё великое разнообразие устройств и компьютерных систем, формирующих инфраструктуру киберсреды. Третьей неотъемлемой составляющей защиты киберсреды, выделяемой экспертным сообществом в качестве отдельного элемента, является защита данных, фактически основного объекта кибербезопасности. Все три указанных элемента выступают столбами кибербезопасности, однако, её основу также формируют такие явления как программное обеспечение, совокупность каналов передачи данных, телекоммуникационная инфраструктура, а также человек, воздействующий на киберпространство²⁸⁰. Угроза каждому элементу в отдельности способна вызвать столь

²⁸⁰ Безкоровайный М.М. Кибербезопасность - подходы к определению понятия / Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №4. - С.22 - 27

популярный в рамках данного исследования эффект домино, который за счёт дестабилизации одной жизненно-важной составляющей способен привести к деструктивным процессам во всём кибернетическом пространстве, парализовав тем самым сеть. Примером подобного деструктивного воздействия может послужить тот же самый компьютерный вирус WannaCry, который не только блокировал доступ к компьютерным системам по всему миру, но и шифровал хранившиеся в них массивы информации. Воздействие подобного фактора наиболее широко отразилось на дееспособности органов здравоохранения. К примеру, в Великобритании фактически была парализована инфраструктура госпиталей и больниц, которые ввиду отказа жизненно важных систем были вынуждены отказываться в приёме новых пациентов, а также не могли обеспечить требуемого ухода за старыми, поскольку подавляющее большинство современных медицинских процедур происходит с использованием технологий киберинфраструктуры²⁸¹. Отказ одного элемента привёл к фактическому расформированию единой системы здравоохранения, что наглядно демонстрирует значимость обеспечения должного уровня защищённости всех обозначенных элементов киберпространства.

Из обозначенного прежде следует, что подавляющее большинство государств в построении собственной системы национальной кибербезопасности основывается сразу на нескольких факторах: непосредственно на анализе киберугроз, на выделении ключевых целей, элементов, их воздействия, а также учитывая технологическую составляющую. Подобный комплексный подход способствует повышению эффективности механизмов противодействия комплексному вызову - киберугрозе.

Теперь же пришло время разобрать механизмы нейтрализации киберугроз, используемые как на национальном уровне, в Российской Федерации, так и наблюдаемые в деятельности мирового сообщества, направленной на обеспечение кибербезопасности. Из проведённого ранее анализа следует, что ключевые факторы, формирующие феномен кибербезопасности можно условно поделить на две самостоятельные категории: нормативно-правовую составляющую и технологическую базу, однако, помимо указанных элементов академическим сообществом также выделяет ещё одна неотъемлемая категория, способствующая формированию прогрессивной системы кибербезопасности, а именно

²⁸¹ Русское Агентство Новостей: Вирус WannaCry атаковал Минздрав, МЧС, МВД, РЖД, «Сбербанк» и «Мегафон» / Русское Агентство Новостей - 2017. - URL: [новости-россии.ru-an.info/новости/вирус-wanna-cry-атаковал-минздрав-мчс-мвд-ржд-сбербанк-и-мегафон/](https://www.ranews.ru/news/wanna-cry-atakoval-minzdrav-mcs-mvd-rzd-sberbank-i-megaфон/) (Дата обращения: 14.05.2019)

экономические механизмы укрепления киберобороны²⁸². Каждая из перечисленных групп формирует определённые механизмы реакционного и превентивного характера, а потому дальнейшее рассмотрение инструментов обеспечения кибербезопасности будет проходить в рамках анализа обозначенных категорий.

Первостепенное значение в вопросе нейтрализации киберугроз в современном мире отводится именно уровню нормативно-правового обеспечения. Данный факт подтверждает описанная выше угроза киберпространству - информационная агрессия государства в киберсреде. Её активизацию напрямую связывают с упущениями международной правовой системы, в которой фактически отсутствуют механизмы, воспрепятствующие акторам международной киберсреды проведению самостоятельных превентивных операций по нейтрализации зарубежной киберинфраструктуры. Отсутствует чёткая позиция в трактовании подобных действий в качестве недопустимой агрессии. Помимо того, при проведении анализа данного уровня инструментального обеспечения кибербезопасности становится понятно, что именно нормативно-правовая область выступает иницилирующим звеном в развитие остальных двух элементов киберобороны, способствуя как улучшению технологической базы, так и формируя механизмы экономического обеспечения. Отмеченные выше особенности нормативно-правовой составляющей кибербезопасности позволяют с уверенностью выдвигать её в качестве первого рубежа обороны киберпространства.

Подобное положение нормативно-правовой базы наиболее полно отражается при изучении конкретных правовых документов, затрагивающих вопросы кибербезопасности. Применительно к Российской Федерации первые шаги в области становления правовой платформы противодействия угрозам кибернетического пространства прослеживались в государстве ещё на стыке тысячелетий, когда в 2000 году была принята Доктрина информационной безопасности. В обозначенном документе были перечислены шаги, достижение которых должно было способствовать повышению оборонительного потенциала России за счёт достижения необходимого уровня защищённости информационной среды государства. Наиболее важное значение при этом уделялось «формированию базы правового обеспечения информационной безопасности»²⁸³, реализация которой предполагала принятие прогрессивных правовых актов для развития технологической и институциональной базы

²⁸² Шушков Г.М. Концептуальные основы информационной безопасности Российской Федерации / Шушков Г.М., Сергеев И.В. // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных: сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. - М.: ИИУ МГОУ, 2016. - С.69-76

²⁸³ Приказ Президента Российской Федерации № Пр-212 от 07 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»

страны, осуществления конкретных мер по созданию инструментов защиты информации и сети. На практике подобный подход должен был означать, что в государстве более активно будет происходить подписание, публикация, а также качественное изменение таких правовых актов, как Закон «О государственной тайне», принятый в 1993 году военно-политическим руководством Российской Федерации.

Так и произошло, в частности, редактированию подлежал и обозначенный выше документ, последняя редакция которого вышла в свет в марте 2015 года. Требовалось расширение области применения указанного Закона, ввиду включения кибернетического пространства в состав регулируемого им поля, более того в обновлённой версии были учтены достижения технологического прогресса приведшие к качественным изменениям электронной среды, к которым относится и фактор возникновения новых угроз информации и киберинфраструктуре. Среди основополагающих обязательств страны в вопросе гарантии государственной тайны выделяются не только статьи о классификации информации государственного значения, но и положения о распределении полномочий среди национальных органов и институтов, призванные не допустить возникновения угроз наиболее значимому элементу киберсреды - информации²⁸⁴. Одним из государственных институтов, ответственных за выполнение поставленной задачи выступает Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, в 2004 году утверждённая Президентом страны. Сферу непосредственной ответственности обозначенного органа входят задачи по координации взаимодействия региональных и федеральных органов, обладающих доступом к информации, содержащей государственную тайну, задачи по составлению списка сведений, относящихся к разделу государственной тайны, а также, что немаловажно, задачи по определению масштабов реального и потенциального ущерба в случае нанесения кибератаки, приведшей к распространению сведений, содержащих государственную тайну²⁸⁵. Несомненно, деятельность комиссии не ограничивается перечисленными направлениями, однако, упомянутые функции наиболее точно отражают характер нормативно-правового обеспечения кибербезопасности.

Продолжить рассмотрение группы нормативно-правовых механизмов поддержания и развития системы национальной кибербезопасности Российской Федерации позволит

²⁸⁴ Закон Российской Федерации №5485-1 от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. №41.

²⁸⁵ Указ Президента Российской Федерации № 1286 от 06 октября 2004 г. «Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. №41. - Ст. 4024

обращение к такому правовому акту как «Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации», которая была утверждена Указом Президента страны на закате 2014 года, в декабре, на основании опубликованного ранее, в январе 2013 года Указа о создании соответствующей системы. Следствием принятия обозначенного документа стало совершенствование институционального уровня кибербезопасности страны, в который был включён ряд центров обнаружения, прогнозирования и реакции на проявление вызовов кибернетическому пространству и инфраструктуре страны. Полномочия новоявленного аппарата противодействия киберугрозам были нормативно зафиксированы в законодательстве страны. К их числу помимо отмеченных трёх основополагающих функций были также отнесены полномочия по формированию требуемой для обеспечения кибербезопасности России материально-технической базы за счёт организации и курирования исследовательской деятельности в области инструментов воздействия на кибернетическое пространство²⁸⁶. Из отмеченных свыше полномочий новоявленного института, системы, следует, что сформированный комплекс органов фактически становится основным средством воздействия государства на кибернетическую среду в целях сохранения и совершенствования национальной кибербезопасности.

Прежде был приведён ряд документов нормативно-правовой базы Российской Федерации, которые фактически выступают мерами как реакционного, так и превентивного воздействия на киберсреду и её элементы. Обозначенная характеристика механизмов воздействия на кибернетическое пространство, преподносимых нормативно-правовой базой, истекает от заложенных в государственном правовом поле функций, отводимых обозначенным документам, а также институтам, которые они призваны сформировать. Наиболее чётко похожее разделение по методике воздействия прослеживается в обозначенной ранее Доктрине информационной безопасности, базисном документе функционирования государственных и специальных институтов, входящих в состав единой системы национальной кибербезопасности. Для примера, статьи о необходимости формирования и совершенствования национального законодательства в первую очередь будут расценены в качестве мер превентивного воздействия, тогда как положения, касающиеся назначения мер ответственности за совершённые в кибернетическом

²⁸⁶ Выписка из Концепция № К 1274 от 12 декабря 2014 г. «Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»

пространстве правонарушения, напротив будут с большей долей вероятности отнесены к реакционным. И подобная разнонаправленность правовой базы прослеживается не только на примере обозначенной Доктрины, но и в случае рассмотрения других государственных нормативных актов.

Прежде была затронута проблематика ответственности за нарушения стабильности кибернетического пространства и инфраструктуры, более глубокое рассмотрение которой позволит проанализировать упущенный ранее государственный механизм принуждения, аппарат карательных мер, формируемый в стране в том числе в целях обеспечения кибербезопасности. Основные права человека в качестве субъекта кибернетического пространства определены в Конституции Российской Федерации, где внимание акцентируется на неприкосновенности личной информации и свободе по её использованию и хранению в том числе в информационном пространстве²⁸⁷. В то же время документ, накладывающий ответственность за те или иные правонарушения в кибернетическом поле, а также обозначающий её размер, именуется Уголовным Кодексом Российской Федерации. В обозначенном нормативно-правовом акте на сегодняшний день содержится более 50 статей, относящихся исключительно к киберпространству и совершаемым в нём правонарушениям, а также порядка десяти близких к рассматриваемому характеру правонарушений положений²⁸⁸. Помимо Уголовного государственного механизма принуждения также формируют положения Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а также ряд других правовых актов законодательной базы России, к числу которых, к примеру, можно отнести Федеральный Закон «Об информации, информатизации и защите информации»²⁸⁹. Подобное расширение правовой базы происходит с целью наиболее эффективного реагирования на возникающие в кибернетическом пространстве вызовы национальной безопасности. При этом, обозначенный комплекс нормативно-правовых актов, формирует единую картину восприятия понятия «правонарушение в кибернетическом пространстве», из которой следует, что под правонарушением в обозначенной области правовая система Российской Федерации, с учётом отмеченных прежде норм права, подразумевает противоправные действия, совершённые или планируемые субъектом киберпространства, нарушающие установленный порядок и выступающие реальной или потенциальной угрозой кибернетическому

²⁸⁷ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. №31. - Ст. 4398

²⁸⁸ Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. «Уголовный кодекс Российской Федерации»

²⁸⁹ Кодекс Российской Федерации № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. «Об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. №1. - Ст. 1

пространству и инфраструктуре. В конечном счёте, регулярно дополняемая и модифицируемая правовая база Российской Федерации в сфере правонарушений в кибернетической среде, учитывающая достижения технологического прогресса, а также возникающие в кибернетическом поле угрозы национальной безопасности, способствует эффективной работе судебной системы страны, выступающей неотъемлемым механизмом государственного аппарата принуждения, который в свою очередь входит в состав инструментов обеспечения национальной кибербезопасности. Столь высокая значимость фактора наличия аппарата принуждения для обеспечения кибербезопасности, а также его успешная реализация в российских реалиях, предоставляют мировому сообществу наглядный пример эффективного правового воздействия на киберсреду, говоря о необходимости установления схожей системы контроля и реагирования на правонарушения в киберпространстве на международном уровне.

Следующим элементом обеспечения национальной кибербезопасности была выдвинута государственная технологическая база, которая также как и рассмотренный прежде правовой механизм призвана гарантировать стабильность, дееспособность, а также совершенствование не только государственного киберпространства, но и международного за счёт продемонстрированной прежде высокой зависимости международной среды от внутригосударственных процессов. Пожалуй, категория технологических механизмов воздействия на киберпространство выступает наиболее неустойчивой к влиянию факторов внешней среды, к которым в первую очередь относится технологический прогресс, носящий характер перманентного воздействия. Подобная специфика обозначенной методологии противодействия за счёт технологической базы указывает на необходимость постоянного совершенствования, модификации имеющегося в государстве технологического комплекса, что практически отражается и подтверждается в положениях правовых актов, принимаемых высшим военно-политическим руководством страны²⁹⁰²⁹¹²⁹². Также необходимость принятия подобных мер с целью развития международной системы кибербезопасности, основанной на стабильности национального киберпространства государств, подчёркивается и на уровне

²⁹⁰ Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»

²⁹¹ Указ Президента Российской Федерации № 803 от 03 февраля 2012 г. «Об утверждении Основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации»

²⁹² Распоряжение Совета Безопасности Российской Федерации от 07 марта 2008 года «Об утверждении Основных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»

законодательных систем других государств, а также в рамках Организации Объединённых Наций, основная часть призывов которых направлена в сторону потребности в повышении научно-исследовательского потенциала, призванного гарантировать эффективность технологий нейтрализации пагубного воздействия злонамеренных акторов киберсреды.

Следует отметить, что технологическая база противодействия угрозам, исходящим из киберпространства, разительно отличается в зависимости от рассматриваемого государства. Виной тому может послужить сразу несколько факторов, основополагающую роль среди которых играет ранее упомянутый научно-исследовательский потенциал государства. По данному показателю Российская Федерация в определённой степени уступает своим зарубежным аналогам, прежде всего расположенным на западе. Подобное положение напрямую связано с предъявляемыми в государстве к технологической базе требованиями. В данном случае отечественная нормативно-правовая база в некотором смысле скупа и скрытна в отношении направлений технологического развития, активно поддерживаемых со стороны руководства страны, чего не скажешь об американской правовой базе, в которой предельно чётко зафиксированы и концептуально отражены высокие стандарты выдвигаемых к государственной технологической базе кибербезопасности требований. Основной посыл высшего военно-политического руководства Соединённых Штатов Америки состоит в необходимости создания в стране конкурентной системы технологического обеспечения кибербезопасности. К числу основных составных элементов американского технологического потенциала обеспечения кибербезопасности руководство страны относит такое направление, как технологии подсистемной, базовой защиты, призванной предотвратить раскрытие каналов связи и внутренних систем за счёт нейтрализации радио- и электромагнитных излучений и сигналов, исходящих от киберинфраструктурных элементов. Также к обозначенному базовому уровню в США относят и системы обеспечения компьютерной и интернет-безопасности, которые по большей мере представлены антивирусным ПО, однако, дополняются устройствами фильтрации исходящих и входящих сигналов и трафика. Помимо прочего, значимый акцент не только в Соединённых Штатах, но и в Российской Федерации, а также в ряде других зарубежных государств и организаций, делается на развитии систем обнаружения незарегистрированного трафика и сигналов внутри сети, от которых напрямую зависит безопасность кибернетического пространства и инфраструктуры. Более того, помимо обнаружения, правительствами стран уделяется внимание системам реагирования на возникающие в кибернетическом пространстве изменения вредоносного характера, приводящие к дестабилизации сети, а также на

специальных автоматизированных системах восстановления дееспособности киберсреды²⁹³²⁹⁴²⁹⁵.

Обозначенные технологические механизмы нейтрализации угроз киберпространству, безусловно, дают результат исключительно в случае их комплексного использования в рамках единой системы кибербезопасности, в которой они способны эффективно реагировать на возникновение киберугроз на подавляющем большинстве уровней кибернетического пространства. Организация подобного рода системы является непростой и кропотливой задачей, особенно в условиях распределения функций по обеспечению работоспособности каждого из обозначенных элементов между разными государственными институтами, органами безопасности²⁹⁶. В данном случае лишний раз выделяется неотъемлемая роль нормативно-правовой базы, грамотное составление которой способно обеспечить требуемое количество аппаратных единиц и кадровых ресурсов, а также установить прогрессивную систему их взаимодействия, повысив тем самым оперативность и эффективность их деятельности.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что научно-исследовательский потенциал государства в значительной мере ограничен. В особенности данная ограниченность проявляется в отсутствии должного числа подготовленных специалистов, что в свою очередь зачастую приводит к неспособности государственных институтов самостоятельно выполнить требуемые работы программного и технического характера²⁹⁷. По этой причине, нередко возникает необходимость в привлечении негосударственных компаний и частных лиц, обладающих необходимой ресурсной базой, к процессу построения прогрессивной системы национальной кибербезопасности. Подобный опыт специализированного сотрудничества в последние годы имеет тенденцию к постоянному повышению объёмов и расширению числа направлений технологического обмена, что, несомненно, связано с ускоряющимися темпами

²⁹³ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.2-9

²⁹⁴ Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 2) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С. 5-12

²⁹⁵ Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX - начало XXI века) / Бухарин В.В. // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2016. №20. - С.101-108

²⁹⁶ Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №1. - Ст. 212

²⁹⁷ Зубарев И.В. Кибербезопасность автоматизированных систем управления военного назначения / Зубарев И.В., Жидков И.В., Кадушкин И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.10-16

технологического прогресса, на современном этапе переросшими возможности государства в самостоятельном своевременном технологическом развитии²⁹⁸. Примеры подобного взаимодействия акторов по вопросам технологического обмена встречаются повсеместно: взять хотя бы сотрудничество государственных институтов с компаниями-производителями антивирусного программного обеспечения. К числу таких компаний, наиболее часто привлекаемых государственными структурами можно отнести: Eset, Trend Micro, Kaspersky, Sophos и некоторые другие предприятия. Также, неотъемлемым продуктом технологического обмена в наши дни выступает передовая электронно-вычислительная техника, поставщиками которой в государственные институты обеспечения кибербезопасности по большей мере становятся международные компании Intel и AMD²⁹⁹. Получается, что сотрудничество в области технологического обмена позволяет государственным органам взаимодействовать не только с национальными компаниями-разработчиками, но и допускает привлечение зарубежных технологий. Обозначенное сотрудничество выступает критически важным элементом обеспечения кибербезопасности в наши дни, поскольку позволяет государству располагать наиболее современными и эффективными технологическими механизмами нейтрализации киберугроз, что, несомненно, также повышает стабильность и резистентность государственной киберинфраструктуры. По этой причине, обеспечение национальной кибербезопасности через развитие технологической базы государства напрямую зависит от нескольких факторов: требуется развитие собственного научно-исследовательского потенциала, а также своевременное и уместное привлечение международного технологического обмена.

Тем ни менее, сколь положительный эффект не оказывало бы международное сотрудничество на формирование национальной системы кибербезопасности, подобное взаимодействие в случае неграмотного распределения акцентов между собственными и зарубежными технологиями способно привести к обратной, скорее негативной тенденции, выраженной в установлении состояния зависимости национальной киберинфраструктуры от иностранных разработок. Подобный фактор создаёт определённый прецедент, при котором система национальной безопасности и кибербезопасность, в частности, оказывается сильно уязвимой для воздействия через сторонние технологии. О наличии подобной проблематики в

²⁹⁸ SecurityLab: Пентагон намерен расширить сотрудничество с частным сектором в борьбе с киберпреступностью / SecurityLab - 2012. - URL: <http://www.securitylab.ru/news/424454.php> (Дата обращения: 27.04.2019)

²⁹⁹ Rohrig W. Cyber Security and Cyber Defense in the European Union / Rohrig W. // Cyber Security Review - 2014. №2 - P.7-16

российских реалиях говорит последняя Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, датируемая 2016-м годом, в которой напрямую указывается наличие опасной зависимости государственных систем обеспечения кибербезопасности от иностранных технологий, с которой необходимо разобраться³⁰⁰.

Ранее были обозначены и подробно разобраны механизмы правового и технологического обеспечения национальной кибербезопасности, применяемые в том числе в Российской Федерации. Тем ни менее, отмеченная в ходе исследования зависимость развития технологической базы от нормативно-правовой составляющей, проявляется и в отношении зависимости технологического потенциала от реализуемых в государстве экономических механизмов, которые в свою очередь выступают третьим столпом системы кибербезопасности. Основопологающей задачей экономического фактора в случае противодействия угрозам кибербезопасности выступает грамотное регулирование государственных финансовых потоков и направление их в нужное русло. Подобная специфика экономического механизма позволяет направить финансовую поддержку в те отрасли, институты и элементы кибербезопасности, которые более прочих нуждаются в скорейшей модификации. Его грамотная реализация позволяет не только не допустить проявлений уязвимых мест в национальной системе кибербезопасности, но и значительно ускорить темпы эволюции национальных институтов, а также прогрессивно отразиться на научно-исследовательском потенциале государства, придав ему необходимые финансовые стимулы. В конечном счёте, воздействие экономического фактора, наравне с обозначенными ранее категориями механизмов, приводит к повышению резистентности киберсреды, способствуя укреплению и развитию национальной системы безопасности.

Также как и в случае технологического, экономический механизм первоначально полагается на нормативно-правовую базу государства, которая фактически регламентирует направления по которым должно проводиться финансовое воздействие. По обозначенной причине, рассмотрение сущности экономических механизмов обеспечения национальной кибербезопасности следует начать с изучения формирующей их правовой базы. Несомненно, первоочередное значение в области финансовых инструментов любого государства отводится Бюджету страны, который принимается для эффективного перераспределения государственных финансовых ресурсов в целях реализации потребностей и интересов

³⁰⁰ Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074

страны. Однако, Бюджет ежегодно формируется на основании государственных интересов и потребностей в различных областях, которые могут быть также отражены в различных отраслевых документах, среди которых вопросы безопасности исторически занимают одно из наиболее значимых мест. В 2016 году Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации опубликовала отчёт, по итогам которого за обозначенный календарный год 2072,2 млрд рублей из бюджетных средства было израсходовано на обеспечение безопасности страны³⁰¹. Определённая часть обозначенной суммы пошла именно на развитие технологической базы, улучшение и реорганизацию государственных институтов, а также на развитие системы кибербезопасности в целом, чему не в последнюю очередь способствовала активизация законотворческой деятельности в отношении проблематики кибербезопасности.

Особое влияние рассматриваемых экономических механизмов государства на обеспечение безопасности кибернетического пространства проявляется в реализации финансовой поддержки, направляемой в области опытно-конструкторских, а также научно-исследовательских работ, или же НИОКР. Именно данные отрасли отвечают за фактор развития технологий в стране, в том числе технологий нейтрализации угроз киберпространству. В 2014 году был опубликован «Ежегодный мониторинг средств, выделенных из федерального бюджета на финансирование НИОКР», доклад казначейства в котором отмечаются существенные тенденции прошедших лет, связанные с изменениями в направляемых на НИОКР финансовых потоков. В обозначенном докладе отмечается, что на протяжении четырёх лет сумма выделяемая в направлении прикладных и фундаментальных исследований технологий обеспечения безопасности фактически оставалась неизменной и приравнивалась к 45 млрд рублей, что эквивалентно 7% от общих расходов государства на НИОКР³⁰². К сожалению, отсутствуют более поздние публикации схожих материалов, поскольку наибольший интерес вызывает именно 2016, а также последующие года, когда в Российской Федерации наблюдалась особая активизация дискурса по проблематике кибербезопасности. Однако, даже на основании приведённых статистических данных можно сделать несколько значимых заключений. К примеру, по приведённому показателю Россия занимает 32 из 91 место в подготовленном ЮНЕСКО международном рейтинге расходов

³⁰¹ Российский статистический ежегодник 2016: «Финансы России» / Федеральная служба государственной статистики. Росстат, 2016. Ред. Егоренко С.Н. - М., 2016. - 343 с.

³⁰² Российский статистический ежегодник 2014: «Ежегодный мониторинг средств, выделяемых из федерального бюджета на финансирование НИОКР» / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014 - 31 с.

стран на содержание НИОКР³⁰³. Совокупность приведённых параметров экономического воздействия на государственные институты и механизмы обеспечения кибербезопасности формирует третий столп, третий основополагающий элемент национальной кибербезопасности - экономический.

Подводя итог рассмотрению механизмов нейтрализации киберугроз Российской Федерации, следует заключить, что эффективная система обороны кибернетического пространства формируется на основании трёх ключевых механизмов: правового, технологического и экономического обеспечения деятельности государственных служб безопасности, ответственных за кибербезопасность. При этом иницирующим звеном среди обозначенных элементов выступает именно нормативно-правовая база, которая фактически выступает двигателем государственной системы поддержания стабильности и резистентности киберпространства. Впрочем, эффективность отмеченных элементов достигается исключительно за счёт их единовременного задействования в единой системе кибербезопасности, поскольку ввиду высокой взаимозависимости они перестают играть какую-либо существенную роль действуя по-одиночке. При этом также необходимо отметить, что все три элемента могут воздействовать на киберсреду с принципиально разных позиций: как в качестве превентивной меры, так и в виде реакционного механизма. В случае с правовыми и технологическими методами данный факт предельно очевиден, однако, возникает вопрос к реакционному характеру экономического воздействия. В данном случае он будет заключаться в своевременном направлении финансовых потоков в наиболее отстающую в развитии отрасль кибербезопасности, которая фактически становится уязвимым местом системы в целом. Что же касается положения Российской Федерации, то, как уже было отмечено в ходе рассмотрения основных механизмов нейтрализации киберугроз, в стране существует достаточно прогрессивная и регулярно обновляемая нормативно-правовая база, однако, несколько отстаёт в развитии от современных стандартов технологическая база, в первую очередь выраженная научно-исследовательским потенциалом. Впрочем, активизация отечественного научно-политического дискурса по проблематике кибербезопасности в 2016 году, а также ряд принятых в последствие правовых актов, способны привести к качественным изменениям по множеству направлений обеспечения национальной кибербезопасности уже в ближайшие годы.

³⁰³ UNESCO Institute for Statistics <http://uis.unesco.org/> (Дата обращения: 27.04.2019)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безопасность сегодня лишь отдалённо напоминает тот феномен, который главенствовал в государственных интересах XX века - именно к такому основополагающему выводу можно прийти в заключении данного исследования. Его целью было выявить практическую ценность существующей теоретической базы международных отношений в вопросе противодействия современным угрозам безопасности и где как ни на практическом примере противодействия киберугрозе Российской Федерации можно было реализовать её. Результат проделанной работы продемонстрировал, что теория международной безопасности, представленная совокупностью теоретических воззрений, описывающих концепт «безопасности» в науке о международных отношениях, способна эффективно противодействовать угрозам современного мира, однако, необходимо понимать, что именно совокупность теоретических воззрений делает данный инструмент прогрессивным и эффективным, в то время как по отдельности парадигмы и концепции в теории международных отношений не способны обеспечить безопасность даже одного государства, не говоря уж о международной. Подобное положение исходит из ряда обстоятельств: методика оценки международных процессов и противодействия угрозам безопасности, преподносимые теорией, характер текущей международной среды и угрожающих ей факторов, а также множество других переменных, которые были рассмотрены в рамках данного исследования. Для того, чтобы обосновать сделанное заключение перейдём к частным выводам, которые были сделаны в ходе работы.

Первые из поставленных задач были отнесены как раз таки к теории международной безопасности, а точнее к концепту «безопасности» в теории международных отношений, где основополагающей целью было выявить сильные и слабые стороны теоретических воззрений на проблематику безопасности. Из проведённого анализа стало ясно, что концепт «безопасности» является весьма неоднородным явлением, обладающим сразу несколькими направлениями для дальнейшего применения: либо в продолжении теоретических исследований, либо для практической реализации. Последнее из обозначенных направлений представляло особый интерес в рамках данной работы. По этой причине отнюдь не все элементы теоретической базы были отнесены к категории эффективных инструментов противодействия угрозам безопасности. Рассмотрим же какие частные теории и концепции обладают практической ценностью в современных реалиях.

И начнём, как это ни удивительно с неореалистической парадигмы, а также частных концепций, отражённых в данном теоретическом подходе. Основным достижением

неореализма, а также предшествовавших ему теорий стало оформление внушительной базы аналитических подходов к пониманию действий акторов в международной среде, мотивированных естественным желанием обеспечить свои национальные интересы. Ключевую роль в обеспечении безопасности границ, интересов и потребностей, по мнению реалистов и их последователей играет государство, которое фактически и является основоположником всех международных процессов, включая столь негативный фактор как угроза безопасности. Подобный подход к рассмотрению действительности представлялся эффективным лишь в XX веке, а также в более ранние эпохи, в то время как на сегодняшний день уже не достаточно изучать исключительно государства и их интересы для того, чтобы анализировать систему международных отношений, в которой всё более значимую роль занимают нетрадиционные акторы: международные организации, бизнес-структуры, общественные группы и даже частные лица. Помимо того, необходимо отметить, что значимое место в обозначенном теоретическом направлении играет характер международной среды, которая, по мнению представителей парадигмы, неизменно обладает чертой анархичности, что в свою очередь указывает на наличие постоянного конфликта интересов в межгосударственном диалоге. По мнению большинства критиков неореалистического подхода в теории международных отношений, не смотря на качественное переосмысление существенных упущений положений политического реализма, теория всё ещё обладает большим количеством слабых мест, не позволяющих ей в определённой степени превзойти альтернативные научные подходы. К числу таких «недостатков» относят большое количество недочётов теоретических воззрений, однако, наиболее уязвимой позицией неореалистов остаётся рассматриваемая в ключе игры с нулевой суммой концепция национальной безопасности, построенная на стремлении к обеспечению баланса сил в условиях конфликтности международной среды. Подобная позиция, особенно в условиях современного мира, где существенным изменения подверглась сама международная среда, а также фактически была устранена угроза возникновения нового крупного или даже мирового вооружённого противостояния, несколько проигрывает воззрениям тех же неолиберальных кругов. По этой причине, частные концепции и теории в рамках неореалистической парадигмы такие как, к примеру, баланс сил, баланс угроз, теория гегемонистской стабильности, дилемма безопасности - все они, а также некоторые другие достижения неореализма, безусловно, представляют интерес, однако, исключительно со стороны продолжения теоретических исследований.

Несколько обратная картина наблюдается при рассмотрении взглядов неолиберализма на проблематику безопасности. Если говорить более конкретно, то к наиболее прогрессивным сторонам данной парадигмы относится выделение роли новых акторов международной среды, правовое регулирование миропорядка, расширение понятия безопасности и соответственно перечня угроз современным акторам международной среды, а также отход от исключительно силового воздействия акторов внутри международной системы, с акцентом на сотрудничестве и «мягких» механизмах воздействия. Важную роль в эволюции концепта безопасности сыграли такие учения парадигмы неореализма как: концепции кооперативной безопасности, демократического мира, человеческой безопасности, понятия «общей безопасности», «всеобъемлющей безопасности» а также ряд других достижений, расширивших не только восприятие феномена безопасности, но и в целом изменивших отношение исследователей и политиков к мировым процессам. Таким образом, ввиду прогрессивности взглядов неолиберальной парадигмы она предоставляет не только существенную теоретическую базу для продолжения исследований, но и обладает практической ценностью, в том числе благодаря тому, что выделяет ряд перспективных механизмов воздействия на международную среду.

Глобализм в свою очередь фокусирует внимание на экономических вопросах обеспечения безопасности, связывая её с фактором экономического могущества, на который также завязано большинство общемировых процессов. Особую ценность для данного исследования представляют достижения школы мирных исследований, которые представили принципиально новый взгляд на феномен безопасности, выделив различие между «позитивным» и «негативным» восприятием понятия «мир», расширив тем самым само понятие безопасности. Также интерес представляют отмеченные прежде теория зависимости, теория центра и периферии и мир-системный анализ, которые в совокупном воздействии привнесли значимый вклад в изучение международной среды, а также конфликта, выступающего его неотъемлемой частью. Впрочем, следует отметить, что не смотря на широкую базу инструментов анализа злободневной действительности, преподносимую парадигмой глобализма, к сожалению, за редким исключением она не предоставляет существенных механизмов, способных качественно воздействовать на возникающие угрозы современности, а потому практическая ценность обозначенного теоретического подхода будет в большей степени проявляться лишь с позиции исследователей-международников, для которых открываются новые просторы для анализа сущности международных процессов.

Последней парадигмой, рассмотренной в рамках теории международной безопасности, стал постпозитивизм. Достижения критической теории, постмодернизма, феминизма, а также социального конструктивизма привнесли в современный научно-политический дискурс ряд прогрессивных определений и подходов к трактованию сущности ключевых для проблематики безопасности элементов. Необходимость комплексного подхода к проблемам безопасности, фактор идентификации, расширение толкования понятия «безопасность», установление трансграничного характера современных угроз, выделение обеспечения защиты человека, его интересов и потребности в качестве приоритетной составляющей феномена безопасности - всё это и некоторые другие положения являются непосредственным достижением сторонников постпозитивистской парадигмы. Безусловно, значимый вклад со стороны данного теоретического подхода был внесён именно в научный дискурс, позволив более эффективно оценивать явления современной международной среды, однако, что касается предоставления механизмов нейтрализации возникающих угроз, эффективно применимых на практике, то здесь представители постпозитивизма в большей степени, как и всё мировое сообщество, отдают предпочтение неолиберальным методам воздействия на международную среду. В особенности, это касается механизмов «мягкого» воздействия на международные процессы.

Таким образом, рассмотрение эволюции концепта «безопасности» в теории международных отношений позволило сделать один значимый вывод в отношении теоретической базы проблематики безопасности: ни одна из существующих парадигм или же частных теорий международных отношений не в состоянии самостоятельно и в полной мере описать феномен безопасности, а также предоставить действенные механизмы устранения фактора угрозы из международной среды. А потому для преодоления вызовов современности, угрожающих безопасности человека и общества, требуется учитывать весь накопленный академическим сообществом опыт по анализу феномена безопасности и смежные ему явления. Тем ни менее, если говорить о конкретной пользе тех или иных парадигм теории международных отношений, то следует выделить несколько из них, в большей степени подходящих к реалиям XXI века и способных предоставить действительно прогрессивную картину особенностей современного мира. Таковыми парадигмами можно назвать неолиберализм и преподносимые им ценности международного и частного права, демократического мира и обеспечения безопасности «мягкими» инструментами, а также отдельные направления постпозитивизма, в частности, постмодернизм и социальный конструктивизм, позволяющие наиболее эффективно оценить мировые процессы.

Следующим этапом исследования стало определение текущего состояния международной среды с выделением характерных особенностей современных угроз безопасности. Прежде всего следует отметить, что тенденции глобализации и технологического прогресса, а также факт краха биполярной системы существенно отразились на характере связей в международной среде, приведя к изменению роли государства в системе международных отношений, а также к появлению большого числа самостоятельных международных акторов в лице транснациональных формирований, неправительственных бизнес структур, преступных и террористических организаций и даже частных лиц, а также множества других новоявленных субъектов международных отношений. Обозначенные явления технологического прогресса и глобализации также предоставили злонамеренным акторам новые механизмы пагубного воздействия на международную среду. В связи с этим существенно расширилось и само трактование понятия безопасность: в его структуру помимо традиционных военных характеристик были введены принципиально новые элементы в виде экономической, экологической, социальной, политической и других измерений безопасности, достижение которых мало того, что требовало отстраниться от традиционных механизмов в пользу невоенных средств, так и более того указывало на необходимость осуществления кооперации в международном сообществе с целью преодоления глобальных вызовов современности.

Отмеченные вызовы в свою очередь приобрели ряд отличительных характеристик, который стали: асимметричной, гибридность и комплексный характер. Помимо того, отдельную категорию современных вызовов безопасности сформировали «мягкие» угрозы, сущность которых заключается в социальной направленности исходящих от них вызовов, а также в их невоенном характере. Асимметричность же пагубных явлений современного мира состоит том, что они способны эффективно воздействовать даже на акторы международной среды, которые обладают внушительной армией и ресурсами, многократно превосходящими ресурсы агрессора. Данный факт лишний раз акцентирует внимание на сущности современного феномена безопасности, который более не концентрируется исключительно на вопросах военной подготовки, а требует куда более содержательного и комплексного подхода к выстраиванию обороны. Следующей характерной особенностью угроз современного типа была выделена их гибридность - характеристика, описывающая фактор оказания опосредованного, непрямого, и даже скрытного воздействия на предполагаемого противника невоенными механизмами. К числу данных механизмов исследователи проблематики в первую очередь относят дипломатическую и информационную борьбу, идеологическое и

экономическое воздействие, политический нажим и шантаж, подрывную деятельность за счёт привлечения террористических и иных группировок, кибератаки. Однако, не следует ограничиваться на перечисленных методах, поскольку оказание гибридного воздействия означает комплексное влияние на оппонента за счёт всех возможных и доступных невоенных средств внутренней дестабилизации. Последней из рассмотренных особенностей глобальных вызовов современности была обозначена их комплексность. Рассмотрение данной характеристики отбрасывает нас к части описания состояния международной среды наших дней, где подчёркивалась, что мир в его текущем положении вошёл в эпоху «всеобщей взаимозависимости». Данная черта отразилась и на характере современных вызовов безопасности, которые оказались не только связаны между собой, но и способны оказывать совокупное воздействие на человека, общество и государство, что в значительной степени повышает поражающий потенциал угроз современности. Более того, комплексный характер современных вызовов безопасности в значительной степени усложняет фактор эффективного реагирования: размываются границы между «мягкими» и «жесткими» угрозами безопасности, из-за чего стирается и граница применения силы акторами международной среды, что делает саму среду куда более опасной и конфликтной. Наиболее примечательным фактом, выведенным в ходе исследования проблематики безопасности, стало заключение о том, что феномен киберугрозы фактически аккумулирует в себе все свойственные глобальным вызовам современности черты. Потому можно с уверенностью говорить, что именно вопросы кибербезопасности становятся приоритетной целью государств современного мира в обеспечении национальной безопасности и защите общества.

На завершающем этапе исследования было произведено рассмотрение сущности и доктринальных основ феномена, которое показало, что на сегодняшний день разрозненность взглядов мирового сообщества на вопросы обеспечения кибербезопасности и противодействия киберугрозам фактически выступает непреодолимой преградой на пути к выработке единой общемировой концепции кибербезопасности. Тем ни менее, как показывает нормативно-правовое поле, куда большего прогресса добились отдельные государства в построении национальной безопасности, учитывающей фактор киберугроз. К числу успешных в данном направлении государств можно отнести и Российскую Федерацию, законодательная база которой, позволяет с уверенностью говорить о единстве взглядов высшего военно-политического руководства страны по проблематике кибербезопасности, трактуемой в стране как состояние защищённости акторов киберсреды, которое включает как технические средства киберинфраструктуры, так и комплекс человеческого и программного

взаимного воздействия на телекоммуникационные сети. Подобная прогрессивность правовых актов Российской Федерации выделяется и за рубежом, что позволяет государству находиться в первом эшелоне киберобороны не только национального, но и международного киберпространства. Положение России в данном случае представляет высокий интерес для академического сообщества, поскольку внутригосударственный опыт противодействия угрозам киберсреды может быть вполне успешно перенесён на уровень международной кибербезопасности, что позволило бы в значительной степени сократить количество и качество угроз, исходящих от киберпространства.

Что же касается непосредственно киберугроз, то, исходя из проведённого анализа их можно разделить на четыре обширных категории, к которым будут отнесены: деятельность хакеров-одиночек, организованная киберпреступность, идеологический и политический экстремизм в киберпространстве, а также информационная агрессия государства в киберсреде. Каждая из приведённых групп выступает существенным вызовом не только национальной, но и международной безопасности. Однако, как показала практика подобное разделение носит весьма условный характер, поскольку зачастую особую сложность вызывает не только определение актора, выступившего агрессором в кибернетическом поле, но и определение конечной цели агрессии, а также мотивации злонамеренного актора. Подобная специфика фактора киберугрозы лишней раз подчёркивает то, что данная угроза аккумулирует в себе фактически все основные черты вызовов нового поколения, выступая не только «мягкой» угрозой безопасности, но и нося характера асимметричного, комплексного и даже гибридного вызова безопасности человека и общества.

Кульминацией исследования была призвана стать часть описывающая механизмы нейтрализации киберугроз Российской Федерации, основополагающим выводом которой стал факт о том, что эффективная система обороны кибернетического пространства формируется на основании трёх ключевых механизмов: правового, технологического и экономического обеспечения деятельности государственных служб безопасности, ответственных за кибербезопасность. При этом иницирующим звеном среди обозначенных элементов выступает именно нормативно-правовая база, которая фактически выступает двигателем государственной системы поддержания стабильности и резистентности киберпространства. Впрочем, эффективность отмеченных элементов достигается исключительно за счёт их единовременного задействования в единой системе кибербезопасности, поскольку ввиду высокой взаимозависимости они перестают играть какую-либо существенную роль действуя по-одиночке. При этом также необходимо

отметить, что все три элемента могут воздействовать на киберсреду с принципиально разных позиций: как в качестве превентивной меры, так и в виде реакционного механизма. В случае с правовыми и технологическими методами данный факт предельно очевиден, однако, возникает вопрос к реакционному характеру экономического воздействия. В данном случае он будет заключаться в своевременном направлении финансовых потоков в наиболее отстающую в развитии отрасль кибербезопасности, которая фактически становится уязвимым местом системы в целом. Что же касается положения Российской Федерации, то, как уже было отмечено, в стране существует достаточно прогрессивная и регулярно обновляемая нормативно-правовая база, однако, несколько отстаёт в развитии от современных стандартов технологическая база, в первую очередь выраженная научно-исследовательским потенциалом, развитие которого основывается не только на внутренних факторах, но и полагается на сотрудничество в рамках международного технологического обмена.

Таким образом, было наглядно продемонстрировано, что обозначенные в самом начале исследования эффективные инструменты воздействия на пагубные факторы международной среды, преподносимые неолиберальной парадигмой и развиваемые постпозитивистами, могут оказывать непосредственное воздействие на современные угрозы безопасности человека и общества. Более того, именно теория международной безопасности, а также выделяемые её представителями методы анализа современного мира, позволили наиболее эффективно определить сущность не только киберугрозы, но и в целом вызовов современного поколения, указав тем самым на источник возникающих в среде факторов, способных негативно воздействовать на систему и общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники

Нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы безопасности и кибербезопасности:

- 1) Выписка из Концепции от 22 сентября 2011 г. «Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности»
- 2) Выписка из Концепция № К 1274 от 12 декабря 2014 г. «Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»
- 3) Закон Российской Федерации №2446-І от 5 марта 1992 г. «О безопасности»
- 4) Приказ Президента Российской Федерации № Пр-212 от 07 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»
- 5) Приказ Президента Российской Федерации № Пр-1753 от 24 июля 2013 г. «Об утверждении Основ государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года»
- 6) Проект Концепции Совета Безопасности Российской Федерации от 09 сентября 1999 года «Концепция совершенствования правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»
- 7) Проект Концепции Совета Федерации Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. «Концепция Стратегии кибербезопасности Российской Федерации»
- 8) Распоряжение Совета Безопасности Российской Федерации от 07 марта 2008 года «Об утверждении Основных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации»
- 9) Указ Президента Российской Федерации № Пр-1895 от 9 сентября 2000 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»
- 10) Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»
- 11) Указ Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №50. - Ст. 7074
- 12) Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. №1. - Ст. 212

- 13) Федеральный закон №390-ФЗ от 28 декабря 2010 «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. №1.

Международные нормативно-правовые акты, а также документы иностранных государств, регламентирующие вопросы безопасности и кибербезопасности:

- 1) Доклад Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций № А/70/162 от 7 ноября 2015 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности»
- 2) Программа Международного союза электросвязи от 16 апреля 2008 г. «Глобальная программа кибербезопасности: Основа для международного сотрудничества в области кибербезопасности»
- 3) Стамбульский документ ОБСЕ от 19 ноября 1999 года «Хартия Европейской безопасности»
- 4) EU Cyber Security Strategy – An Open, Safe and Secure Cyberspace от 07 февраля 2013 г.
- 5) The US Department of Defense Cyber Strategy от 17 апреля 2015 года
- 6) US National Security Strategy от 12 февраля 2015 года

Парадигмы теории международных отношений о проблематике безопасности:

- 1) Акопов С.В., Прошина Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далёких местных» / Акопов С.В., Прошина Е.М. // Власть. 2011. №1. - С.89-92
- 2) Арон Р. Мир и война между народами / Арон Р. - М.: NOTA BENE, 2000. - 880 с.
- 3) Арсенян А.З. Эволюция концепций «национальной безопасности» в современных международных отношениях / Арсенян А.З. // Вестник РГГУ. - 2012. №1. - С.23-35
- 4) Асташин В.В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности / Асташин В.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2008. №2(14). - С.63-69
- 5) Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / Валлерстайн И. - М.: Ленанд, 2018. - 304 с.
- 6) Вендт А. Четыре социологии международной политики / Вендт А., Отв. ред. П.А. Цыганков // Международные отношения: социологические подходы. 2002. С.111-114
- 7) Добреньков В.И. Политический реализм и политический прагматизм в международных отношениях / Добреньков В.И. // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. №1. С.18-32

- 8) Зобнин А. Теория домино в научном дискурсе / Зобнин А. // Международные процессы. - 2016. Том 14. № 2 (45). - С. 65-77
- 9) Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Левиафан в поисках миропорядка: проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта / Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. // Вестник Томского государственного университета. - 2016. № 407. - С.78-88
- 10) Игнаткин О.Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях / Игнаткин О.Б. // Вестник РГГУ. - 2013. №1. - С.74-82
- 11) Кант И. К вечному миру (Иммануил Кант. Сочинения в 6 т. Т. 6.) / Кант И. - М.: Мысль, 1966. - 4190 с.
- 12) Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современные теории международных отношений: учебник / Коньшев В.Н., Сергунин А.А. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 368 с.
- 13) Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности / Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. // Теории и проблемы политических исследований. - 2016. №3. С.94-112.
- 14) Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / Коньшев В.Н. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.
- 15) Кулагин В.М. Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития / Кулагин В.М. // Полис. - 2000. №1. С.23-37
- 16) Моргентхау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир / Моргентхау Г. // Социально-политический журнал. - 1997. №2. С.189-201
- 17) Победаш Д.И. Политический реализм Эдварда Карра / Победаш Д.И. - Издательство Уральского университета, 2010. - 111 с.
- 18) Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы / Пушкарева Н.Л. // Женщина в российском обществе. - 2002. №2-3. - С. 32-37.
- 19) Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений / Сергунин А.А. // Научные ведомости: Серия История. Политология. Экономика. Информатика. - 2010. №19(90). Выпуск 16. С.231-236
- 20) Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации / Тамбовцева М.А. // Грамота. - 2017. №9(83). С.185-187

- 21) Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / Тикнер Дж.Э. - М.: Культурная революция, 2006. - 336 с.
- 22) Фукидид История / Фукидид - Репринт. изд. - СПб.: София: ТОО "Пролог", 1994. - 403 с.
- 23) Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие / Цыганков П.А. - М.: Гардарики, 2003. - 590 с.
- 24) Axworthy L. La sécurité humaine : la sécurité des individus dans un monde en mutation / Axworthy L. // Politique étrangère, 1999. - Vol.64. №2. P.333-342
- 25) Banks M. The Inter-paradigm Debate / Banks M. // International Relations: Handbook of current Theory. - 1993. - P.7-26
- 26) Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / Buzan B. - ECPR Press, 2007. - 318 p.
- 27) Buzan B., Wæver O. Regions and powers / Buzan B., Wæver O. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 564 p.
- 28) Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. / Buzan B., Waever O., de Wilde J. - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. - 239 p.
- 29) Carter A., Perry W. and Steinbruner J. A New Concept of Cooperative Security / Carter A., Perry W. and Steinbruner J. - W.: The Brooking Institution, 1992. - 65 p.
- 30) Carr E.H. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations / Carr E.H. - L.: Harper Perennial, 1964. - 244 p.
- 31) Clark G., Sohn L.B. World Peace Through World Law. Two Alternative Plans / Clark G., Sohn L.B. - Harvard University Press. Cambridge, 1966. - 535 p.
- 32) Cohen R. Cooperative Security: New Horizons for International Order / Cohen R. - P.N.: The Marshall Center Papers, 2001. - 67 p.
- 33) C. von Clausewitz On War / C. von Clausewitz - Princeton University Press, 1989. - 752 p.
- 34) David Cortright, Raimo Vayrynen Towards Nuclear Zero / David Cortright, Raimo Vayrynen - London: International Institute for Strategic Studies, Arundel House. - 2010. - 182 p.
- 35) De. Mondialisation S.P. Souveraineté et théories des relations internationales / De. Mondialisation S.P. - Paris: Armand Colin, 1998. - 224 p.
- 36) Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America / Frank A.G. - N.Y.: Monthly Review Press, 1969. - 224 p.
- 37) Galtung J. A Structural Theory of Agression / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1964. Vol.11. №2. - P.95-119

- 38) Galtung J. A Structural Theory of Imperialism / Galtung J. // Journal of Peace Research. - 1971. №2. P.81-98
- 39) Galtung J. The Next Twenty-five Years of Peace Research: Tasks and Prospects / Galtung J. - Oxford Project for Peace Studies, 1988 - 28 p.
- 40) George J. Discourses of Global Politics: A Critical (Re)Introduction to International Relations / George J. - Palgrave, 1994. - 280 p.
- 41) Gilpin R. War and Change in World Politics / Gilpin R. - Cambridge University Press, 1983. - 288 p.
- 42) Graham T. Allison Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis / Graham T. Allison // The American Political Science Review. - 1969. Vol.63. №3. - P.689-718
- 43) Jervis R. Cooperation under security dilemma / Jervis R. // World politics. - 1978. Vol.30. №2. - P.167-214
- 44) John H. Herz Idealist Internationalism and the Security Dilemma / John H. Herz // World Politics. - 1950. Vol.2. №2. - P.157-180
- 45) John H. Herz Political realism and political idealism / John H. Herz - University of Chicago Press, 1951. - 275 p.
- 46) Keohane R. Neorealism and Its Critics / Keohane R. - Columbia University Press, 1986. - 378p.
- 47) Kissinger H. Diplomacy / Kissinger H. - N.Y.: A Touchstone Book, 1995. - 912 p.
- 48) Morgenthau H.J. Politics among nations / Morgenthau H.J. - McGraw-Hill Education, 2005. - 752 p.
- 49) Ninkovich F. Modernity and Power: A History of the Domino Theory in the Twentieth Century / Ninkovich F. - Chicago: University of Chicago Press, 1994. - 418 p.
- 50) Organski A.F.K. World Politics / Organski A.F.K. - Alfred A. Knopf, 1968. - 461 p.
- 51) Prebisch R. Towards a Dynamic Development Policy for Latin America / Prebisch R. - N.Y.: United Nations, 1963. - 103 p.
- 52) Robert O. Keohane, Joseph S. Nye Power and Interdependence / Robert O. Keohane, Joseph S. Nye // International Organization. - 1987. Vol.41. №4. P.725-753
- 53) Small M., Singer D. The war-proneness of democratic regimes, 1816-1965 / Small M., Singer D. // The Jerusalem Journal of International Relations. - 1976. Vol.1. №4. - P.50-69
- 54) Viotti P.R., Kauppi M.V. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism and Beyond / Viotti P.R., Kauppi M.V. - N.Y.: Macmillan, 1992. - 618 p.
- 55) Walker R.B.J. One world, many worlds: struggles for a just world peace / Walker R.B.J. - Lynne Rienner Publishers, 1988. - 192 p.

- 56) Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / Wallerstein I. - N.Y.: Academic Press, 1974. - 410 p.
- 57) Walt S. The origins of alliances / Walt S. - N.Y.: Cornell University Press, 1987. - 336 p.
- 58) Waltz K.N. Man, the State, and War: Theoretical Analysis / Waltz K.N. - N.Y.: Columbia University Press, 1959. - 263 p.
- 59) Wendt A. Anarchy is What States Make of it / Wendt A. // International Organization. - 1992. Vol.46. №2. - P.391-425

Литература

Монографии:

- 1) Гаспарян Д.М. Мягкая безопасность Закавказья в контексте мировой политики / Гаспарян Д.М. - СПб., 2009. - 216 с.
- 2) Гусаков Н.П. Интеграция России в мировую экономику: Монография / Н.П. Гусакова. - М.: Издательство РУДН, 2009. - 419 с.
- 3) Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Касенова М.Б., Демидов О.В. - М.: Статут, 2013. - 464 с.
- 4) Никонов А.Д. Проблемы военной разрядки / Проектор Д.М., Никонов А.Д. - М.: Наука, 1981. - 199 с.
- 5) Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов». Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Рыхтик М.И. - М.: Аспект Пресс, 2002. - 197 с.
- 6) Brongers K. A more satisfying view on why big nations lose small wars. The decisive elements for asymmetric conflict outcome / Brongers K. - MA: International Relations, 2017. - 54 p.

Статьи:

- 7) Александров А.В. Информационное сопровождение деятельности вооружённых сил в современных конфликтах / Александров А.В. // Власть. - 2014. №6. - С.35-39
- 8) Ананьев А.В., Ананьева Е.В. «Мягкая» безопасность становится жестче / Ананьев А.В., Ананьева Е.В. // Международная жизнь. - 2009. №4. - С.105-107
- 9) Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. Гибридные войны: сущность, черты и угрозы / Ахметов Ж.Х., Чокушев Е.И. // Актуальные проблемы противодействия терроризму и

- экстремизму: история, современное состояние, перспективы - 2017: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 октября 2017 г., Новосибирск) / Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; ред. С.А. Куценко - Новосиб., 2017. - С.202-213
- 10) Бабурина О.Н. Концептуальные подходы к международным отношениям в условиях глобализации: от альтернатив дихотомии к синергетике / Бабурина О.Н. // Известия ВУЗ. Поволжский регион. - 2008. №1. - С. 73-81
 - 11) Безкорвайный М.М. Кибербезопасность - подходы к определению понятия / Безкорвайный М.М., Татузов А.Л. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №4. - С.22 - 27
 - 12) Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2013. №1. - С.2-9
 - 13) Боракий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 2) / Боракий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С.5-12
 - 14) Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX - начало XXI века) / Бухарин В.В. // Вестник Иркутского государственного технического университета. - 2016. №20. - С. 101-108
 - 15) Воробьёв Ю.Л. Проблемы комплексной безопасности в XXI века / Воробьёв Ю.Л. // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. - 2013. №1. - С.173-179
 - 16) Воронцов С.А. Политическая культура и идеологии: О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере / Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2015. №9. - С.16-25
 - 17) Гаджиев К.С. «Гибридные войны» в современном мире / Гаджиев К.С. // Власть. - 2016. №10. С.218-223
 - 18) Горный М.А. Мягкая безопасность - балтийское измерение / Горный М.А. // Публичная политика. - 2004. Сборник статей. / Под редакцией А.Ю.Сунгурова. - СПб: Норма, 2004. - С.19-31

- 19) Гуджатуллаев Р.А. Сепаратизм и его последствия в условиях этнополитического конфликта / Гуджатуллаев Р.А. - Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. - 2015. Том 157. Кн.1. - С. 223-228
- 20) Гусаков Н.П. Россия и глобальные вызовы / Гусаков Н.П. // Мировой кризис и геополитические перспективы. - Вестник РУДН. - 2011. Серия «Экономика». №5 - С. 9-15
- 21) Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2007. №1. - С.123-129
- 22) Дериглазова Л.В. Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания «холодной войны» / Дериглазова Л.В. // Вестник томского государственного университета. - 2005. №1. - С.56-61
- 23) Доленина О.Е., Рябова Е.В. Экономические последствия экологических и техногенных катастроф на примере Европы / Доленина О.Е., Рябова Е.В. // Вестник ТГУ. - 2013. №2. - С.587-591
- 24) Ельчанинова Н.Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети интернет / Ельчанинова Н.Б. // Общество: политика, экономика, право. - 2016. №12. - С. 11-15
- 25) Згоба А.И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения / Згоба А.И., Маркелов Д.В., Смирнов П.И. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №5. - С.30-38
- 26) Зонов Ф.А. Международный терроризм и мировой опыт борьбы с ним / Зонов Ф.А. // Власть. - 2011. №1. - С.103-106
- 27) Казаковцев А.В. НАТО и кибербезопасность / Казаковцев А.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. №2. - С.109-114
- 28) Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение / Карпова Д.Н. // Власть. - 2014. №8. - С.46-50
- 29) Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления / Кременюк В.А. // Международные процессы. - 2003. №1. С.63-73
- 30) Майдыков А.А. Национальные интересы - Актуальные проблемы противодействия использованию интернета террористическими и экстремистскими организациями / Майдыков А.А., Исаров О.Б. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2015. №38. - С.44-51
- 31) Марков А.С. Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 / Марков А.С., Цирлов В.Л. // Вопросы кибербезопасности. - 2014. №1. - С.28-35

- 32) Мюнклер Х. Терроризм сегодня. Война становится асимметричной / Мюнклер Х. // *International Politic.* - 2004. №1. С.36-41
- 33) Ницевич В.Ф. Методологические подходы к познанию международной безопасности / Ницевич В.Ф. // *Мировые проблемы. Внешняя политика.* - 2012. №3. - С. 186-191
- 34) Пузырев К.С. Сепаратизм как политическое явление / Пузырев К.С. - *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.* - 2010. №4. - С. 133-143
- 35) Ротфельд А.Д. Международная безопасность: формирующаяся повестка дня / Ротфельд А.Д. // *Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ.* 1997. С.38
- 36) Рыбаков А.В., Квон Д.А. Сепаратизм: современные особенности и тенденции развития / Рыбаков А.В., Квон Д.А. - *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* - 2015. - С.71-75
- 37) Самохина Н.Н. Феномен идеологии экстремизма и терроризма в сети интернет: Проблемы и пути их решения / Самохина Н.Н., Готова С.Г. // *Общество: политика, экономика, право.* - 2016. №10. - С. 18-23
- 38) Судаков С.С. Асимметричные угрозы «американской исключительности» сквозь призму реализма и прагматизма / Судаков С.С. // *Государственное управление.* - 2015. №49. - С. 163-176
- 39) Троегубов Ю.Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет / Троегубов Ю.Н. // *Гуманитарный вектор. Серия: История, политология.* - 2014. №3. - С.143-147
- 40) Шушков Г.М. Концептуальные основы информационной безопасности Российской Федерации / Шушков Г.М., Сергеев И.В. // *Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных: сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции.* - М.: ИИУ МГОУ, 2016. - С. 69-76
- 41) Bachmann S.D., Gunneriusson H. Hybrid wars: The 21st century's new threats to global peace and security / Bachmann S.D., Gunneriusson H. // *Scientia Militaria: South African j. of military studies.* - 2015. Vol.43. №1. P.77-98.
- 42) Gozzi R. A brief history of internet time / Gozzi R. // *Metaphors in action* - 2002. №1 - P.47-54
- 43) Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. Institutional Cybersecurity from Military Perspective / Karaman M., Catalkaya H., Aybar C. // *International Journal of Information Security Science.* - 2016. №1. - P.1-7.

- 44) Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict / Mack A. // World Politics. - 1975. Vol.27. №2. P.175-200
- 45) Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian / Popescu N. // EU Institute for Security Studies. - 2015. №4. - P.1-2
- 46) Rohrig W. Cyber Security and Cyber Defense in the European Union / Rohrig W. // Cyber Security Review - 2014. №2 - P.7-16
- 47) Stiglitz J. Freefall: America, free markets, and the sinking of the world economy / Stiglitz J. // NY: W.W. Norton & Company, 2010 - 361 p.
- 48) Ulmann R. Redefining security / Ulmann R. // International security. - 1983. Vol.8. №1. - P. 129-153
- 49) Walt S.M. The Ties That Fray. Why Europe and America are Drifting Apart / Walt S.M. // The National Interest. - 1998. №110.
- 50) Worley R. Asymmetry and adaptive command / Worley R. // Military Review. - 2001. Vol.81. - P.38-44

Справочно-энциклопедическая литература:

- 51) Российский статистический ежегодник 2014: «Ежегодный мониторинг средств, выделяемых из федерального бюджета на финансирование НИОКР» / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014 - 31 с.
- 52) Российский статистический ежегодник 2016: «Финансы России» / Федеральная служба государственной статистики. Росстат, 2016. Ред. Егоренко С.Н. - М., 2016. - 343 с.

Официальные сайты организаций:

- 1) NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence, Definition Centre <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html> (Дата обращения: 25.04.2019)
- 2) UNESCO Institute for Statistics <http://uis.unesco.org/> (Дата обращения: 27.04.2019)

Материалы сети интернет:

- 1) Барри Ч. Взгляд на национальные и международные проблемы кибербезопасности / Барри Ч. - 2015. - URL: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/> (Дата обращения: 23.04.2019)

- 2) Бартош А.А. Гибридные войны будущего - прогнозирование и планирование / Бартош А.А. - Независимое военное обозрение. - 2014. - URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (Дата обращения: 23.04.2019)
- 3) Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 16 февраля 2019 года / МИД РФ - 2019. - URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3520272 (Дата обращения: 04.03.2019)
- 4) РИАНовости: Глава МАГАТЭ заявил о кибератаке на атомную электростанцию / РИАНовости - 2016. - URL: <https://ria.ru/20161010/1478903755.html> (Дата обращения: 25.04.2019)
- 5) РИАНовости: Громкие случаи кибератак и взломов в мире в 2000-2014 годах / РИАНовости - 2014. - URL: <https://ria.ru/spravka/20140814/1019983404.html> (Дата обращения: 27.04.2019)
- 6) РИАНовости: НАТО одобрит создание центра киберопераций Альянса / РИАНовости - 2018.- URL: <https://ria.ru/20180710/1524312739.html> (Дата обращения: 22.04.2019)
- 7) РИАНовости: Мировой финансовый кризис 2008 года и последствия для России / РИАНовости - 2016.- URL: <https://ria.ru/20130816/956672411.html> (Дата обращения: 22.03.2019)
- 8) Российская Газета: Генассамблея ООН поддержала предложение РФ по кибербезопасности / Российская Газета - 2018. - URL: <https://rg.ru/2018/12/05/genassambleia-oon-podderzhala-predlozhenie-rf-po-kiberbezopasnosti.html> (Дата обращения: 26.04.2019)
- 9) Русское Агентство Новостей: Вирус WannaCry атаковал Минздрав, МЧС, МВД, РЖД, «Сбербанк» и «Мегафон» / Русское Агентство Новостей - 2019. - URL: новости-россии.ru-an.info/новости/вирус-wanna-cry-атаковал-минздрав-мчс-мвд-ржд-сбербанк-и-мегафон/ (Дата обращения: 01.05.2019)
- 10) ТАСС: Крупные атаки хакеров в 2001-2016 годах: хронология / ТАСС – 2016. - URL: <http://tass.ru/info/1408961> (Дата обращения: 22.04.2019)
- 11) BBC: «Российский след» на выборах президента США: так были ли хакеры? / BBC – 2016. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38205035> (Дата обращения: 23.04.2019)
- 12) BBC: Макрон: наши серверы взломаны хакерами / BBC – 2017. – URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39829217> (Дата обращения: 06.05.2019)

- 13) BBC: Во взломе сервера Демократической партии США сознался хакер-одиночки / BBC - 2016. - URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160616_hackers_usa_democratic_party (Дата обращения: 27.04.2019)
- 14) SecurityLab: Пентагон намерен расширить сотрудничество с частным сектором в борьбе к киберпреступностью / SecurityLab - 2012. - URL: <http://www.securitylab.ru/news/424454.php> (Дата обращения: 27.04.2019)
- 15) The Guardian: Frankenstein the CIA created / The Guardian - 1999. - URL: <https://www.theguardian.com/world/1999/jan/17/yemen.islam> (Дата обращения: 25.04.2019)
- 16) Wylsa: Что известно про вирус WannaCry и как не попасть? / Wylsa - 2019. - URL: <https://wylsa.com/wannacry-virus/> (Дата обращения: 01.05.2019)